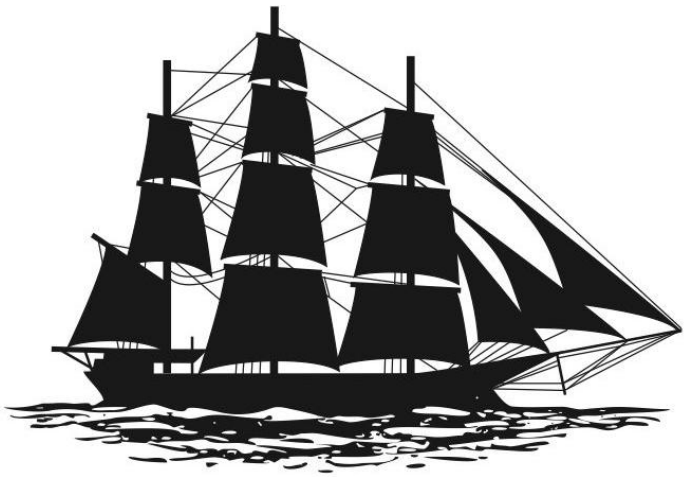
Литературный альманах

БЕЛЫЕ ПАРУСА



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«Парус»

2020

Редактор-составитель:
П.П. КУЗНЕЦОВ

Редакционный совет:
К.П. СИДОРОВА
С.В. ЧЕРНОВА
А.В. ВОРОНИНА («Кораблик»)

Литературное объединение «Парус» выражает сердечную признательность директору ООО «ИнтерПол» Валерию Михайловичу Новикову и директору ООО «КонкритСтрой» Маргарите Николаевне Новиковой за финансовую поддержку в выпуске одиннадцатого номера альманаха «Белые паруса».

В одиннадцатый номер Литературного альманаха «Белые паруса» вошли новые работы известных читателям авторов: Григория Долгинцева, Владимира Киселёва, Татьяны Скворцовой, Галины Солоновой, Виталия Смалькова, Юрия Сальникова и др., а также новых участников «Паруса»: Натальи Горбачёвой и Тамары Тябокиной. В детском журнале «Кораблик», опубликованы стихи писателей, пишущих для детей, и имена юных лауреатов «Мастерской словесности». Гостями альманаха на этот раз стали наша землячка Елена Миронова с рассказами «Милена» и «Падение» и гражданка России, переехавшая в наш город с Украины, Людмила Александрова с рассказом «Дядя Паша».

На четвёртой странице обложки фото Н.П. Клёцкина.
Вёрстка: И.В. Рогова

Отпечатано в ООО «АВЕРС», г. Брянск. Тираж 150 экз.

Любую мечту
можно превратить в попутный ветер,
если правильно расставить паруса.

СОГРЕВАЕМ ДОБРЫМ СЛОВОМ

Дорогие друзья! В прошлом году наш творческий коллектив отметил десятилетний юбилей. Литературное объединение «Парус» за это время численно выросло почти в пять раз и стало самым крупным в нашей области. Есть и качественные изменения – «парусники» ныне члены различных творческих Союзов, победители литературных конкурсов. Нами издано двадцать книг, десять альманахов. У нас сложился дружный коллектив интересных, творческих, увлечённых людей. Мы постоянно совершенствуем своё мастерство, работаем над Словом, проводим конкурсы, творческие встречи с читателями, участвуем в литературных праздниках, готовим пополнение рядов молодыми талантами. Пример тому – детская творческая студия «Мастерская словесности». Это детище Анны Ворониной, неутомимого энтузиаста, труд которого уже даёт плоды.

Наша работа не остаётся незамеченной. Вот что сказал мне Заслуженный учитель РФ, член Союза художников России Станислав Григорьевич Халютин: «В наше спазматическое время людям помимо материальной пищи, как никогда, нужна духовная – для ума и души. Мы стали забывать о таких понятиях, как сострадание, милосердие. Вы и ваши товарищи по перу в своих работах напоминаете об этих ценностях. Они помогают людям оставаться людьми. Очень важно, что работаете со школьниками. От этого зависит, кто придёт нам на смену – Иваны, не помнящие родства или настоящие патриоты».

Наши успехи, это коллективные усилия городских библиотек, газеты, читателей, спонсоров. В Благодарственных письмах, которые мы получаем - признательность за большой вклад в патриотическое и духовно-нравственное воспитание жителей города.

Все эти годы вторым родным домом для нас является центральная библиотека. Директор ЦБС Татьяна Алексеевна Колос и её сотрудники помогают нам готовить и проводить творческие мероприятия. И мы не остаёмся в стороне от той большой и важной работы, которую проводят библиотеки города.

Давняя дружба связывает нас с городской газетой «Сельцовский вестник». Главный редактор Елена Викторовна Щигарцова любезно предоставляет нам возможность публикации наших стихов, рассказов, очерков и выпусков на литературной странице «Белые паруса».

Отдельная благодарность нашим спонсорам. В трудную пору нам на помощь пришла наша землячка Наталья Сергеевна Кулешова – доктор философских наук, профессор МГУ, человек большой души. Вместе с Галиной Васильевной Лабуз они поддержали нас и «Парус» продолжил плавание. В дальнейшем мы нашли поддержку у Виктора Александровича Карцева, у супругов Новиковых - Валерия Михайловича и Маргариты Николаевны, у Александра Алексеевича Сивирина, у Сергея Витальевича Минина, у Олега Васильевича Евдачёва. Они не только предприимчивые личности, но и люди с прекрасными человеческими качествами, глубоко мыслящие, способные на благие дела. Спасибо друзья за бескорыстную помощь. Добро вернётся вам сторицей!

У нас замечательные читатели. Они шлют нам добрые отзывы, звонят, благодарят тепло и душевно. Более ста из них ежегодно приобретают альманах в личную собственность. Многие собрали весь комплект нашего сборника. Это Лариса Александровна Дёмочкина, Зинаида Иосифовна Титова, Валентина Васильевна Качурина, Татьяна Серафимовна Лагуткина, Елена Александровна Андрюшина, Зоя Николаевна Лепетченко, Наталья Витальевна Быконя, Виктор Иванович Финогенов, Лилия Александровна Жихарева, Валентина Михайловна Горяйнова, Анна Ивановна Глушенкова, Валентина Сергеевна Захарова, Татьяна Владимировна Топтунова и многие-многие другие. Низкий поклон вам всем за это.

Наверное, за десять лет можно было бы сделать и значительно больше. Но и то, что удалось, радует, что наши усилия были не напрасны. Поэт сказал: «Большое дело – добрым словом людей при жизни согревать». Дорогие друзья, земляки! Заверяю вас, что мы будем и впредь согревать вас добрым словом.

Ваш Пётр КУЗНЕЦОВ,
руководитель городского литературного объединения «Парус».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!
Уважаемого Василия Петровича Ященко
с 90-летним юбилеем!
Желаем здоровья, крепости духа,
радости творческого труда!
Счастливых новых берегов, где ждут удача и любовь!

ОЛЬГА БАГАЛЕЙША

Багалейша Ольга Евгеньевна по первому образованию – библиотекарь-библиограф, отсюда любовь к слову и книге. Второе высшее получила по своей основной специальности: журналистике. Долгое время трудилась редактором радио города Сельцо, ответственным секретарем, главным редактором и выпускающим редактором разных брянских периодических изданий. Затем поменяла профессию и работала специалистом по связям с общественностью нескольких крупных брянских компаний.

О СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

О своей земле стихами
Я желаю говорить.
Скучной прозы словесами
Мне тебя не одарить.

Лишь элегии и оды
О тебе слагать хочу.
Краше нет твоей природы –
От восторга помолчу.

Я молитвой ежедневной
Для тебя прошу добра,
Город юный, город древний,
Город света и тепла.

ОПЯТЬ ВО ВСЁМ СУМЯТИЦА

Опять во всем сумятица,
В кармане – ни гроша.
Душа в тоске корячится,
На жизнь мою греша…

А я всё улыбаюсь,
Хихикаю, смеюсь.
И, чем сильнее маюсь,
Тем больше веселюсь!

А что ещё осталось?
Рыдать – не хватит слёз.
А бедность – это малость.
Иных печалей – воз.

ЗИМОЙ

Я чахну без солнца, без звёзд и луны,
Без яркого синего светлого неба.
Полгода почти что туманы одни,
Да тусклое серое низкое небо.

Куда подевались морозные дни?
Где снега сияние, блеск и искристость?
Лишь оттепель мрачная, сырость одни,
Да тусклого дня сероватая мглистость…

Так радостно видеть искрящийся снег,
Радуют даже лихие метели.
Какой совершили мы тягостный грех,
Если метели и те не запели?

Где ты, сияние сини манящей?
Солнце, горящее светлым огнем?
Тусклая серость зимы уходящей
Когда же заменится солнечным днем?

ТЫ МНЕ ДОЛЖЕН

Мой друг дорогой, не теряй осторожность:
Со мной расплатиться тебе невозможно.
Ты слишком мне должен, уж ты мне поверь:
Меня не сумел заслонить от потерь,
Меня не сумел от печалей избавить,
Забыть о тоске не пытался заставить.
Ты мне задолжал предрассветный туман,
И полнолуния тонкий обман.
Ты должен улыбку мою на рассвете,
Ты должен мне смех, коим тешатся дети.
Ты должен. Но я о долгах позабуду.
И требовать долг возвращать я не буду.

КЛЕТКА

Порою жизнь, коварная кокетка,
Нас мучает, но я её люблю.
Она для нас – терзающая клетка,
Но я её когда-то отворю.

Я оттолкну нелепые запреты.
Я отвернусь от глупого «нельзя».
На все вопросы я найду ответы
И стану жить, по облаку скользя.

МЕНЯ НЕ СТРАШИТ ОДИНОЧЕСТВО

Меня не страшит одиночество.
Я его превосходство ценю.
Видно, верным явилось пророчество:
Быть одной и хочу, и люблю.

Лишь порой тёмной сеткой печали
Одиночество вдруг обовьёт.
И тогда я влюбляюсь вначале,
Хотя знаю – и это пройдёт.

ЛЮБОВЬ, ПРОЩАЙ

Любовь, прощай, ты улетаешь.
Я так печалюсь о тебе!
Но ты в туманной дымке таешь
И исчезаешь, как во сне.

Мне жаль своих пустых мечтаний,
Своих надежд, ушедших вдаль,
Невоплотившихся желаний –
Мне так их бесконечно жаль!

Но трезвый разум возвратился.
Он в утешение мне дан.
В тумане сером растворился
Моих надежд пустых обман.

Я ЛЕТАЮ ВО СНЕ

Я лечу, я падаю на дно,
А дна всё нет, и я лечу быстрее.
И ясно вижу каждый миг одно,
И это сумасшествия острее:
Я вижу небо в звёздах и туман,
Всё застилающий, блистающий,
Меня ввергающий в обман,
Быть здравомыслящей мешающий…

СИНИЙ ОГОНЬ

Синий огонь, не теряйся в ночи.
Синий мой конь, по дорогам скачи.
Неба зовущая нежная синь,
Не обойди меня и не покинь.

Синие отблески пламенных глаз,
Будьте со мною всегда и сейчас.
Вод полноводных течёт синева:
Символы жизни твоя бирюза.

ВОССЛАВИМ ЛИЦЕМЕРИЕ

Восславим лицемерие – ему
Обязаны мы столькими стихами,
Прекрасными и нежными словами.
И потому ему пою хвалу!

Красноречива ложь! Она найдёт
Душевное и трепетное слово,
Которое сверкает, как обнова,
И просто до слезы порой проймёт.

КУДА УХОДИТ ВДОХНОВЕНЬЕ

Куда девалось вдохновенье?
Хоть эта мысль и ненова:
Явилась грусть взамен веселья,
Ушла любовь – ушли слова.

И РАДА БЫ ВЕК НАСЛАЖДАТЬСЯ

И рада бы век наслаждаться
Покоем и книгой разумной.
Покоя ли стоит бояться
Иль суетливости шумной?

Вот счастье ночного покоя:
Японских поэтов читать,
Сливаясь с душою героя
Лирического. И мечтать.

Мечтать написать так же точно,
И просто, и ясно. И знать,
Что всё в этой жизни непрочно,
И эту непрочность принять.

Как данность смиренно и мудро,
На Бога и жизнь не греша.
Духовная пища так чудна –
Я буду вникать не спеша.

Поэтов бессмертное слово,
Чей возраст полтысячи лет,
Всё так же свежо, так же ново.
И радует древних привет.

Так славно в ночной тишине,
Закончив дневные заботы,
И сад свой полив на окне,
Душе дать и сердцу работу.

* * *

Японский поэт Хендзо написал:
Лжи не причастен,
Земному истленью,
Лотос пречистый;
Как же мне выдал цветок
Каплю росы за алмаз?!

О ЛОТОСЕ

Каплю росы на лепестке цветка
Ты принял за холодный камень…
В чём же вина цветка?
В чём виноват чистейший лотос,
Что ты, поэт, живительную влагу
В алмаз бездушный превратил
Своим болезненным воображеньем?

* * *

Поэт цветок винит в обмане:
Алмаз увидел в капельке росы…
Как видно, разум был его в тумане,
Иль ценность для него важней красы.

Так в чем цветка чистейшего вина?
В том, что живительная влага
Поэту вовсе не важна.
Меж тем, она лишь только благо!

Невинен лотос в том, что мы
Не видим подлинную ценность,
Что слепы, глухи, глупы мы
И ценим лишь тщету и бренность.

* * *

Не лотос чистый виноват,
Что ты, поэт, своим воображеньем
Обманываться втуне рад
И видишь, полный изумленья,
Как будто напрягая глаз,
На деле же не видя жизни,
В росинке дорогой алмаз.

Я НЕ ХОЧУ УХОДИТЬ

К чему торопиться? Позволь ещё раз
Мне слёзы стереть у измученных глаз.
Побыть рядом с милыми и дорогими,
Глазами в глаза наглядеться родными.
Потом ещё ночь я без сна проведу,
Ещё один раз на рассвет погляжу,
На тёмные сумерки, звёздную ночь,
На ясное солнце, бегущее прочь.
Ещё одну песню спою неумело.
Ещё одно доброе сделаю дело.
Ещё напишу пару путанных строк…
Ещё далеко мой итоговый срок.

ЗАВТРА

Сегодня мне плакать не стоит:
Всё тлен, суета и печаль.
Жизнь завтра мне праздник устроит,
А прошлого – капли не жаль.

Мне завтра судьба обещает
Веселье, удачу, любовь.
Ошибки мои все прощает
Грядущего свежая новь.

Ещё улыбаясь смущенно,
Я с трепетом новое жду.
И разум слегка отрешенно
Лелеет живую мечту.

Я вижу грядущего дали
И больше его не боюсь.
Пред будущим в страхе едва ли
Покорно главою склонюсь.

Уже не страшусь перемены,
Её в нетерпении жду.
Забыты печаль и измены –
Я в завтра в порыве иду.

АННА ВОРОНИНА

Воронина Анна Васильевна родилась 11 октября 1986 года в селе Бобрик Погарского района Брянской области.

Пишет стихи и прозу. Публиковалась в литературных сборниках и периодических изданиях. Лауреат и дипломант литературных конкурсов, участник фестивалей и поэтических чтений.

В 2019 году стала стипендиатом имени П.Л. Проскурина для одарённой молодёжи Правительства Брянской области. Создатель и руководитель творческой студии «Мастерская словесности». Заместитель руководителя литературного объединения «Парус».

ОСЕНЬ

Осень лучистая,
Свежая, чистая,
С глянцем небесным
В янтарных глазах,
Бархатной кожей,
Речью пригожей,
Веткой рябины
В златых волосах;

В платье из ситца.
Пусть не годится,
Но не страшится
Она холодов.
Шаль – загляденье:
Переплетенье
Жёлтых, оранжевых,
Красных листов;

Птиц проводила,
Чуть погрустила
И разыгралась
В рассветных лучах,
Полных амбарах,
Пряных отварах,
Первых снежинках,
Последних цветах.

К ОСЕНИ

Еще вчера в нежнейшем злате
Ты согревала и звала.
Теперь же зябко даже в хате,
Природа сонна и нага,

Посеребрилась легкой дымкой.
Не слышно больше птичьих стай.
Запахло в воздухе снежинкой.
Остановись! Не упускай!

Так застывает в ожиданье
Весь мир, чтоб возродиться вновь,
Впитав зимы очарованье
И прорастив твою любовь.

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО

Яркое,
спелое,
блестящее –
Средь сонных ветвей
взгляд манящее,
Сотни дней
солнце хранящее -
Настоящее!

ОТРАЖЕНЬЕ ТЕБЯ

Будь, пожалуйста,
послабее.
Будь,
пожалуйста...
Роберт Рождественский

Не слаба...
Ты меня прости!
Но не так сильна,
Просто рядом идти...
Тенью твоей стать −
Увы, нет сил...
И не это ты ведь
во мне любил.
Не глупа...
Но не так умна,
Чтобы соврать.
Знать,
Когда промолчать,
Когда сказать...
Люблю!
Потому не лгу,
не браню,
сама выход найти могу.
Но жду,
зову...
Посмотри в глаза,
Услышь голоса дрожь,
Жалость к себе отбрось,
Ты всё поймешь.
Верю!
Поймёшь!
Без слов обнимешь!
Разгонишь печаль,
остудишь боль,
От страхов закроешь собой.
Ты только позволь
мне стать другой:

Нежной,
беспечной,
живущей мечтой,
Летящей вперёд,
тебя любя!
Помни:
Я
ВСЕГДА
ОТРАЖЕНЬЕ
ТЕБЯ!

* * *

Гвоздик под шляпкой ажурной,
Зимой не заметен был.
В парке у арки фигурной
Он шарфик мой зацепил.

Нитка змеёю алою
Летит, извиваясь, вниз.
А в парке упала вывеска,
Спугнув взъерошенных птиц.

Прочь улетают голуби,
Нить унося с собой,
Чтоб за окном на холоде
Оставить подарок мой.

Утром откроешь форточку,
Просыпав вчерашний снег,
В ладошке сжимая горсточку,
Почувствуешь мой привет.

ПАРУС

Акростихотворение

Поэзии ветром гонимый,
Атлант средь словесных морей,
Родной, нежно сердцем любимый,
Укутанный бережно лирой,
Сельцовский гиперборей.

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

Горбачева Наталья Николаевна родилась 22 сентября 1958 года в п. Сельцо Брянской области. Окончила Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского.

«Чтобы увидеть радугу, нужно пережить дождь» – жизненное кредо Натальи Горбачёвой. Более сорока лет она посвятила работе с детьми в школах г. Сельцо. Имеет отраслевую награду – Почётный работник общего образования. В настоящее время общественная деятельность и литературное творчество дают ей силы для дальнейшей жизни.

МОЙ ГОРОД

Моих чувств живое дыханье
И любовь, верно я говорю,
(От души − большое желанье),
И ни слова нет в оправданье -
Я Сельцо своему подарю.

Да, городом можно гордиться,
Здесь хорошие люди живут.
Повсюду знакомые лица -
И красиво, словно в столице,

Чистота и уют там и тут.
Это место - капля России,
Здесь поют по весне соловьи,
Испытываешь ностальгию,

Вспоминая дела людские
И успехи твои и мои.
Здешний лес – это чудо природы,
А сосны, словно стража, стоят -

Как герои классической оды,
И тропинки – экскурсоводы -
Все о вечной любви говорят.
Добрых дел и славных свершений

От нас родина малая ждёт,
Новый день – новая страница,
И к тому, если будем стремиться −
Знаю, город мой расцветёт!

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Чёрное море – оно как живое,
То серо- зелёное, то голубое,
Часто штормит, а потом отдыхает,
Пугает, зовёт, нежно-нежно ласкает.

Волны, накат – чудеса мирозданья,
Море бескрайнее − божье созданье…
Гул необъятных просторов воды,
Ласковый шёпот морской тишины…

Лучших красот не бывает на свете,
Ни на закате, ни на рассвете,
«Морская пучина», - сказал бы поэт,
Придумал бы оду, а может сонет.

В Чёрное море нельзя не влюбиться,
Остановиться и не удивиться.
Чувствуешь верность ему навсегда
И не забудешь его никогда.

* * *

Осень ушла, и зима на пороге:
Северный ветер, свинцовые тучи…
Первым снежком заметает дороги,
Солнца с трудом пробивается лучик.

В зимнее царство декабрь приглашает.
Сплошь волшебство: кружева на деревьях.
И самоцветами ветви сверкают -
Чудных творений Мороза шедевры.

* * *

Стою у Вечного огня…
Берёзы тихо шелестят…
За всё, о чём забыть нельзя,
Я кланяюсь тебе, солдат:

За то, что победил войну,
За вечный подвиг твой земной,
За мир, за нашу тишину,
Я кланяюсь тебе, герой!

Нет, не забыть тех страшных дней:
Земля стонала вся в огне...
Защитник, нет тебя смелей…
Я, воин, кланяюсь тебе.

Ты лихолетье пережил −
Страшнее не было картин…
От ига Брянск освободил.
Тебе поклон, Отчизны сын.

Я память в сердце сберегу −
Глубокий след в моей судьбе!
За солнца луч, отпор врагу
Я низко кланяюсь тебе!

Стою у Вечного огня.
Берёзы тихо шелестят
За всё, о чём забыть нельзя,
Я кланяюсь тебе, солдат.

* * *

Неизвестный солдат – это символ Победы,
Это гордость и слава, навеки почёт.
Это бремя войны пронесли наши деды,
Это память, которая в сердце живёт.

Уж давно в Брянском крае бои отгремели,
Но от ран до сих пор не остыла земля.
Молодые бойцы повзрослеть не успели…
Боль событий хранят и леса, и поля…

Вам, герои - мои земляки, честь и слава,
Поколение прадедов помнит война.
Патриотов своих не забудет Держава:
Полк Бессмертный идёт, и блестят ордена…

ПОЧТИ ПО РУБАЛЬСКОЙ

Я бываю такая разная:
То красивая, то безобразная,
То весёлая, а то грустная,
То столичная, то захолустная.
То весны лазурной подруга,
То колючая зимняя вьюга.
То с изысками, то безвкусная,
То седая, то светло – русая.
То активная, то ленивая,
То строптивая, то крикливая.
То открытая - нараспашку,
То застёгнута плотно - в рубашку.
То люблю весь мир – понимаю,
То скучаю, скучаю, скучаю,
То везучая, то несчастная,
То слезливая, то опасная.
То бабуля такая заботливая,
То не очень – то поворотливая,
То спортивной походкой шагаю,
То потоки слёз проливаю.

То стихи рождаются классные,
И такие мысли в них ясные.
То за птичками наблюдаю,
То любимых своих обижаю.
Не больна я, не в психике трещина −
Просто я − стопроцентная женщина!

В соавторстве с внуком Игорем Клименковым

СПАСИБО ТЕБЕ, ДОРОГОЙ ВЕТЕРАН…

Спасибо тебе, дорогой ветеран,
За то, что в окопе не умер от ран,
За то, что прошёл ты сквозь пули и дым,
Разруху, войну - нет страшнее картин.

Спасибо тебе, смелый наш партизан,
Врагов ты громил по лесам и полям,
Ты Брянщину спас от фашистской чумы,
Пронес на себе страшный ужас войны.

Спасибо тебе, храбрый русский солдат,
Медали твои ярким блеском горят,
За то, что к Победе ты шёл до конца,
Твой путь − героический подвиг борца.

Спасибо тебе, седовласый герой,
Тогда, в 45-ом, ты был молодой,
Пусть жизнь будет долгой, налажен твой быт,
А подвиг твой вечный не будет забыт.

* * *

Мы познакомились с тобою в сентябре,
Ты улыбнулась мне, а я тебе.
Нас закружил осенний листопад
И каждой новой встрече был я рад.

Зову тебя по листьям пошуршать
И новой встречи жду с тобой опять.
Нам шепчет осень золотом листвы,
Идём, мечтаем вместе я и ты.

* * *

Трель соловьиная, шелест берёз,
Школа родная – люблю всё до слёз.
Сказочный лес и ромашковый луг,
Озеро, речка – смотрите вокруг.

Воздух здесь чистый, и птицы поют,
Радость, отраду, здоровье несут,
Здесь я родился, моя здесь семья,
Как не любить мне родные края?!

ТАНКИСТ

Парнишка о танке мечтал,
Мальчишка уехал в Москву.
Ещё о войне он не знал,
А было семнадцать ему.

Парад в сорок первом – Москва.
Потом были сотни дорог.
Москву защитил от врага.
Иначе солдат и не мог…

А танк - и машина, и друг,
И создан великой страной.
Какой бы ни встретил недуг –
Сражался всегда, как герой.

Война испытала огнём,
Война закалила от бед ,
С призывом «Россию спасём!» -
Врагу поломали хребет.

Танкист, офицер молодой,
Всегда на посту и в пути -
Солдат, победитель, герой…
В сердцах и всегда впереди!

ОЛЬГА ДЕВЯТКА

Ольга Николаевна Девятка родилась 10 ноября 1979 года в пос. Сельцо. Образование высшее – Орловский коммерческий институт. Работает бухгалтером. Публиковалась в газете «Сельцовский вестник», «Брянский рабочий».

Член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств».

«Давайте будем жизнь боготворить,
Дарить друг другу счастья многоцветье,
Дружить с удачей, искренне любить,
Ценить всё то, что есть на этом свете».

О ЛЮБВИ…

Жить невозможно без любви,
Её чарующих объятий,
Без жгучей страсти до зари,
Без счастья, счастья, просто счастья.

Ты не грусти, дождись его,
Души не растеряй азарта.
И пусть сегодня нелегко…
А завтра? Завтра будет завтра.

ВРЕМЯ ЛЕЧИТ

Говорят, что время лечит,
Уменьшает чувство боли.
Почему-то мне не легче,
Сердце просится на волю.

Говорят, забудь о прошлом,
Наслаждайся настоящим,
Лучше думай о хорошем,
Улыбайся просто чаще.

Не открою вам секрета –
Наша жизнь подобна драме.
Любим мы давать советы,
Но не следуем им сами.

Зависть нас порою гложет,
Чуждо нам чужое горе.
Очерствели души, может,
В сплетнях, распрях, глупой ссоре.

Говорят, что станет легче,
И изменится всё вскоре.
Только время нас не лечит -
Привыкаешь просто к боли.

КОГДА НЕПРОСТО

Непросто прошлому сказать: «Прощай!»
Чтоб, потерявшись в ласковой ночи,
Найти другой заботливый причал,
Лишь приказав: «Ты, сердце, помолчи!»

Казаться сильной среди бури чувств,
Когда дурманят слёзы, как цветы,
Когда твой мир так одинок и пуст,
Перечеркнуть рукой свои мечты,

Оставив лишь ошибок глупых штрих,
Израненного сердца красоту…
Но сотканный надеждой новый стих
Зажжёт на небе яркую звезду.

И сразу озарится мир вокруг,
Оркестр взорвётся, заиграет туш.
С поэзией жить легче, милый друг,
Поэзия – бальзам для наших душ.

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО - Я ВЕРЮ!

Всё будет хорошо - я верю!
Пусть нам с тобой не повезло,
Не стану громко хлопать дверью,
Разлуке рассмеюсь назло.

Твои оковы с сердца сбросив
И вкус свободы ощутив,
Я прогоню из сердца осень,
Свой новый напою мотив.

Забуду прежние ошибки,
Вновь гордость подниму с колен
Рассвет мой встречу я с улыбкой –
Теперь не страшен мне твой плен.

Устала быть марионеткой,
Не надо фальши, не зови.
Как птица, вырвусь я из клетки
Навстречу счастью и любви.

* * *

Мелькают годы, в дымке тают дни,
И вновь весна нас ловит в свои сети.
Ах, как же сердцу хочется любви
Единственной, прекрасной в целом свете.

Бурля, сметая тысячи преград,
В твой мир любовь стремительно ворвётся.
Ей не страшны ни дождь, ни снег, ни град.
Она сияет в небе ярче солнца.

СКАЗКА «В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ»

Богатый рыцарь счастье покупал,
Желая обрести его чистейшей пробы,
А бедный друг всё по свету искал
Свою мечту, и мчались быстро годы.

И ослеплённый купленным богач
Хмелел, деньгами счастье осыпая.
С судьбой поспорил молодой лихач,
Про славу прошлой жизни забывая.

Победы меркли, понял свой удел:
Он счастлив, пока есть богатство,
И смерти вызов бросить вдруг посмел,
Не вынося её убийственного рабства.

Злодейка в чёрном всё-таки хитрей,
Ведь жадность не таких, как он, скосила.
С надеждой раздавая карты ей,
Он забывал - в её руках вся сила.

С ней шутки плохи, так что не играй,
И счёт её окажется предъявлен,
О жизни вечной лучше помечтай.
Жаль, жребий брошен, ты теперь раздавлен.

А наш бедняк на поиски мечты
Дарил года и рад был почему-то
Краюхе хлеба и глотку воды,
Холодному, неласковому утру,

Порыву ветра в грозовой ночи,
Срывающему ветхую одежду.
Порой хватало так, что хоть кричи,
Но, как ни странно, не терял надежды.

Упорно шёл, куда глаза глядят,
И близкою мечта ему казалась.
Теперь он знал, дороги нет назад -
Но вера в счастье с ним не расставалась.

Года летели, был нелёгок путь,
Соблазнов море, горькая усталость…
И вот однажды сел он отдохнуть,
Всё тело его сковывала старость.

Трель соловья, берёз весёлый хор,
Объятья солнца, вкус ржаного хлеба,
Ручья неторопливый разговор,
Над головой – безоблачное небо,

Неподалеку серый бугорок,
И не видать здесь ни одной тропинки.
На камне надпись лишь из пары строк,
Но понял странник - друга здесь могилка.

Беззвучно, но так горько зарыдал,
Стерпеть не смог смертельную обиду:
«Что ж, каждый, жаль, по-разному искал
Свою мечту, твоя-то - здесь, как видно.

Но почему? И разве смерть - цена
Былых заслуг на подлом поле битвы?
Ошибся? Как? И в чём твоя вина?
А может, деньги своею острой бритвой

Тебя пронзили, отравив мечту,
К которой ты так искренне стремился,
Оставив только прах и пустоту…»
Старик замолк и тихо помолился.

Знамение. И осенило вдруг:
Его-то счастье где-то вовсе рядом,
Лишь оглянись, и целый мир вокруг
Такой родной, другого и не надо -

За деньги своё счастье не купить.
Зачем за ним нам колесить по свету?
Оно с тобой, им надо дорожить.
Жаль, забываем часто мы об этом.

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

- Что такое счастье? –
Доченька спросила. –
Новенькое платье,
Солнце в небе синем?

Аленький цветочек,
Голуби над речкой,
Сказка тёмной ночью
И сверчок за печкой,

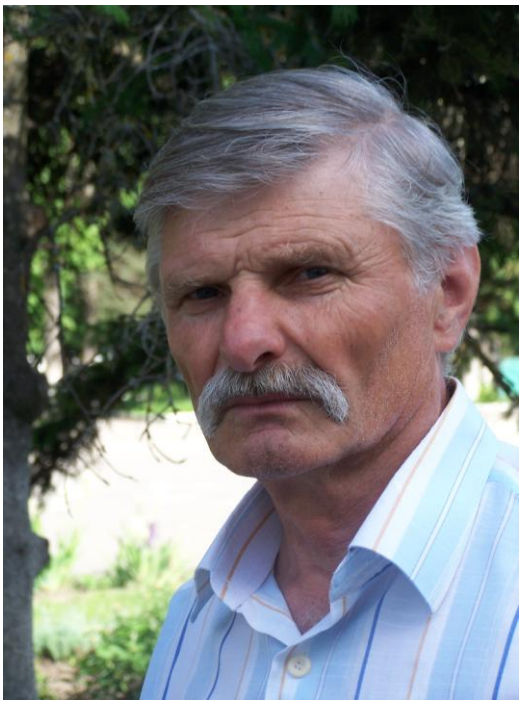
Дождь порою вешней,
Спелая клубника?
- Ты права, конечно,
Счастье многолико:

Честная работа,
Верность и участье,
Нежность и забота –
Это тоже счастье.

С ним не будь беспечна,
Улетит, как птица,
Береги сердечно
И умей делиться.

Не забудь о главном,
Важно это очень:
Видеть чудо в малом –
Тоже счастье, дочка.

ГРИГОРИЙ ДОЛГИНЦЕВ



Детство и юность журналиста Григория Дмитриевича Долгинцева прошли в п. Выгоничи. Рядом с посёлком, через заливные луга, бежит река Десна, за которой раскинулись наши брянские леса. Эти родные края, а также природная красота окрестностей города Сельцо, в котором он живёт уже более сорока лет, стали для него источником творческого вдохновения. Его рассказы, зарисовки о встречах с удивительным миром живой природы публиковались на страницах областных изданий, а также в журналах «Десна», «Рыболов», газете «Рыбак рыбака». Он - автор сборников рассказов «С мечтой о жерехе» и «В лесном краю у тихой речки».

КОГДА ПЕЛИ ЖАВОРОНКИ...

В последние годы зимы в наших краях выдаются относительно тёплыми. Вот и нынче уже к третьей декаде февраля снега не стало. Не было весеннего половодья. Десна и малые реки практически еще не разливались. Раньше обычного прилетели грачи. Над заросшими полевыми массивами в поднебесье зазвенели голоса жаворонков.

Какие-то не по-весеннему сумеречные дни установились с начала марта. И проводы матушки-Зимы по городам и весям проходили будто глубокой осенью, когда по небу проплывали хмурые дождевые тучи.

В таких условиях, образно выражаясь, несладко приходится любителям зимней рыбалки. Талой воды мало, лёд на водоёмах не оторвало от берегов. Он стал активно подтачиваться водой снизу, а сверху делали своё дело тепло, туман и дождь. Так что время ловли по последнему льду сильно ограничивалось. Если, помнится, десятого марта на озёрах и прудах ещё можно было безбоязненно ходить по льду, то к середине месяца он заметно истончился.

В один из таких мартовских дней оказался я на рыбалке на небольшом деревенском озере в Жуковском районе. По рассказам знакомых рыболовов, клёв рыбы не только здесь, но и на других водоёмах в округе был неустойчивым. Активностью он нигде не отличался. Исключением стало то обстоятельство, что на некоторых озёрах на днях «выходил» карась, а вот плотва и окунь клевали очень слабо.

С утра погода в тот день не порадовала: на рассвете заморосил дождик, который с перерывами шёл до девяти часов. Клёва практически не было, если не считать трёх пойманных мною рыбёшек. Наконец, часам к одиннадцати небо прояснилось, потеплело, ветер утих. Застрекотали сороки по прибрежному кустарнику...

И тут в стороне по-над возвышенным берегом, поросшим высоким бурьяном, где-то в вышине зазвенел жаворонок. Песню этой любимой в наших краях птахи не спутаешь с голосом никакой другой. Невдалеке «залился» другой жаворонок. Обрадовались, видно, солнечному свету, пробивающемуся между облаками. И на душе у меня посветлело... Я сразу и не заметил, как сторожок на удочке, установленной над лункой, почти скрылся в воде. Подсекаю... Есть! Через несколько секунд на льду оказывается приличная плотвичка. Через пару минут - ещё поклёвка, и вновь на крючке плотва.

А жаворонки продолжали петь. Хотите - верьте, хотите - нет, а в те минуты рыба клевала одна за другой. Но вот вновь набежали тучки, голоса птиц смолкли, и... клёв плотвы прекратился. Где-то через час опять посветлело. Жаворонки поднялись в поднебесье. И рыба, как по команде, вновь заклевала...

Такими вот «кудесниками» оказались в тот день жаворонки.

ЗИМНИЕ КОМАРЫ

Перелесок, по которому я шагал к озеру, украсил иней. Рыбацкое чутьё предвещало отсутствие клёва. Но, как говорится, охота пуще неволи...

На водоём пришёл в половине девятого утра. На льду - никого. Пробиваю лунку за лункой. Клёва никакого, если не считать пары некрупных окуней, «вымученных» за целый день. Иду обратно к электричке. Туман ещё гуще. Настроения, как и клёва, никакого. В вагоне устраиваюсь в уголке. На одной из остановок в вагон вва-

ливается мужик навеселе и, завидев мою рыбацкую одежду и ледобур, устраивается напротив.

- Как клёв? - заплетающимся языком спрашивает он. - Поймал кого-нибудь?

- Нет, - устало отвечаю я.

- Даже на уху не поймал? - не унимается мужик.

- Нет.

- Не может быть! - восклицает он. - Такая погода сегодня. Иней кругом... Ветра нет... Чего не клюёт?

Мужик начал «доставать» меня.

- Да комары не давали ловить, - на полном серьёзе отвечаю. - Не успеешь мормышку в лунку опустить, как они руки облепляют.

- Вот б....! - машинально восклицает попутчик. Через несколько секунд взгляд его чуть «осмысливается».

- А откуда они щас? - удивлённо так спрашивает.

- Да ручей там, в камышах, не замёрз ещё, - по-прежнему серьёзно отвечаю. - Вот они с него и налетели.

- Вот б....! - вновь восклицает мужик. - Даже зимой не унимаются. А ты бы...

Он что-то пытался говорить ещё, но я уже не мог сдерживать смех и вышел в тамбур. Электричка подходила к моей остановке. Настроение у меня улучшилось.

«И СКАЗАЛ ЁРШ ИВАНУ...»

Взял Иван удочку и пошёл на реку ловить рыбу. Пришёл на берег, забросил снасть в воду и стал приговаривать, как в сказке: «Ловись, рыбка, и мала и велика!» И рыбка клюнула. Ею оказался красивый ёрш со спичку длиной. Вытащил Иван её на берег, а ёрш вдруг и говорит человечьим голосом:

- Отпустил бы ты меня, Ванюша, восвояси. За себя я выкуп дам другой рыбой.

Удивился Иван, что ёрш разговаривает, да ещё и выкуп предлагает.

- Давай, - согласился он. - Только хорошей рыбы.

- Ступай себе домой с миром. В холодильнике найдёшь ту рыбу.

- А не брешешь?

- Эх, Ванюша, обижаешь. Не в моих это правилах. Моё слово твёрдое, ершистое.

Поколебался Иван, но выпустил ерша обратно в воду. Делать нечего, пошёл домой. А дома жена Нюра.

- Нюрка, ты в холодильник лазила? - грозно спросил с порога Иван.

- Лазила, - испуганно ответила жена.

- И што там?

- А ничего, последнее доедать будем.

- Как? А рыба?

- Ты что, Вань, какая рыба? Вспомни, когда мы её в последний раз покупали... Она дороже мяса стоит.

Иван ринулся к холодильнику, открыл дверцу и ... глаза у него стали большими и круглыми, как у кота Васьки, когда тому хвост дверью прищемишь. И было от чего. С каждой полки свешивались рыбьи хвосты: и такие, и другие...

В общем, долго сказка сказывается, да скоро дело делается. Нажарил Иван хека да минтая и стал обедать. А Нюрка как стояла у стола с открытым ртом, так и простояла долго.

«Это ж надо? Ладно бы уж щука, а то какой-то ёрш сопливый», - рассуждал Иван, сытно икнув... На том и проснулся.

ОДНАЖДЫ ОБЖЁГШИСЬ, НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Наступившее тепло и ветра быстро подсушили нескошенные прошлогодние травы на пустующих полях и заброшенных дачных участках, в рощах и перелесках, в бывших колхозных садах на окраинах сёл и деревень. И тут же они, как и в прежние годы, заполыхали, подожжённые рукой и ребёнка-несмышлёныша, и взрослого «разумного» человека. В воздухе по округе особенно в безветренные дни повисает дымная хмарь.

Особенно страдают в это время лесозащитные насаждения вдоль автомобильных трасс. Далеко не везде они защищены так называемыми минерализованными полосами от заросших травой полевых массивов. Нередко причинами возгорания сухой травы здесь становятся непогашенный сигаретный окурок, выброшенный из окна автомобиля, оставленный любителями отдыха на природе костерок после стоянки. В таких насаждениях, особенно хвойных, во

многих местах каждый год происходит, образно выражаясь, самосев семян, в результате чего вырастают молодые деревца. Но, увы, стать большими многим из них не суждено: беспощадный огонь обугливает слабые веточки. Несут потери и молодые рукотворные лесопосадки.

Кто проезжал весенним днём по Рославльскому шоссе, наверное, обращал внимание на большие чёрные подпалины на необработанных сельхозугодьях. Горят травы и по склонам оврагов, озёрных впадин. Огонь здесь губит всё живое, пробуждающееся с первым весенним теплом. Когда на полях появляются бесснежные островки, в наши края прилетают первые жаворонки. Но они уже не поселяются там, где лишились гнездовья прошлой весной. Во всяком случае, я не слышал пения этих птиц там, где раньше встречал их гнезда и где случались травные палы. Видно, и другие птицы, вьющие гнезда на земле, однажды обжёгшись, уже не возвращаются в эти места...

Призывать к разуму тех людей, кто, не задумываясь, подносит спичку к сухой траве на поле или лугу, конечно, надо. Но, к сожалению, это не решает проблемы причинения вреда природе (да и сам человек несет ущерб, потому как огонь уничтожает солому на полях, стога сена и хозяйственные постройки на окраинах населённых пунктов, а порой и жилые дома). Это, как говорится, следствие. А первопричина - в развале сельхозпроизводства в лихие девяностые годы прошлого, да и в начале этого столетия, когда сотни и тысячи гектаров пахотной земли, на которой раньше всё убиралось, образно выражаясь, до последнего клочка сена, и сегодня остаются невозделанными и зарастают. И, наверное, до тех пор, пока на эти земли не придёт рачительный хозяин, так называемые природные, а в подавляющем большинстве случаев - рукотворные, пожары будут, как это ни печально, возникать и впредь.

АХ, СОРОКА-БЕЛОБОКА!

Ох, уж эти сороки! Наверное, многие любители природы, особенно рыболовы и охотники, сталкивались с этой хитрой, осторожной «разбойницей». На многих водоёмах, где мне, например, приходилось рыбачить зимой, эти птицы прямо «караулят» рыболовов. Хотя не только они, но и вороны, галки...

Вот несколько белобоких красавиц расселись по верхушкам берёз по берегам озера. Где-то в другом месте от их трескотни, как говорится, спрятаться негде. А тут сидят себе спокойно... Но стоит кому-нибудь из рыболовов зазеваться, оставить без присмотра рыбёшек у лунки, как самая шустрая из птиц слетает с дерева и опускается в двух-трёх шагах от добычи. Интересно смотреть, как сорока подбирается к рыбкам: бочком-бочком, скок-скок... И смотрит не на рыбу, а на рыболова: как бы тот не заметил и палкой не запустил. Но вот рыба рядом. Белобокая разбойница хватает одну из рыбёшек: если у нее есть время для выбора, то обязательно схватит клювом самую крупную из них. При взлёте она часто машет крыльями. Рыболов слышит, но поздно: птица с добычей уже летит к деревьям.

Как-то я решил «записать» в памяти всю сорочью охоту. Оставил двух разных по размеру окуней у лунки, а сам отошёл к другой - в пятнадцати шагах от первой. Устроился на ящике так, чтобы краешком глаза видеть происходящее вокруг рыбы. Посмотрел, и не увидел оставленных окуней. Когда сороки успели утащить их? Видно, когда отходил и устраивался на ящике. Однако, перехитрили, белобоки...

А один из знакомых рыболовов рассказывал, как его друг из-за сороки чуть было термоса не лишился... Сели друзья в обед перекусить, а у того рыболова термос был с блестящей металлической крышкой. Поели они, чаю попили. А крышку на термос не закрутили, на льду рядом осталась лежать. Ну, рыбачат себе дальше. И тут хозяин термоса вскакивает с ящика и бежит к месту привала, где лежали рюкзаки. Оказывается, сорока схватила крышку клювом, хотела взлететь, да поднять-то такую тяжесть силёнок у неё не хватило. Так вот и тащила её по льду. Ещё бы немножко - дотащила бы до ледовой закраины, где уже гуляла вода, и утопила бы. Успел, однако, незадачливый рыболов «отбить» крышку у сороки, а то бы лишился и термоса: без неё от него толку мало.

Такие вот они, белобоки, любители вкусненького и блестящего.

ЭДУАРД КИРЕЕВ

Киреев Эдуард Павлович родился в Брянске 6 августа 1938г., в семье рабочего. С юных лет трудился на стройках областного центра. Служил в Советской армии, участвовал в освоении целинных земель. Перед уходом на пенсию, работал художником-оформителем.

Начинал творческий путь со стихов. С 2004 года пишет прозу. Автор двух сборников рассказов: «Дедовы байки» и «Мозаика жизни». Публиковался в альманахах «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Венецианская мозаика».

Член Союза писателей России. Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

УРОКИ ЖИЗНИ

Всё было в жизни Валерки, как всегда: поел, чем мамка найдёт накормить, и иди, гуляй потом хоть целый день во дворе или на улице, пока не пришёл вчера вечером к ним сосед дядя Саша и не поинтересовался у матери, почему Валерка не ходит в школу. Учебный год начался, в школе занятия идут. Все дети сидят за партой, учатся, и лишь только один Валерка целыми днями гыцает во дворе, пропускает уроки. Вот и попросила учительница зайти узнать причину отсутствия ребёнка в школе.

Дядя Саша – инвалид. Война отняла у него одну ногу по самое колено. Теперь её заменяет деревянный протез.

Живёт дядя Саша в старом, чудом уцелевшем от бомбёжек и пожаров бараке. В том же бараке, в котором живут и Валерка с матерью, только вход в его квартиру с другого крыльца.

Услышав о том, что открыли школу, мать даже удивилась: откуда? Ведь всё вокруг разбито. Какая тут может быть школа? И про то, что её сына записали в первый класс, по правде сказать, она тоже впервые услышала от дяди Саши. До этого разговора она даже и не задумывалась о том, что её сын уже вырос, и ему надо учиться. Она считала, что её Валерик для школы ещё не дорос –

мал. Боялась, что сына из-за его маленького роста все там будут обижать. А ростом Валерка и, правда, не вышел – больно уж не по годам был мелок. К тому же мальчик он был тихий, не драчливый, правда, непоседа. Минуты лишней спокойно не посидит. «Куда ему? – думала. Пусть ещё годик погуляет, а там, глядишь, и подрастёт!..» К тому же где ей было думать о каких-то там карандашах да тетрадках? И так приходилось на всём экономить – лишней копейки в кармане днём с огнём не отыщешь. Иногда не знала даже, на что хлеба купить, как карточки отоварить. Много ли мытьём полов на вокзале заработаешь? Вот и думай теперь, в чём отправлять сына в школу? Ни штанов нет, ни ботинок? Босиком-то не побежишь – осень на дворе. Ничего того, что необходимо для школы, у него нет. И желания учиться у Валерки пока нет. Да и откуда оно будет, кто его мог подготовить к школе? Сама ни читать, ни писать не умеет, а соседям не до него – своих забот по горло.

И школы-то, как таковой, ещё не было. Прошёл всего лишь год, как город освободили от фашистов. А оказывается, теперь вот уже и здание под школу отвели. Хотя, что это за здание? Проходила не раз мимо, видела – одно название.

Каменная коробка с пустыми глазницами оконных проёмов, со следами копоти от пожара на стенах: ни окошек, ни дверей. Хорошо, хоть у этого здания стены крепкие оказались – сохранились. Да и где в разрушенном городе найдёшь лучше? Во всей Бежице ни одного приличного здания не уцелело, куда ни глянь – одни развалины, всё фашисты, уходя из города, пожгли-порушили. Во время оккупации в этом доме у немцев располагалась школа подготовки диверсантов, которых готовили из числа пленных красноармейцев-азиатов для борьбы с партизанами. Перед тем, как покинуть город, фашисты курсантов вывезли, а дом изнутри подожгли, видно, жгли документы, уничтожая следы своей деятельности. Сгорело всё, что только могло гореть – до основания. Ну, а что не сгорело – растащили жители соседних домов. Теперь здание предстояло восстанавливать.

«Это ничего – говорил дядя Саша – время придёт – всё восстановим, всё будет! Что, ноги нет? Тут уж, брат, ничего не поделаешь. Работать и без ноги можно. Главное – голова цела и руки на месте. Вот они! А моим рукам в школе сейчас работы не початый край – только успевай, поворачивайся!..» По рассказам дяди Саши,

он и до войны работал в школе и теперь, вернувшись из госпиталя домой, сразу же пришёл работать в школу.

На следующий день уже с утра, Валерка начал действовать на нервы матери своими слезами и нытьём. Он ходил за ней по пятам и ныл, и ныл не переставая:

- Мамка, не хочу в школу, не хочу! Не хочу, не пойду! Что я там забыл? Чем и на чём я буду в школе писать?..

Наконец мать не выдержала… Посмотрев на зарёванное лицо сына, и чтобы только прекратить его нытьё, которым он её уже вконец извёл, она подошла к стене, в сердцах оторвала болтавшийся кусок обоев и подала:

- На! Вот тебе бумага… на ней и будешь писать, а другой у меня нет!

Размазывая по щекам кулаками слёзы, Валерка ещё больше залился слезами…

В комнату без стука вошёл дядя Саша.

- Это что за рёв, рёвушка-коровушка? Опять, оголец, с мамкой воюешь? Чего лицо такое зареванное? В школу собираешься или так и дальше в прогульщиках будешь числиться? Идёшь?! Это – хорошо! А это что у тебя, - увидев в руках Валерки свёрнутый в трубочку кусок обоев, который тот прижимал к груди, спросил дядя Саша, - никак бумагой для школы разжились? – он осторожно, чтобы невзначай не обидеть ребёнка, пощупал уголок обоев. - Ну молодца! Годится! Писать можно! А чем писать будешь, карандаш есть?

Дядя Саша смотрел на мальчишку, истощённого постоянным недоеданием, успевшему хлебнуть уже столько горя, сколько иному взрослому за всю жизнь не увидеть, не испытать. Своими детскими глазами он не раз видел огни пожаров и расстрелы, трупы людей и животных, испытал страх во время бомбёжек, пережил с матерью заточение в немецком концлагере, видел смерть и жил с нею рядом в обнимку.

Немцы и полицаи отыскивали среди детей, находящихся в лагере, мальчиков, отбирали их у матерей и отправляли в Германию. Чтобы спасти мальчишку во время облав, заключённые в концлагерь женщины забрали Валерку у матери, на руках которой ещё была семимесячная дочь, и надев на него платье девочки, накрывали разным тряпьём или прятали в своих юбках.

От недостатка пищи сестрёнка заболела и умерла вскоре прямо на руках матери, а он настолько ослабел, что не мог даже открывать рот. И тогда женщины, чтобы накормить ослабевшего ребёнка, вылавливали из баланды, которой кормили их в лагере, кусочки брюквы или волокна капусты, разжевывали, и эти жёвки пальцем заталкивали ему в рот.

Постепенно, не видя рядом матери, он стал забывать её лицо. Вокруг него были только одни женщины, и все они были похожи друг на друга: худые и страшные. Когда он начинал плакать, они успокаивали его: «Молчи, молчи, а то услышит «капо», придет, заберёт тебя и застрелит!..» Он не знал кто или что это – «капо»? Он думал, что это тётя Капа, которую он знал. И всё удивлялся: зачем же ей нужно его застреливать?! Другие же тёти не убивают его?

Из лагеря им чудом удалось бежать и спастись от смерти.

И вот теперь этот мальчишка, обречённый войною на смерть, жизнь которого чудом всё же удалось спасти вырвав из лап смерти, полуголодным, обречённым на смерть женщинам, сегодня впервые пойдёт в школу. У него нет тетрадки, но он согласен писать даже на старых обоях. У него пока нет ботинок, но он готов идти босой.

Дядя Саша улыбнулся, но улыбка эта была какой-то горькой, вымученной:

– Ну, сосед, поздравляю тебя с первым учебным днём! По такому случаю у меня для тебя и подарок есть – держи-ка вот! – и он подал Валерке половинку остро заточенного химического карандаша. – Главное, сынок, не переживай. Вот война, я думаю, скоро закончится, всё у нас тогда будет: и карандаши, и тетрадки, и буквари. И школа новая будет с партами и чернильницами – потерпеть только надо. Понял? Через школу большая дорога теперь перед тобой открывается. Выучишься, глядишь, большим человеком станешь!.. Ну ладно – иди, учись!

- Ой, сосед! – прервала его мать. – Вот чему ты его наставляешь? Какая ему школа? Какая ему сейчас дорога? Ты же знаешь, как он сильно болел. Всю весну и почти всё лето провёл в постели. Да он же ещё до сих пор, как следует, не оклемался. Только-только силу стал набирать. Ветерок чуть подует, так он даже от него качается, а вы его сразу в школу. В чём прикажете ему идти? Ему и идти-то туда не в чем. Ни на ноги, ни на плечи. Да и с чем ему идти учиться, если нет ни тетрадки, ни карандаша, ни букваря?

- Ничего, соседка, пока на дворе «бабье лето», погода тёплая – первое время и босиком побегает. А там, глядишь, чего-нибудь для него сообразим. Да, вот ещё что, чуть не забыл: сидеть-то в классах сейчас пока не на чем, а стоять ему будет тяжело, так что, если в доме найдётся какая-никакая сидушка, скамеечка там или табуретка – пусть возьмёт, - дядя Саша потрепал рукой Валерку по волосам. – Да и постричься ему не помешало бы – ишь, как зарос!.. Не куда-нибудь – в школу идёт!

В школе за длинными, грубо сколоченными столами сидели дети разных возрастов, и их в классе было много.

Старенькая учительница, увидев, что сидеть ему будет не на чем, (пришёл-то он без табуретки, да и не донёс бы Валерка её до школы – силёнок бы не хватило) подставила к столу свой стул, усадила на него Валерку.

- Сидеть, мальчик, будешь здесь – это теперь твоё место! У тебя есть на чём и чем писать?..

Валерка молча кивнул головой и достал свой рулончик обоев и карандаш. Учительница посмотрела на пёстрый рисунок обоев с пятнами следов от клопов, и горькая улыбка отразилась на её лице. Она подошла к своему столу, взяла из стопки несколько тетрадок, подошла к Валерке и положила их перед ним на стол:

- Вот тебе тетради. В этой ты будешь писать, в этой решать примеры и задачки. Эта – для чистописания! Твои товарищи за эту неделю, которую ты пропустил, уже далеко ушли. Теперь придётся их догонять. А сейчас – вот тебе на сегодня задание, - она открыла тетрадь, взяла карандаш и вывела на её страничке между двух полосок какие-то закорючки, а на других полосках – прямые чёрточки. – Ну вот! Теперь бери в руку карандаш и постарайся сам написать. Не спеши – старайся!

Валерка взял карандаш и попробовал нарисовать такую же закорючку. Вышло что-то похожее на засушенного скрюченного червячка. Но вроде бы что-то же получилось, если учесть, что он впервые в своей жизни держал в руке карандаш? Он нарисовал второй крючочек, третий. Эти получились уже лучше, хотя и были всё такими же уродливыми загогулинами и нисколько не походили на те, которые ему нарисовала учительница. Увлёкшись, высунув от усердия кончик языка, он, не торопясь, послюнявив кончик карандаша, выводил крючок за крючком.

Учительница стояла у стола и что-то объясняла классу, потом взяла со стола книгу и стала читать:

- Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок –
Невесёлая дорога…
Эй! Садись ко мне, дружок!
Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь…
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь.

Гул в классе сразу затих, только слышался её голос Валерка, невольно прислушиваясь к её голосу, замер. Ему показалось, что это она говорит о нём. «Ну правильно! Он же пришёл в школу босой, и рубашка старенькая и штаны на нём с заплаткой».

А голос учительницы креп, её слова сами просились Валерке в уши.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь…
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

«А вот и неправда, никакого батьки у меня нет. Мамка рассказывала – папку немцы застрелили – он был партизан…»

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

«А это, что ещё за дьячиха? Не знаю ни какой дьячихи…»

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну что ж!
Случай тоже уж не новый –
Не робей, не пропадёшь!
Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик…

И тут зазвенел звонок. Валерка вздрогнул. Он словно, очнулся. Звонок вернул его в класс. Дети за столами зашевелились. Учительница постучала ладонью по столу:

- Тихо, тихо! Что за шум в классе? Урок ещё не закончен. Звонок для учителя, а не для учеников. Разве вам не понравилось стихотворение Николая Алексеевича Некрасова?

И тут Валерка не выдержал, он вскочил из-за стола и закричал:

- Понравилось!

Ребята разом повернули головы в его сторону, но, увидев Валеркины фиолетовые губы и язык, вымазанные чернильным карандашом, дружно засмеялись. Валерка, не поняв причины их смеха, покраснел, опустил голову и сел на место.

- Это хорошо, что тебе понравилось, только, зачем же так кричать? На следующем уроке мы дочитаем, а теперь идите на перемену – отдыхайте!..

Она подошла к Валерке и подала ему карандаш: - Вот тебе карандаш, писать будешь им, а свой отнесёшь домой, отдашь матери. А теперь пойди, умойся. Ребята покажут, где…

На уроке арифметики Валерка ещё раз оконфузился перед классом. Выяснилось, что он не только не знает счёта, но даже не знает цифр. Другие ребята-первоклашки из его класса уже до ста могли считать, а он не смог даже пальцы сосчитать на своих руках. Один, два, четыре и сразу – шесть, чем вновь вызвал смех в классе.

Из школы Валерка возвращался хмурый, с заплаканным лицом. И всё из-за того, что ребята после уроков стали дразнить его и толкать, чем и довели до слёз. Бережно прижимая к груди тетрадки, вспоминая насмешки ребят, он обиженно всхлипывал: «Плохие ребята – толкают и дразнятся, а учительница – хорошая, добрая. Вот и тетрадки дала и карандаш, и от насмешек ребят защитила, и показала, как надо рисовать эти палочки и крючочки».

Подходя к дому, он увидел соседа Николая Петровича. Правда, так его никто из соседей по бараку не называл. Просто – Коля или Николай. А слушая, как зовут его взрослые, за ними повторяли и дети. Николаю было лет девятнадцать-двадцать. По Валеркиным понятиям, он был уже старый. В бараке Николай появился недавно, сразу следом за дядей Сашей. После тяжёлого ранения и долгого лечения в госпитале из армии его демобилизовали, и он вернулся домой. Жил один – родители погибли во время бомбёжки, ходил с трудом, опираясь на костыли. Ноги, руки, лицо – всё у него было побито, посечено осколками мины. Но за его весёлый нрав, за доброе отношение к соседям, готовность всегда придти на помощь

женщины и дети относились к нему с уважением и старались хоть как-то облегчить ему жизнь. Сидя на их крылечке, Николай что-то строгал ножиком. Не доходя до него, Валерка остановился и стал тщательно вытирать лицо от слёз, совершенно позабыв, что, уходя из школы, он из любопытства сунул палец к соседу в чернильницу, и теперь чернила с пальца размазались на его заплаканном лице. Увидев Валерку, Николай заулыбался:

- Ха, Валерка! Ты это откуда идёшь? Что сопишь? Или язык проглотил? А это, что у тебя в руках, никак тетрадки? Да уж не в школе ли ты был? Хотя, чего я спрашиваю, и так всё видно: вон, всё лицо в чернилах…

- Ну! - Валерка насупился и, ожидая какой-нибудь насмешки от Николая, шмыгнул носом.

- Ну-ну, что ты разнукался, чудак? Я ж к тебе по-хорошему. Садись-ка вот рядышком. Расскажи, как там в школе? Чему тебя там сегодня научили?

- Да так, - Валерке совершенно не хотелось рассказывать дядьке ничего о школе. Да и что рассказывать? Он ведь и сам ещё толком ничего не понял в этой школе.

– Вот… я рисовал, - он раскрыл тетрадку…

Николай заглянул в тетрадь и, увидев на странице написанные вкривь и вкось какие-то закорючки, а рядом падающие друг на друга кривые палочки, хмыкнул:

- И всё?

Валерка кивнул головой.

- Да, не очень! Но для первого раза, я думаю, сгодится. Только ты дальше старайся… С этих крючочков и палочек вся наука и начинается, без них нам ни тпру, ни – но. Понял, брат? Все с них начинали – тут уж ничего не поделаешь…. Придётся и тебе, дружок, с этого начинать. Ну, а курить, курить тебя в школе ещё не научили?

Валерка удивлённо уставился на него:

- Нее…

- Вот прохиндеи! Самого-то главного тебе, значит, и не показали. Вот и выходит, что ничему-то тебя сегодня и не научили. Считай, первый твой день в школе прошёл даром. Самый первый свой урок ты сегодня так и не усвоил. А как же ты без этого дальше думаешь жить? Ну ничего, мы это дело сейчас мигом исправим.

Садись вот тут, рядом – сейчас мы с тобой покурим. Держи-ка газетку… теперь сыпнём на неё табачку… и начнём вот так заворачивать. Учись… Теперь лизни бумажку языком. Всё, цигарка готова. А то, может, тебе удобнее «козью ножку» свернуть? Смотри сюда, – Николай ловко свернул клочок газеты – получилась трубочка, насыпал в неё табак, перегнул. - Вот и готово, осталось только прикурить, - он поднёс огонёк зажигалки к трубочке, затянулся и выпустил дым. Изо рта вверх полетели белые колечки. – Для Валерки это было так интересно, что он, не выдержав, засмеялся. - Держи, теперь ты. Да не бойся! Набери дым в рот, вдохни в себя и скажи: «Бабка печку не топила – дым не шёл, бабка печку затопила – дым пошёл!». Скажешь и выпусти дым изо рта. Иначе, если не затянешься и не скажешь – тогда это получится как бы и не курил, как бы всё было понарошку, не всерьёз…

Валерка послушно взял зажжённую цигарку в губы, зажмурился и втянул в себя дым. В горле и в груди словно обожгло огнём. Дыхание перехватило, и Валерка зашёлся в сильнейшем кашле. Из глаз брызнули слезы, изо рта потекли тягучие слюни. Его стало тошнить. Валерке казалось, что рвота вывернет его наизнанку. Бросив цигарку, он упал на пожухлую, истоптанную множеством ног осеннюю траву и, откашлявшись, заревел.

На плач сына на крыльцо выскочила мать. Увидев хохочущего Николая и лежащего на траве с позеленевшим лицом Валерку, она сразу догадалась, в чём дело.

- Ты что удумал, Николай? Ты в своём уме? Или на войне тебе ум совсем отшибло? Ты что же, не видишь, он и так еле живой, а ты его ещё и курить приучаешь? Сейчас вот возьму коромысло, да так по твоей дурной башке похожу. На всю жизнь запомнишь. Удумал же, чему ребёнка учить!

- Да что ты, Марусь, расходилась? – Николай, продолжая смеяться, на всякий случай отодвинулся подальше от разгневанной соседки. – Ну подумаешь, печаль – один раз затянулся! Зато в следующий раз его и колом не заставишь курить. Он уже понял, как это бывает. Какая это гадость – табак! Возможно, после этой своей первой затяжки сын твой никогда больше не закурит. Она ему всю жизнь теперь будет сниться. Поверь моему слову, вот увидишь.

Мать подняла Валерку, хлопнула полотенцем по спине: - А ну бегом домой, курильщик. Посмотри на свои руки, на лицо – на кого

ты похож? Ты что, в чернильницу в школе нырял с головой? Марш умываться!

Учёба в школе Валерке давалась с трудом (сказывались голодные годы детства). Шли годы. Валерка с матерью перебрались на жительство в посёлок Сельцо. Новая школа, новые товарищи, новые учителя…

Тяга к небу у него проявилась где-то в восьмом классе. Однажды к ним в школу пришёл лётчик и стал рассказывать ребятам о небе, о самолётах, о парашютах. А после пригласил желающих записаться в аэроклуб. И Валерка загорелся. Слушая его, он уже мысленно видел себя в кабине самолёта или под куполом парашюта и первым из класса попросил записать его в аэроклуб. Но тут выяснилось, что «троечников» не принимают. С этого дня Валерка засел за учебники и на следующий год всё же поступил в аэроклуб на лётное отделение. Аэродром находился в пяти километрах от поселка, и он почти каждый день после занятий в школе отправлялся туда и обратно пешком. Любовь к небу у него проявилась с первых же полётов. К тому времени, когда начались полёты, в школе у него были оценки не ниже «хорошо», а в Аэроклубе по всем предметам только – «отлично». Он усиленно постигал лётную науку.

После окончания школы и с дипломом аэроклуба Валерка поехал поступать в военно-лётное училище – и поступил. Через пять лет, окончив Качинское лётное училище с отличием, Валерка стал военным лётчиком. Но служба его длилась недолго. В 1960 году согласно приказу Министерства обороны о сокращении войск, из авиации он был демобилизован. Вернувшись после демобилизации домой, устроился работать на заводе. И вновь засел за учебники. Окончил с красным дипломом техникум, а через несколько лет – и машиностроительный институт. И вот однажды, уже работая на заводе, он совершенно случайно встретил Николая. За эти годы тот здорово постарел, но не настолько, чтобы Валерка не смог его узнать. Посыпались обычные в таком случае вопросы: «Ну как ты? Ну где ты? Как мать? Как соседи? Как семья?..»

Разволновавшись от неожиданной встречи и воспоминаний, Николай достал из кармана портсигар, раскрыл и протянул папиросы Валерке:

- Перекурим что ли, Валерий Степанович? Угощайся!

Тут-то и выяснилось: многому научила Валерку жизнь, но урока Николая он так и не усвоил – курить не научился. Видно, для него он оказался самым трудным или просто совершенно не нужным – лишним в его интересной жизни.

НА ЗАЙЦА

Давно этот случай произошёл, очень давно, в 1959 году. Я в ту пору работал в Западном Казахстане, в целинном совхозе «Илекский», в местной поселковой школе.

Зима в тот год выдалась очень снежной и морозной. Особенно холодным был январь. Морозы зашкаливали порою чуть ли не под сорок градусов, а метели наметали сугробы прямо под самые крыши домов.

Поселили меня за весьма умеренную плату в доме местного кузнеца, причём столовался я с хозяевами за одним столом. Когда директор привёл меня к ним в дом и попросил взять на постой учителя, хозяйка долго не раздумывала: сразу же дала согласие и в дальнейшем относилась ко мне с почтением и уважением. Хозяин, Василий Порох, работал в совхозной кузнице, а его жена, Вера Прокопьевна, заведовала в посёлке почтой. Людьми они оказались душевными и добрыми. Сами они приехали в казахстанские степи из Украины и считали себя одними из первых поселенцев в совхозе. Дом построили сами, из самана, но вполне приличный и тёплый.

Жили они вдвоём, хорошо, дружно. Дети, сын Алексей и дочка Анастасия, учились в Ленинграде. В каких институтах, я, правда, постеснялся у них спросить, а сами они не рассказывали. Хозяйство держали крепкое: две коровы, пара поросят, а кур – уйма: штук пятьдесят, если не больше. Целыми днями только и было слышно на дворе куриное кудахтанье да петушиные вопли.

И с первого же дня Вера Прокопьевна принялась откармливать меня домашними деликатесами, словно я приехал к ним из голодного края.

Утром я всегда просыпался от гула – это Вера Прокопьевна уже успела подоить коров и теперь усердно крутила ручку сепаратора, отделяя сливки от обрата. Закончив сепарировать молоко, она тут же принималась готовить завтрак, который обычно состоял из большой миски вареников. Замешивала тесто, раскатывала его на

столе, нарезала стаканом кружочки, готовила начинку. В чём-чём, а в варениках она знала толк, большой мастерицей была. То подаст их с творогом, то начинит картошкой с пережаренным салом и луком, то с вишней, то с черёмухой, даже с паслёном умудрилась однажды накормить. А сверху сметаной, сметаной! Или же поставит на стол сливки, застывшие в сенцах до густоты сливочного масла – бери, намазывай! И всё так вкусно, что невозможно было оторваться.

У Василия было своё увлечение – охота. Охотником он слыл заядлым и возглавлял в то время местный коллектив охотников. Я как-то в разговоре проговорился ему, что в армии неплохо стрелял, и он тут же попытался первым делом привлечь и меня к охоте. В один из вечеров, когда мы сидели, пили чай и вели разные разговоры, он вдруг посмотрел на меня, встал из-за стола, достал ружьё, вроде как похвастаться, расчехлил, подал мне:

- Взгляни-ка, как ружьецо, ладненькое? Ты к плечу, к плечу примерь! Да не боись, смелее – оно же не заряжено, не боись! Как навскидку, удобно? Значит так: занятия у тебя после обеда? А раз так – нечего без толку сиднем сидеть. Так что с утречка собирайся, бери ружьё, становись на лыжи и сходи, погоняй зайчишек! Приду с работы, чтобы к обеду на столе была жареная зайчатина!

- Ну и куда мне прикажете бежать, где мне за ними гоняться?

- Не надо тебе никуда бегать и ни за кем гоняться. Иди к комбайнам – там ты их всегда с утра найдёшь.

Действительно, я не раз видел, проходя по посёлку, на его окраине комбайны. Их было много: там были и самоходные, и старые прицепные – все они, занесённые снегом, стояли, словно солдаты на плацу, выстроившись в ряд.

- А они что, зайцы, сидят там и ждут меня, когда я приду и уши им поотстреляю?

- Вот чудак! Да они на ночь по сугробам внутрь комбайна забираются от мороза да от метели прячутся, да чтобы лиса или волк не сцапали. Там себе и питание находят. В комбайне всегда всякая труха остаётся: где зерно отыщут, где остатки соломы с половой – им этого вполне хватает. Так что бери патроны и – вперёд!

Утром, как Василий и наказал, встаю на лыжи и мелким шагом скольжу к комбайнам. Морозец с утра уже знатный – градусов двадцать с лишним, не меньше. Так за нос и хватает. Луна с неба

успела уползти, видать, устав за ночь, отправилась отсыпаться до следующей ночи. Зато звёзд на небе – и фонарей не надо! И сияют они над головой низко-низко, так низко, что прямо дотянулся бы до них рукой, надёргал полные карманы и унёс бы такую красоту домой, развесил бы под потолком – пусть дома душу радуют! Снег от их блеска, словно серебряный плед по земле расстелен – искрится, да при каждом шаге под лыжами поскрипывает – это от мороза.

Но рассвет уже недалеко, он всё ближе и ближе, и звёзды начинают мутнеть, и одна за другой покидают небосвод. Темь медленно сменяется на предрассветный сумрак. Небо заволакивает дымка. Из степи подул лёгкий утренний ветерок, и стебельки ковыля, торчащие из снега, словно проснувшись, начинают шевелиться. Далеко-далеко на едва просматриваемом горизонте небо постепенно начинает светлеть.

Подхожу к комбайнам. Снимаю перчатки. Дыханием грею пальцы. Заряжаю ружьё, жду, когда получше развиднеется. Стою, посматриваю по сторонам: «Ну и где тут заяц сидит, где он прячется?..» Спина от долгого стояния на месте, а, может, и от холода начинает млеть. Надо бы походить, потоптаться, размяться – нельзя! Снег такой скрипучий – того и гляди услышит косой – убежит раньше времени. Шевелю локтями, двигаю плечами – вроде становится легче. Хочется курить, но и курить нельзя.

В посёлке, в чьём-то сарае, видно, испугавшись, что проспал рассвет, встрепенулся и истошно заорал петух. Ему тут же ответили другие – и пошло-поехало по посёлку: кто кого перекричит!..

Невольно заслушавшись, я неосторожно переступил на месте. Задник правой лыжи слегка стукнул о борт комбайна… И тут же, среагировав на стук, откуда-то из глубин выскочил ошалевший от страха заяц. Смешно вскидывая задом, он прытко стреканул зигзагами от комбайна, но отбежав метров на десять-двадцать, остановился, присел, слившись со снегом, потом встал столбиком, поднял, прислушиваясь, уши торчком, пытаясь понять, что это такое могло прервать его сон и напугать…

Не успел я вскинуть ружьё, как из соседнего комбайна с шумом выскочил ещё один заяц, скакнул, словно разминаясь, вверх, прыгнул влево, вправо и припустил в степь. За ним бросился первый. Я даже глазом не успел моргнуть, как их следы уже поостыли. Только и оставалось, что посмотреть им вдогонку и то с сожалени-

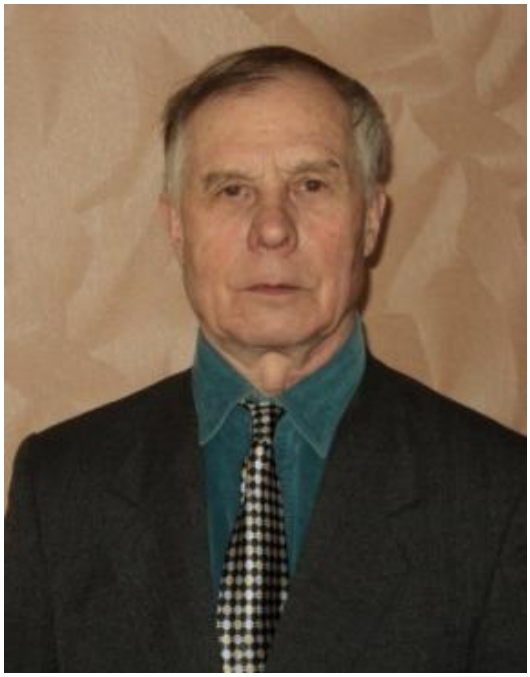
ем: «Ух, ну и прыткие. Вот это да! Где уж мне тут мне за ними угнаться? А ничего зайчишки, упитанные. Жалко, конечно, что не удалось подстрелить, да только ничего не поделаешь – видно, не судьба!..», - разочарованно подумал я, опуская ружьё.

Можно было походить, конечно, ещё в степи, попытаться выследить какого зайчишку или лису, но не знаю почему, только мне как-то сразу расхотелось кого-то убивать: «Зачем? Что они мне плохого сделали? Пусть себе живут, им и так несладко?!» И я не спеша переломил ружьё, вынул патрон, сунул его в карман, закинул ружьё за плечо и медленно побрёл домой.

Шёл и рассуждал: «Что же мне Василию теперь сказать? А зайчишки ничего были, видать, кило пот три, а то и на все пять каждый точно потянул бы, но нет, так нет. На нет и суда – нет!»

Я вглядывался в просыпающийся посёлок. Вот в одном окне вспыхнул свет, а вот – и в другом. Да и из труб уже появились первые дымки. Снег шуршал и поскрипывал под лыжами, ветерок, посвистывая, заигрывал с тонкими былинками ковыля, пощипывал мороз. Потирая перчаткой нос и щёки, медленно передвигая ноги (торопиться-то некуда) я шёл домой, где было тепло, где всё так же гудел сепаратор Веры Прокопьевны, а на столе ожидали меня вареники и кружка горячего чая.

ВЛАДИМИР КИСЕЛЁВ



Владимир Матвеевич Киселёв родился в *1938 году в г. Брянске. Окончил Брянский машиностроительный техникум и Брянский институт транспортного машиностроения. Военную службу проходил в ракетных войсках. Работал конструктором на БЭМЗ, инженером в представительстве заказчика на БХЗ. Публикуется с 1998 года. Басни и стихи выходили в альманахах «Белые паруса», «На земле Бояна», в газете «Сельцовский вестник». Член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Автор книги «Звёздное небо»*

СКАЗКА О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

1

У озера, у Светлояра,
Встал город красы неземной,
Подобием Божьего дара
Сиял над кристальной водой.

Закрытый лесами надёжно,
Он был недоступен врагам.
Пройти-то пытались, возможно,
Но их не пускала тайга.

Но вот им представился случай:
В их руки попал проводник,
В лесу непролазном дремучем
Тропу рассекретил старик.

Пока по чащобе безбрежной
Тащилось заклятое зло,
Об этой беде неизбежной
Известие в Китеж пришло.

А был он к войне не готовым:
Ни башен, ни стен и ни рвов.
Решение вышло суровым –
У Керженца встретить врагов.

От юноши до пожилого,
Владеющих луком, мечом,
Отправились трудной дорогой –
Стать городу верным щитом.

К намеченной речке успели,
Сразились с жестоким врагом.
Как птицы свистели там стрелы,
И смерть пировала кругом,

Трещали щиты от ударов,
Текла в речку Керженец кровь,
Сражались защитники с жаром,
Вставали упавшие вновь.

Но вот уж последние пали
Под сенью родимых небес.
Врагов полегло там немало,
Хотя был у них перевес.

От вражьего войска, быть может,
Осталась четвёртая часть,
И всё же от злобы, похоже,
Решились на Китеж напасть.

2

Тем временем город в тревоге
Ждал скорых и добрых вестей.
Вдруг видят: на ближней дороге –
Отряд ненавистных «гостей».

В отчаяньи женщины, дети,
Дав волю горючим слезам,
К последней защите на свете
Воззвали – к Святым Небесам:

«Заступница, Мать Пресвятая!
Не дай растерзать воронью!
Приблизилась чёрная стая –
У пропасти мы на краю».

Тут озеро ожило словно,
Фонтаном взлетала вода,
Всё выше свирепые волны –
Настигла злодеев беда.

От страха в минуты лихие
Налётчики кинулись вдаль,
Но всех поглотила стихия.
Кому-либо вряд ли их жаль.

Вода отступила позднее
По воле Высоких Небес.
Вновь озеро стало светлее,
Но Китеж бесследно исчез.

3

С тех пор миновали столетия,
И было немало чудес
И всяких других лихолетий.
А Китеж как будто воскрес.

И если у озера кто-то
Появится, в помыслах чист,
Его одолеет дремота,
Разбудит таинственный свист.

Увидит тогда с изумлением,
Как город парит над водой,
В нём слышится тихое пение,
Вокруг первозданный покой.

Минута проходит – вновь пусто.
Неясно: то явь или сон?
Лишь чудится тихий и грустный,
С глубин поступающий звон.

СЛУЧАЙ

Однажды случай был таёжный:
Попалась рысь в капкан железный,
Для зла сработанный надёжно,
И в нём металась. Бесполезно!

Тогда, скуля от дикой боли,
Отгрызла лапу в иступлении:
Ведь ждут детёныши на воле,
А без неё им нет спасения.

Инстинкту матери послушна,
Вернулась к ним и, взяв с собою,
Вела в село. Ей было нужно
Спасти котят ценой любою.

Кровавый след лежал пунктиром.
К селу добраться уж едва ли,
Столкнувшись прежде с чуждым миром,
И тут их люди повстречали.

Они над ней стояли в шоке,
Мольбы без слов той не забудут:
«Меня убили вы жестоко,
Детей моих возьмите, люди!»

Подумать только! В человека,
Живём порой уже не веря,
Казалось бы, в гуманном веке.
Скажите: в ком же больше зверя?

ОСЕННИЙ ДЕНЬ В ЛЕСУ

Выпал на редкость безветренный день.
Тропка виляет лесная.
Осени манит прозрачная тень,
Тайную грусть навевая.

Жаркое лето уже далеко.
Всё по законам природы.
Дни, как вода, утекают легко,
Также и целые годы.

В сонном лесу разлилась тишина.
Облачко тает в лазури.
Только дробь дятла порою слышна,
Будто назначен дежурным.

Эти мгновения в полной тиши,
С запахом листьев и хвои,
Словно смывают усталость с души
Непостижимым покоем.

РУЧЕЙ

Лаская слух напевом нежным
Своих затейливых речей,
Журчит под небом безмятежным
В траве затерянный ручей.

Всегда живой и шаловливый,
Лукаво плещется, шутя,
Стремится влаль нетерпеливо
Природы милое дитя!

На берегу смотреть приятно
На чистых брызг его игру.
Я буду очень аккуратным,
Не замутив весёлых струй.

ЗАКОНЫ ЖИЗНИ

Построить дом и жить счастливо!
Но если станешь одиноким,
В нём дни потянутся тоскливо.
Законы жизни так жестоки!

Наш дом – приют души мятежной,
Неважно, щедрой или жадной,
Дом сожалений бесполезных.
Законы жизни беспощадны.

В окне – два дерева, весною
Они и зелены, и нежны,
Но к холодам забыты снова.
Законы жизни неизбежны.

Ах, зелень юная! С тобою
Воспоминания тревожны.
И горек плод борьбы с судьбою –
Законы жизни непреложны.

А время так неумолимо…
Печальны дни или прекрасны,
И может жизнь промчаться мимо.
Её законы беспристрастны.

О, жизнь! Твой жребий тянет каждый,
И каждый хочет стать счастливым.
Дай шанс и мне сказать однажды:
Твои законы справедливы!

КАМЕНЬ И ЦВЕТОК

Вблизи просёлочной дороги,
Где мог его увидеть каждый,
Давным-давно, по воле Бога,
Угрюмый камень лёг однажды.

С тех пор веков прошло немало,
Менялся мир неудержимо.
Его ничто не волновало
В потоке лет неодолимом.

Людей рассеянные взгляды
Над ним скользили безразлично.
Ему же чудилась отрада
В таком спокойствии привычном.

Но как-то в лунке, мхом набитой,
Цветок расцвёл под небом синим.
И сразу весь кусок гранита
Казаться стал живым, ранимым.

И вот глаза уже прилежно
Теперь осматривали камень.
Через цветок тепло и нежность
К ним устремлялись, словно пламень.

Я потому, на самом деле,
Про камень вёл рассказ досужий,
Что жил он эти две недели –
Цветочком хрупким был разбужен.

ПОРА ЛИСТОПАДА

В медленном танце планирует лист,
Сонно колышутся ветви.
Воздух осенний прохладен и чист,
Бродит рассеянно ветер.

Вот и пришла листопада пора,
Словно богач за долгами!
Осень на золото слишком щедра:
Листья шуршат под ногами.

Мир заполняет прощальная грусть.
Солнце склонилось, как милость.
Скоро всё белым окрасится. Пусть!
Лето, похоже, приснилось.

СИТЦЕВЫЙ ОСЛИК

Евгении Шепыкиной посвящаю

Мишенька, Мишенька – ситцевый ослик!
Что загрустил ты на маленькой полке?
Прежде лоскутик был пёстрый, а после
Бережно сшитым стал ниткой с иголкой.

Чуткие пальцы сплели ему гриву,
Уши приделали, кисточку-хвостик.
Что же он смотрится так сиротливо,
Будто явился нечаянным гостем?

Рядом теснятся с ним умные книги.
Только их мудрость ему непонятна.
В снах, отвергая их мудрое иго,
Просто шагает в простор необъятный.

Сны улетают – опять ему больно.
Стал он заложником шёлковой нити,
Видом своим словно просит невольно:
«Люди, покой мой скорее верните!»

НАШ ГОРОД

На улицах тихих – рассвет,
И спал ещё город спокойно.
Ему говорил я: «Привет!
Судьба, будь к тебе благосклонна!»

Чуть позже потоком сплошным
Спешили в завод горожане,
А ночью прохожих ночных
Огни фонарей провожали.

Всё ждал работящий народ
Заветного дня выходного –
Отправиться в лес, в огород,
От дел отдохнуть хоть немного.

Ценили короткий досуг,
Стремясь его сделать полезным.
А время летело, и вдруг
Куда-то всё это исчезло.

Похоже, зловещим жезлом
Взмахнула недобрая сила,
И город, всем людям назло,
Надолго зима захватила.

Но верю: растает злой лёд!
Здесь радость поселится снова.
И каждый наш город найдёт
Весёлым, красивым, здоровым!

ЗИМА

Природа словно задремала,
И шар земной замедлил бег.
Зима старалась, и не мало:
Слепя глаза, сверкает снег.

Свой полог небо опустило,
Синея холодно вдали,
Не грея, зимнее светило
Висит над кромкою земли.

Темнеет лес, полям в контрасте,
В особой зимней красоте,
Река смирила свои страсти,
Уснув спокойно в темноте.

Порхают стайками синицы,
Звенит пилою дровосек.
Природа к отдыху стремится,
Как утомлённый человек.

ДЕКАБРЬ

Под небом сумрачным лениво
Снежок кружится нежной пудрой,
Качает ветер шаловливо
Берёз серебряные кудри.

В разрывах туч мелькает редко
Луч солнца низко над равниной,
Сидят воробышки на ветках
Поникшей жалобно рябины.

Морозец, рук не покладая,
Над сонной речкою хлопочет,
Зима, пока что молодая,
Ещё сердитая не очень.

Ждут люди: год наступит новый,
В заботах каждый суетится.
Пускай не будет он суровым,
Хотя б увидеть хвост жар-птицы!

ЯНВАРЬ

В лицо порхает снег колючий,
Мороз крепчает. Ветер злой
Вверху несёт седые тучи,
А горизонт завесил мглой.

Зима хозяйничать готова,
Хоть дни теперь уже длинней,
Её железные оковы,
Увы, находятся при ней.

Бывает, оттепель нежданно
Приносит западный циклон,
Своим дыханием обманным
Смущает зиму. Ветрогон!

Потом последует расплата:
Ещё сильнее станет гнёт.
Не разбирая виноватых,
Январь опять своё возьмёт.

ФЕВРАЛЬ

Смотреть на снег бывает больно.
А небо синее такое!
Одно лишь облачко привольно
Застыло в царственном покое.

К полудню плачут безутешно
Сосульки чистыми слезами,
От солнца прячась безуспешно,
Висят под крышами рядами.

Но холодает к ночи снова.
Мороз-проказник колет щёки,
Бодрит прохожего любого,
И слышен каждый звук далёкий.

Внезапно буйные метели
Завалят снегом все дороги,
Оденут в шубы сосны, ели –
Весне работы будет много!

ОСА

(басня)

Оса, кружась у водопоя,
Мелькала пулей целый день.
Никто не чувствовал покоя,
Пока носиться ей не лень.

Спокойно жили только птицы,
Зверям объявлена война:
Ни прогуляться, ни напиться.
Уж больно жалит, сатана!

« Ну что жужжишь ты очумело? –
Зверюшки ей кричат из нор –
Всех покусать ты нас успела,
Какой-то, прямо, рыбий жор!»

«Жужжать я буду на просторе,
И уж, конечно, у воды,
А вы сидите лучше в норах,
Чтоб не нажить себе беды!»

Терпели звери все мытарства,
Боялись выбраться из нор.
Не удалось бы им лекарства
Найти от яда до сих пор,

Но как-то утренней прохладой
Летел уверенно скворец,
Как вдруг осу услышал рядом.
Вот и пришёл ей тут конец!

* * *

Ясна мораль: кто терпит только
Ос ядовитых без конца,
В себя не верит тот нисколько,
А ждёт залётного скворца.

УСЛУГА
(басня)

Орлу сорока-прилипала
Услугу в чём-то оказала.
И вышло это не без проку –
Орёл заметил белобоку:

«Ну что ж, услуга за услугу, –
Решил орёл. – Скажу как другу:
Отмечу я тебя, плутовка,
За всё, что сделала так ловко!

Труда мне это не составит –
Назначу старшей в местной стае.
В любое время, если надо,
Ты прилетай ко мне с докладом».

Тут началась для птиц морока!
Орлу про них весь день сорока
Стрекочет запросто. И просто
Им спасу нет от длиннохвостой!

Таскает жареные вести,
Носясь по ветру белой жестью:
«Стучу на птиц я с чувством меры,
И лишь на тех, кому нет веры.

На это клюва мне не жалко».
Не достаёт орлу смекалки
Турнуть сороку. И подальше!
Иль до того привык он к фальши?

НИКОЛАЙ КЛЁЦКИН

Клёцкин Николай Петрович родился 28 марта 1958 года в п. Подборье, Почепского района, Брянской области.

В 1980 году окончил Брянский институт транспортного машиностроения. По образованию инженер-механик. Работал на предприятиях г. Сельцо и Брянской области.

Публиковался в еженедельниках «Сельцовский вестник», «Брянские факты», в альманахе «Белые паруса». Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

МОЙ ГОРОД ЛЮБИМЫЙ

Лесами хранимый,
Мой город любимый,
Здесь занял пригорок
Средь сосен и ёлок.

В нём люди простые,
Почти как родные,
Встречают рассветы
И пишут сонеты,

И славят свой город,
Который так молод,
Пусть пока небольшой,
Но красивый душой.

Город мой над рекой -
Сельцо милый, родной,
В моём сердце живёт
И мне сил придаёт.

Лучший город земли,
В нём живу я в любви.
Здесь в чудесном краю
Я, как будто в раю.

Сельцо - город люблю,
Ему песню пою.
Вечно стой над Десной,
Город - сердцу родной.

КОГДА ТЫ ЛЮБИШЬ РУСЬ

Я встану утром рано
И солнцу улыбнусь.
Не так уж это мало,
Когда ты любишь Русь.

Я знаю это точно,
Себя не обмануть.
Я с нею связан прочно,
И в этом моя суть.

Люблю страну родную,
Ей в этом признаюсь.
Не надо мне другую,
Клянусь тебе я Русь.

ШАГАЮТ РОВНЫМИ РЯДАМИ

Шагают ровными рядами
Солдаты русские в строю,
Чтоб защитить на поле брани
В сраженьях Родину свою.

Все, кто служил, те это знают:
Россия им вторая мать,
И честь свою не замарают,
Когда придётся умирать.

России гордость вы и слава,
Защита рубежей страны.
Спокойно может спать держава,
Когда такие есть сыны.

Шагайте ровными рядами,
Солдаты русские, в строю.
Достойны вы отцовской славы,
Её снискавшие в бою.

ПЕСНЬ «БЛУДНОГО КОТА»

Ночь, улица, фонарь, луна.
Стою я молча у окна
И не решаюсь позвонить,
Узнать, смогла ли ты простить.

Мне надо сделать этот шаг,
Но, как всегда, мешает страх,
И я стою, смотрю в окно.
Нас разделяет лишь оно.

Не знаю даже, чья вина,
Стекло меж нами, как стена.
Ночь, улица, фонарь, луна.
И я смотрю на свет окна,

А там твоя мелькает тень.
Открыть бы мне скорее дверь,
Тебя обнять, сказать:«Люблю, -
А я вот здесь ещё стою.

- Прошу, ты дверь свою открой,
Клянусь, что буду только твой.
Прости меня, тебя молю,
И трижды это говорю.

- Надеюсь я, ты дашь ответ,
Но не хочу услышать «Нет».
Молю тебя, скажи мне «Да»
И пусть уйдёт моя беда.

Ночь, улица, фонарь, луна.
Тень приковала у окна
И страх... Настолько он велик,
Что я решился лишь на стих.

Я ПОМНЮ, КАК ПОЖАР ТУШИЛ

Я помню, как пожар тушил,
В избу, горящую входил.
Что мне ещё о том сказать?
Людей не довелось спасать.

Хоть было это так давно,
Но я-то помню все равно.
Глубокой ночью столб огня
Поднял деревню и меня.

Там собрав нас без набата
Где горела чья-то хата,
Пожар мы бросились тушить,
Забыв совсем про свою жизнь.

И дом горел - и фонари,
Вокруг метались мужики.
Водою начали тушить
Да сеть забыли отключить.

Пришлось все делать самому.
Не мог доверить никому.
Я полдеревни пробежал
И кнопку нужную нажал.

Потом вернулся, стал тушить,
Стараясь всё водой залить.
Держа в руках пожарный ствол,
Огню я вынес приговор.

Струю воды направив внутрь,
Решил в избу я заглянуть,
Но не увидел никого.
И сразу стало так легко.

РАЗГОВОР

- Ты, Господь, меня прости.
Сколько быть ещё в пути?
И ответ Его был прост:
- Собирайся на погост.

Я в ответ: "Ну как же так?
Жить на свете ещё рад."
Он молчит до сего дня
Знать, Ему не до меня.

Что же делать и как быть?
Самому мне не решить.
Думать я уже устал,
Но на старт пока не встал.

Жить иль нет - Ему решать
И судьбы не избежать.
Кто за кем и чей черёд,
Знает Он лишь наперёд.

Ад иль рай – к чему гадать
Остаётся только ждать.
- Ты решаешь, Ты Господь,
Но прошу Тебя: "Погодь».

КОРАБЛЬ, КОМАНДА, КАПИТАН

Корабль, команда, капитан,
Штурмуют смело океан.
Врачуют души много лет,
Чтоб на земле оставить след.

Корабль идёт штормам на зло,
А на борту несёт добро.
И груз доставит капитан,
Каким бы не был ураган.

Стихи, и повесть, и роман
Предложит всё команда вам,
А может маленький рассказ,
А в нём герой один из Вас.

Мы видим это удалость
Всё, что задумано сбылось.
И ежегодно альманах
Выходит в прозе и в стихах.

Живёт наш «Парус» десять лет
И каждый год выходит в свет,
И капитан на высоте,
Себе он верен и мечте.

МИЛЫЙ КРАЙ

Русь святая, милый край,
Ты - любимый сердцу рай.
Мне с ним очень повезло:
В крае том моё село.

Речка, лес, поля, луга,
Сено собрано в стога.
И на этой вот земле
Довелось родиться мне.

Бегал там я босиком
И питался молоком,
Выгонял в луга коров,
Знать не знал про докторов,

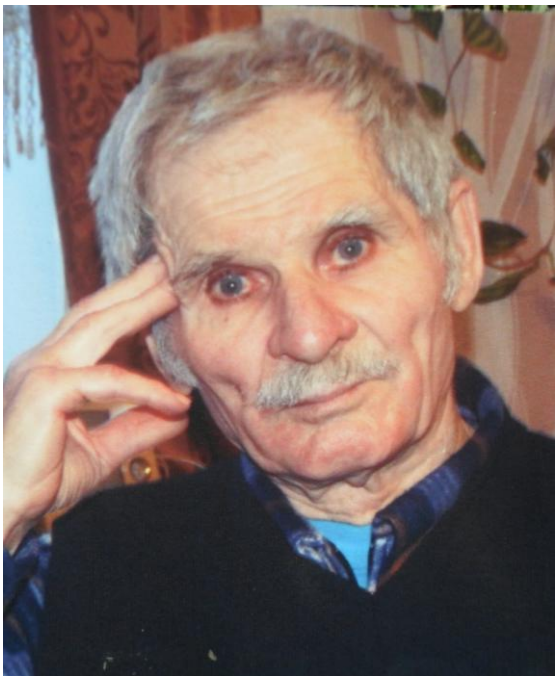
Рос, учился и шалил,
Карасей в пруду ловил,
Беззаботно, вроде, жил
И село своё любил.

Для меня моё село -
Во вселенную окно.
Там сбылась моя мечта,
И о ней поёт душа.

А о чувствах, что в груди,
Я теперь пишу стихи.
И в уютной тишине,
Отдохнуть даю себе.

18.02.2020

ВЛАДИМИР КОРНЮШ



Корнюш Владимир Валентинович родился на Брянщине. Юные годы прошли в Погарском районе Брянской области. Служил в армии. Офицер запаса. В настоящее время живёт в городе Сельцо.

Сотрудничал со многими периодическими изданиями, в т.ч. с брянскими областными еженедельниками «Брянский рабочий» и «Брянские факты». Работал в газетах «Вперёд», «Коммунист», был внештатным корреспондентом газет «Вологодский комсомолец», «Красный Север».

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

ПОЛЁТ СТРИЖА

1

Что нравилось жителям одного южного приморского городка рекомендовать приезжим в их город отдохнуть, так это посетить террасу на скале в конце одного из пляжей.

Эта скала с одной стороны была началом гряды обрывистых гор на берегу моря. Её выступ, с приютившейся на ней террасой, был схож с носом фрегата, который, бороздя моря, обошёл все возможные рифы, преодолев бури и шторма, приютился отдохнуть здесь на высоком берегу, чтобы с новыми силами, по первому велению капитана корабля уйти в море.

С другой стороны начинался плёс с золотистым песком, уходящий к набережной приморского городка. Внизу, у основания скалы, словно пьедестал для корабля, лежала черная гранитная плита, которая уходила в глубину моря. В тихую погоду она хорошо была видна сквозь небольшой слой воды. Но стоило морю разыграться штормом и тогда его отголоски доходили до этих гор. Возмущённое море гнало к подножию скалы волну за волной, с пеной бросая ввысь, то лаская твердь, то кусая. Разбившись об острый выступ, осевшая волна быстро уходила, завершив свой набег кас-

кадом искрящихся на солнце брызг. Умытая водой гранитная плита блестела в этот час своей таинственно-притягивающей чернотой.

С площадки наверху скалы насколько могли видеть глаза, виделось море: бурливо-грозное в непогоду, ласковое, когда было спокойно. От горизонта до горизонта, как огромное око, раскинуло оно свои просторы. Захватывающая воображение картина представлялась наблюдателям.

Многих привлекала эта терраса. И природа не ошиблась в своём подарке людям: и местные жители, и приезжающие на море отдохнуть приходили сюда полюбоваться морем, посмотреть на изменчивость его характера, встретить восход солнца или проводить удивительный его закат.

Но то, что произошло однажды поздней осенью, с разными интерпретациями может рассказать любой в городе. Однако не буду забегать вперед, лучше соблюдать последовательность.

Жаркие последние два месяца лета окончательно измучили меня. Я никогда не задумывался о жизни людей в жарких странах. Но бюро прогноза погоды каждый день вещало о температурных аномалиях. Создавалось такое впечатление, что одна из жарких стран сама пришла в гости и надолго.

Всё вокруг изнывало от жары. На работе люди не знали, куда деваться от духоты. Одежда, намокнув от пота, прилипала к телу. На улице от тёплой брусчатки потели ноги, пышущий жаром асфальт на дорогах перехватывал дыхание. Дома даже душ и ванна не спасали от ощущения разбитости и вялости, от непреходящей апатии.

Проснувшись утром в постели, которая от пота превращалась в дискомфортную мокрую тряпку и раздражала, невольно возникала мысль: «Эх, сейчас окунуться бы в морскую прохладу. А почему нет?!».

И мысли уже шли дальше, и понеслось.… Поняв, что подобное климатическое насилие природы не для меня, не откладывая на завтра, я позвонил брату Вадиму.

- Ну, что за вопросы? Буду рад.

Новый день встретил меня толпами людей на перроне вокзала и комфортной температурой приморского городка, где жил мой брат.

Не больше чем через полчаса после прихода моего поезда мы были уже дома у Вадима. Его семья была в отъезде, поэтому мы недолго раздумывали о том, что приготовить на завтрак. Нам достаточно было бутербродов с колбасой и сыром, накрыв их «горлодёром» - горчицей и хреном, и по чашке чая.

- Ну что, на море? - с убеждением в голосе, не сомневаясь, что я жду это предложение, спросил Вадим. Я с облегчением вздохнул, и мы вышли на улицу.

Уставший день клонился к вечеру. Пляж, на котором мы решили остановиться, был не то чтобы пустой, но людей отдыхало здесь немного. Вечер уже был полноправным хозяином, когда мы, успокоив душу и тело, насладились тёплой морской водой и собрались уходить. Солнце быстро катилось за горизонт.

Сделав несколько шагов, черпая в свои сандалии песок пляжа, я случайно бросил свой взгляд на вершину скалы. Брат заметил это и, сдерживая улыбку, во всяком случае, мне так показалось, спросил:

- Ну что, заглянем?

- А что, стоит? - проявив небольшой интерес, поинтересовался я.

- Может, и стоит, когда посмотришь кое-что. Последние слова он произнес с такой интонацией, словно за ними стояло какое-то важное событие.

Пройдя до конца пляжа, мы оказались у пологого склона скалы со стороны материка. По склону, обегая небольшие валуны и кустарники, уходя вверх, вилась тропа. Идя по тропе, я все размышлял, что стоит за словами брата, но не стал его расспрашивать.

На вершине скалы, куда мы поднялись, уже были двое: парень и девушка. Оба спортивного вида. Вадим поздоровался с ними, назвав их по именам.

Еще не понимая, зачем мы сюда пришли, я слегка толкнул брата и кивнул головой, намекая, что нам лучше уйти, чтобы не мешать.

– Они сейчас уйдут, - вполголоса сказал брат в ответ на мой знак.

И правда. Парень и девушка пристально вглядывались в море. И вдруг я вздрогнул от звонкого голоса девушки. «Леда!» - призывно позвала она кого-то, и они торопливо стали спускаться к мо-

рю. Я смотрел им вслед. Красивая пара. Только мне показалось, что у парня что-то неладное с рукой.

- Ты, что знаком с ними? - спросил я брата.

- Отчасти. Это Сергей и Инга Стрижовы, брат и сестра.

Несколько секунд мы молчали, потом Вадим сказал:

- Смотри вон туда вдоль скалистого берега».

Но до этого я успел заметить, как брат и сестра оказались у кромки воды. Сергей зашел в воду лишь по грудь, а Инга уплыла в море. Меня это удивило, но я промолчал. Я повернулся и стал смотреть туда, куда показывал Вадим.

С большой скоростью в нашу сторону мчались три большие рыбы - это были дельфины. Рассекая рябь моря, их плавники оставляли за собой серебристый след, напоминающий стропы парашюта. Напротив утёса, где мы стояли, дельфины встретились с Ингой. И вся «ватага» направилась к Сергею, который по-прежнему стоял на месте.

Нам с высоты хорошо было видно, что вытворяли дельфины. Писк, фонтаны воды от одиночных и синхронных полётов, плавание друг за дружкой, различные пируэты и глубокие ныряния. Не менее получаса длилось это зрелище, пока Инга, выйдя на берег, не принесла из-под скалы пакет с рыбой. Угостив дельфинов, девушка погладила одного из них, очевидно, вожака и указала рукой в морскую даль. Дельфины быстро уплыли. Ушли и Сергей с Ингой. Оставили и мы свой наблюдательный пост. Уходя, я ещё раз глянул вниз и подумал «Если отсюда упасть то…».

Солнце ушло за горизонт, и настала пора нам возвращаться в город.

В моей голове всё никак не могла сложиться цельная картина: «А что, собственно, это было?» Но я не стал докучать Вадиму, в надежде, что он расскажет сам.

Мы уже прошли пляж, когда брат, словно прочёл мои мысли и, нарушив затянувшееся молчание, вдруг сказал: «Этому есть продолжение, вернее было…».

- Каковы наши дальнейшие планы?- спросил я. Брат пожал плечами.

- Значит, самый раз заглянуть в какое-либо кафе. Посидим, расскажешь про это продолжение.

Но Вадим, не говоря ничего, поступил по-своему. Вместо кафе мы оказались у дверей здания, в котором находился бассейн спортивного клуба «Жемчужина».

Блондинка-администраторша, удостоив нас весьма внимательным взглядом, поздоровалась с Вадимом. По интонации её голоса я понял, что Вадим здесь свой человек

«Наверное, поэтому нас пропустили сюда без билетов», - подумал я. А дальше я вообще был озадачен, когда на двери, которую открывал мой брат, было написано: «Тренер по прыжкам в воду Солодин Олег Николаевич». В комнате, куда мы зашли, находился мужчина лет сорока. Мы обменялись рукопожатием. Его рука мне показалась жесткой. Он спросил у Вадима, когда приедет его семья.

- Дня через два, - ответил брат.

- Ну и хорошо.

- Олег, мы к тебе с одной просьбой, - сказал Вадим. - Брат заинтересовался случаем с Сергеем и Ингой. Может, поговорите?

Я заметил, как болезненно изменилось лицо тренера. Что могло скрываться за этим, можно было только догадываться. Олег явно колебался. Потом что-то решив для себя, он пригласил нас сесть.

- Ладно. Наверно, будет правильно написать об этом, - ответил Олег. И я понял, что он в курсе моей журналистской работы. Я посмотрел на Олега с повышенным интересом.

2

- В бассейн Сергея и Ингу привела их бабушка, когда они были еще детьми. Трагедия, случившаяся с их родителями во времена, когда многих лихорадила челночная эпопея по добыванию «шмоток», оставила детей сиротами. После неё забрала бабушка детей к себе в приморский городок, где жила.

Через два года занятий в малом бассейне Сергея забрал в свою группу Олег, а Ингу - тренер по плаванию. Вскоре оба стали заниматься по индивидуальным программам и в восемнадцать лет им уже покорились спортивные вершины страны. Все шло довольно спокойно. Впереди маячило большое спортивное будущее.

В один из дней бархатного сезона прошлого года море разразилось штормом. Двухметровые волны то и дело накрывали пляж.

Ещё стихия совсем не успокоилась, а Сергея и Ингу почему-то потянуло на пляж. Там, на берегу, они обнаружили выброшенного волной дельфина. Возможно, это было дело случая, а, может, и нет. Дельфин был ещё жив. Эта была самка. Брат и сестра помогли ей добраться до моря. Удивительно, но с тех пор началась их дружба.

У человека есть интуиция, а как понять, объяснить, вроде бы необъяснимое то, что каждый раз, когда Сергей и Инга приходили на утёс, приплывал и дельфин. Сначала она одна, потом втроём.

Тренер взял паузу, словно не хотел продолжать рассказ дальше. – «И это все?» - скользнула у меня в голове мысль лёгкого сожаления.

Потом Инга вышла замуж. Родилась дочь, но у девочки врачи обнаружили серьезный порок сердца. Мытарства по больницам не приносили результатов. Наконец была найдена частная больница, которая реально могла вылечить ребёнка, но нужны были деньги, большие деньги. Часть нужной суммы они успели собралть, и здесь пришёл вызов на операцию.

Никогда не забыть Олегу тот день, который чуть не расколол жизнь Сергея и семью Инги на осколки.

До захода солнца оставалось меньше полутора часов. Олег пришёл к самому началу тренировок, хотя обычно он приходил раньше. Сергея в бассейне не было. Такого, чтобы он опаздывал, с ним никогда не случалось. Олег ждал, но Сергей не приходил. Напряженное ожидание - беспокойство нарастало. И Олег отправился к Стрижовым.

Когда Сергей шёл на тренировку возле кафе «Ласточка», которое находилось на углу пересечения улиц «Большая фонтанка» и «Спортивная», его остановил мужчина. В серых брюках, в кроссовках, шнурки которых были завязаны в виде бантиков такого же цвета, как брюки, в куртке с расстегнутой до половины молнией, через разрез которой была видна сетчатая майка, а на голове бейсболка.

Мужчина был больше похож на распространителя купонов рекламы, чем на фоторепортера солидного зарубежного журнала, как он представился.

Сергею показалось, что он уже где-то видел этого человека. «Не он ли заглядывал в бассейн во время моих тренировок?»

- Я хочу обсудить с тобой одно моё маленькое предложение, которое касается тебя и Инги, - сказал мужчина.

Сергей нашел слова незнакомца слишком странными и был в некотором замешательстве. «Откуда он знает Ингу?» - подумал парень, но не стал спрашивать его об этом.

Как так получается, чтобы пересечь роковую черту своей судьбы надо встретиться именно с определенным человеком? Что или кто руководит нами в эти моменты?

Некоторое время Сергей колебался, но что-то заставило его в тот момент согласиться пойти в кафе с этим человеком. Они нашли укромный уголок, сели за столик.

Мужчина завёл разговор, но говорил витиевато, был сильно возбуждён. Не сразу, но Сергей всё же понял, о чём идёт речь.

То, что он предложил Сергею, было на грани фантастики.

- Этого не сможет сделать никто, - сказал Сергей. – Как только в голову приходит такое? Он поднялся, чтобы уйти, не собираясь дальше ничего обсуждать.

- Слушай. Стал бы я предлагать тебе, если бы не был уверен, что ты справишься с этим. Ну стал бы? Или что?

Губы мужчины изобразили некую улыбку.

- И еще: подумай о сестре и её маленькой дочке, - закончил мужчина.

При последних словах Сергей вздрогнул, было видно, как он изменился в лице. Мужчина напрягся в ожидании.

Прошло, несколько мгновений, и Сергей был уже спокоен. Еще некоторое время он молчал.

- Хорошо. Сделаем завтра, - спокойно сказал он.

Какой же это зов родной крови, какое понимание долга, ответственности за родных людей должно привести к принятию решения, согласиться на весьма опасное предложение мужчины.

- Нет, мы это сделаем сегодня, - твердо сказал мужчина. – Очевидно, боясь упустить удачу. – Вот одежда.

…Дверь тренеру открыла Инга. Взглянув на него, она сразу спросила:

- Олег Николаевич что-то случилось?

- Сергей дома?

- Нет, он ушел на тренировку.

- Я только что оттуда.

- Подождите, Олег Николаевич, - сказала Инга, и обратилась к мужу с просьбой: - «Побудешь с дочкой?».

Выйдя на улицу, они решили зайти в бассейн, но надежды не оправдались. Сергей так и не приходил сюда. Увидев их, администраторша стала оправдываться:

- Олег Николаевич, простите, но я забыла сказать, что перед первым вашим приходом, Сергея спрашивал тот мужчина с липкими глазами, с походкой пингвина и лицом похожим на тыкву.

Слова женщины послужили исходной для логических выводов. Если он, уйдя из дома, не пришел на тренировки, а его спрашивал этот тип, выходит, он где-то с ним, и что-то серьезное заставило Сергея сделать этот шаг. Но где они могут быть?

Оказавшись возле кафе «Ласточка» Олег резко затормозил. Что-то толкнуло его зайти в кафе.

Знакомый ему официант Николай сказал, что, действительно, Сергей и мужчина заходили в кафе, живо обсуждали один вопрос.

- Весь их разговор я не слышал. Да и говорил этот товарищ витиевато. Но то, что он упоминал площадку на утёсе, это точно, - рассказал Николай – И ещё речь шла о сегодняшнем вечере, - добавил он подумав.

Предчувствие непоправимого коснулось Олега и Инги. Они поняли всё. Но еще не хотели думать о том, что уже нельзя ничего исправить. На пляж, как можно быстрее туда. Надо успеть…

Дорогой Ингу все время знобило, она молила, чтобы ничего не случилось, но всё случившееся произошло вопреки её желанию.

На пляже недалеко от скалы на треноге стояла кинокамера. К ней прильнул фоторепортёр. В поднятой руке он держал флажок. Камера уже работала.

Сергей стоял на вершине скалы, глядя на небольшие волны, ласкающие берег. Он ждал.

Еще не осознавая, что происходит, стали подходить к мужчине с камерой отдыхающие, которые остались на вечерние купания.

Солнце уходило за горизонт. От него остался виден один краешек. Последняя солнечная дорожка прибежала к подножию скалы, озарив её. Пляж и всю окрестность залило удивительным светом.

Еще издали Инга закричала:

- Стойте! - Олег метнулся к тропе, ведущей на вершину скалы.

- Черт побери! - выругался репортер. – Об этом я не подумал.

От бессилия, что не в силах помочь брату, острая боль сжала тисками сердце Инги. Из её груди вырвался пронзительный крик.

-Леда! - Пронеслось над пляжем и эхом ушло по волнам в море. Началось замешательство среди уже собравшейся толпы.

Сергей обернулся. Репортер взмахнул флажком.

Сделав сальто, Сергей полетел вниз. В черно-белой футболке и такого же цвета шортах, прижав руки к туловищу, он как стриж в пике, за несколько секунд мелькнув в воздухе, коснулся воды, успев в последний миг вытянуть руки вперед.

Это был его коронный прыжок, впечатляюще-захватывающий души собравшихся своей красотой, но по логике безрассудный, безнадёжный был этот полёт. Слой воды в четыре фута и две минуты, чтобы продержаться человеку с травмами под водой не давали шансов на спасение.

Толпа ахнув, оцепенела. Камера перестала работать. Наступила тишина.

Инга опустилась на колени, очевидно, мышцы ног у неё обмякли, и она полусев-полуупав оперлась руками на песок. Наверно, она чувствовала себя человеком, который бросился спасать утопающего, но которому самому нужна помощь. Взбежав на вершину скалы, Олег понял, что он опаздал. На площадке лежала только одежда Сергея.

В сгущающихся сумерках, которые стали окутывать пляж, накатившая морская волна, уйдя, оставила на песке двоих: Сергея и дельфина спасшего ему жизнь. Город уже зажёг огни, собираясь погрузиться в вечернюю дремоту.

Уезжая из города, я заглянул на пляж. На площадке утеса были Сергей и Инга с мужем и дочкой.

Значит, все живы. Остальное всё наладится.

ДВЕ ВЕХИ ЖИЗНИ

Рабочий день, как обычный день в штатном режиме производства. Таких у Виктора Лагунова, сталевара электропечи, теперь уж трудно сосчитать. Ходишь около печи, словно возле любимой

девушки: то разные добавки вовремя надо в расплавленный металл отдать, чтобы сталь качественной была, то температуру готовой к выпуску стали не упустить, то шлаковую накипь со стали снять. Лагунов вытер с лица пот, глубоко вздохнул. Отдал подручному лопату.

- Марганец подай в печь. Скоро плавка, - коротко сказал сталевар ему, а сам направился выпить стакан газированной воды. У автомата с газированной водой стоял я с напарником, подручным сталевара мартеновской печи Степаном.

- Что, жарко, дядя Витя? Небось, кавалера «трёх степеней Славы» легче было получить? – сказал, улыбаясь, Степан.

Я дернул Степана за руку: «Ты что сам от жары того?..». Лагунов посмотрел на Степана.

- Еще бы. Легче, чем тебе стакан простой воды выпить. Но вообще-то, друг, тема не для таких вот шуток.

Степан спохватился, что пошутил по-дурацки с фронтовиком.

- Ты, дядя Витя, извини, виноват, не подумал, - решив исправить свою неуместную выходку, сказал Степан.

Выпив воды, Лагунов вернулся на своё рабочее место. Через глазок заглянул в электропечь. «Через полчаса надо измерять температуру стали, потом выпуск плавки», - решил он. Есть несколько минут, чтобы передохнуть, но слова подручного невольно всколыхнули в памяти тяжёлое прошлое.

Глядя на этого парня лет двадцати пяти, Лагунов подумал: «А что, собственно, у него было в такие годы?» И нахлынули воспоминания… «За что он тогда получил свой первый орден?»

Нет, пожалуй, в то время он был моложе Степана. Тогда ему казалось, что они бесконечно долго находятся на этом клочке земли, на перекрёстке дорог, откуда до деревни чуть больше километра. Как называется эта деревня, и то толком не знаешь. А прошли всего лишь неполные сутки. Грязный бинт, наскоро перевязавший след от скользнувшей по голове пули, сползал, мешал следить за атакующим врагом. В зелёных шинелях они лежали от деревни в нескольких десятках метрах. Одни легли, чтобы уже не подняться больше никогда. А другие, живые, вновь готовятся к атаке. И так волна за волной из цепи солдат. Что-то их нет. Пора бы. Или готовят что? И фашисты, словно подслушав мысли Лагу-

нова, не заставили себя ждать. Из-за горизонта выползла самоходка, за ней двигалась цепь автоматчиков. Орудие самоходки с ходу ударило по ячейке Лагунова. На правом фланге сначала строчкой прошелся пулемёт, потом, взахлёб. Значит, там тоже атакуют. А левый фланг молчит. Неужели из строя вывели гранатометчика? Там тоже слышны разрывы снярядов. А враг уже на расстоянии выстрела. Ну, Лагунов, теперь тебе не до размышлений.

Пора! Ствол описал дугу, короткая очередь прошла по цепи атакующих, Лагунов прилип к пулемёту. Не отвлекаться ни на что, только, как на учении - держать на прицеле мишени. Но здесь они были живые, запрокидываясь, падали, бежали и, не добежав, падали замертво. Тяжело это осознавать, но истина проста: или ты, или тебя. В последний момент, когда самоходка подошла на расстояние броска гранаты, Лагунов бросил гранату под гусеницы. Рядом рвануло, разорвался снаряд. Наверно, ещё одна самоходка.

Подобрали Лагунова шедшие в контратаку наши бойцы, которые пришли на выручку. В листе на награждение сержанта Орденом «Славы 111 степени» за тот бой говорится: «В течение суток противник бросал силы пехоты, проводил десятки яростных атак, но расчёт Лагунова с успехом отражал все атаки врага. Одно из самоходных орудий врага вывело пулеметный расчёт из строя, в живых остался только Лагунов…».

А впереди были ещё более тяжёлые бои. В сражении на Курской дуге его расчёт уничтожил более десяти танков противника, и сержант был представлен к Ордену «Славы 11 степени». А при штурме Берлина командир орудия сержант Лагунов был отмечен Орденом «Славы 1 степени».

МАЛИНА

Этот курьезный случай произошел во время Великой Отечественной войны.

На одном из участков Центрального фронта там, где находился отдельный полк, в состав, которого входила рота крупнокалиберных пулемётов под командованием капитана Лебедева, предстояло наступление.

Вечером командир полка провёл с командирами батальонов рекогносцировку местности предстоящего наступления. После то-

го, как были поставлены задачи командирам батальонов, он обратился к Лебедеву: «От поддержки вашей роты наступающим батальонам будет зависеть многое», - подчеркнул он.

Утром, незадолго до наступления, прервалась телефонная связь роты с командным пунктом батальонов, которым предстояло наступление. Лебедев нервничал. С посыльными не скорректируешь ведения огня. А здесь ещё связь и так, как говорится, держится на честном слове: провода, где на ветках кустов висят, а где и вовсе на земле лежат. Положение ещё больше усугубил начавшийся минометный огонь со стороны фашистов. Те, то ли что-то узнали про предстоящее наступление русских, то ли для перестраховки начали обстреливать передовую нашей обороны.

Хорошо, что связисты рядом. Лебедев отдал команду подвернувшемуся под руку связисту: «Быстро восстановить связь!» Молодой солдат, недавно прибывший из пополнения, опрометью бросился вдоль линии связи.

Прошло не меньше получаса томительных ожиданий. Связи нет, солдат не вернулся. Капитан резко выругался: «Вот, салага, ушёл с одним ножом, винтовку оставил».

Лебедев понимал, что, когда прекратится обстрел немцами передовой, начнётся наше наступление. Не будет телефонной связи с командным пунктом наступающих наших подразделений, не будет им и поддержки огнем его роты.

Видя, что ситуация сложившаяся со связью может обернуться катастрофой, капитан отдал приказ сержанту Ивлеву: «Давай узнай, что там за причина, и чтоб связь была восстановлена».

А солнце, выкатившееся из-за горизонта, хотя ещё и не грело в полную силу, но было очевидно, что день будет солнечным, жарким. Сизая пелена утреннего, медленно клубящегося тумана, до этого висевшего повсюду, теперь сползла в низину, которая разделяла боевые позиции.

По её правому склону тянулись тонкие провода телефонной связи, упираясь в густой малинник. К нему и подошёл Ивлев.

Поднявшись еще выше, солнце уже щедро раздавало свое тепло. Скоро станет жарко в этом малиннике, да и начнётся наступление наших. «Надо спешить!» - подумал сержант.

Чуть углубясь в кусты малины, Ивлев оказался в «плену» крупных, сочных, манящих своим запахом ягод, обильно свисаю-

щих с веток. Среди этого благоуханья и нашёл сержант своего сослуживца.

Тот стоял, как вкопанный: в руке нож, по лицу пот течёт, глаза большие, округлившиеся. На все попытки узнать, что случилось, тот только указывал рукой вперёд. Приглядевшись в ту сторону, куда показывал связист, сержант увидел стоящего прямо на проводах медведя. Тот, не обращая внимания на бойцов, огребая лапами ягоды малины, с наслаждением отправлял их в рот. Ивлев схватился за винтовку, щёлкнул затвор. Но тут, же сержант понял: с первого выстрела можно и не убить зверя, а раненый медведь страшен в ярости. Да и шум выстрела может привлечь внимание немцев. А связь нужна. Кричать неразумно. Ну и ситуация! Но Ивлева выручила русская смекалка.

Провожая на фронт, молодая жена сержанта (они незадолго до войны поженились) дала своему мужу маленькое круглое зеркальце, с тыльной стороны которого была приклеена ее фотография. «Пусть это зеркальце и моя фотография берегут тебя, как и моя любовь», - напутствовала она. Этот талисман Ивлев носил в левом кармане гимнастёрки. Держа винтовку в одной руке, другой рукой сержант достал зеркальце, подставил лучам солнца, которое уже грело во всю мощь.

Яркий свет ударил в глаза медведю. Почему-то медведи очень боятся солнечных зайчиков. Косолапый, приостановив своё занятие, стал мотать головой, тереть лапой глаза. Но солнечный зайчик по-прежнему назойливо светил в глаза зверю, не давая тому покоя. Медведь стал пятиться, а затем и вовсе ретировался.

Быстро восстановив связь, связисты вернулись назад. На расспросы капитана Лебедева, что случилось, Ивлев как-то скомканно ответил:

- Был обрыв проводов.

Полк ушёл в наступление, связисты потянули провода связи дальше. И только после завершившейся наступательной баталии сержант Ивлев с неохотой рассказал капитану Лебедеву о случившемся курьёзе в малиннике.

АЛЬБЕРТ ЛЕВА

Лева Альберт Александрович родился в 1963 году в г. Муром Владимирской области. Более двадцати лет работал актёром-кукловодом в театре кукол.

Стихи пишет с 1997 года. Печатался в изданиях г. Муром, в поэтических сборниках «Муромские родники», в областной газете «Голос писателя», сборниках поэтов ВОС г. Владимира. Опубликован в сборнике «Ока литературная». На фестивале в г. Выкса занял второе место.

С 2013 года живет в г. Сельцо. Публиковался в газете «Сельцовский вестник», в альманахе «Белые паруса».

НИКТО НЕ ВЕРИТ

Жестокость слов, неясность обвиненья
Сорвались с губ наивной простотой.
Явь затаилась в грустном сновиденье.
Живёт она на дне души чужой.

Никто не верит в хрупкую надежду,
Сияющую нежной красотой,
Когда ты сам окажешься невеждой,
Останешься со скукой и бедой.

Зачем же верить силе судьбоносной,
И помнить свои детские мечты?
Быть может, чтоб забыть свою несносность,
Стирая между строк её следы.

Несёшь цветы, сжимая их в объятьях,
Несёшь любимой, обходя друзей.
До мелочей ты помнишь её платье.
Ах, как поверить в доброту затей!

Затеи явь в бредовом сновиденье,
Слеза, вливаясь в душеньку дождём,
Не верует в возможность примиренья,
Мечтая постоянно лишь о нём.

От облаков не ждёшь ты возвращенья,
Нет постоянства, верности у них.
Так с ними улетает и прощенье,
Строкой срываясь, не ложится в стих.

Прильнув, лишь к прозе тайным возбужденьем,
Не хочет помнить лживых фраз и слов.
В своих глазах зажав остаток зренья,
Вслед не идти за грязною молвой.

Касаясь чуть ослабленного слуха,
Без спроса, с дуновеньем ветерка,
Влезает в душу, там теперь разруха,
Хоть ты её не примешь никогда.

Гони ты прочь все вздорные печали,
Пока не ждёт вселенную закат.
Не перейди сплошную магистрали,
Поверь душой в её надёжный взгляд.

ИДЁТ ВЕСНА

Уже не пляшет белая метель,
В колючем танце вихря-снегопада.
Звенит капелью молодой апрель,
Запрятав под ресницы нежность взгляда.

Роняет капли звонкого дождя,
Вздыхает с ветром аромат весенний,
А уходить придётся, уходя -
Тепло подарит маю вдохновенье.

Потоком сбросит талые снега,
Осушит крыши, ветром прикасаясь.
Воды добавит в реки он слегка,
Кораблики, как в детстве, попускает.

По слякоти растаявших дорог,
Умчится в мыслях в юное – былое.
Где был мороз, теперь он занемог,
Идут дожди и времечко иное!

В далёком детстве старая сосна,
Под снегом согревала свои щёки.
Теперь проснулась – стало не до сна,
Пора погреть под солнцем свои ноги.

С замёрзших окон с натиском тепла,
Стирались серебристые цветочки.
Узоры плакали, сбегая со стекла,
В душе храня морозные денёчки.

* * *

Что искрами металась по снегам,
Под лапами скрываясь пышной ели,
Включая огоньки и тут, и там,
Из красочно-красивой акварели.

Горят глазёнки у любви моей,
Улыбку озорную излучая,
Приятный взгляд красой своих очей,
Тепло мечты таинственной встречают.

Ну, а зима колючую метель
Укладывает спать тайком под вечер,
Зелёную готовя колыбель,
На небе зажигая звёзды-свечи.

В КУЛАК СЖИМАЯ ТВЕРДЬ

Сгорев, упала красная ракета.
Боец, устав, свалился на траву.
Он не дожил чуть-чуть лишь до рассвета -
Накрыло взрывом страшным наяву.

В последний раз с тоской взглянул на небо
В последний раз увидел облака,
Плывущие над ним куда-то в небыль,
Как жаль, что жизнь безмерно коротка!

Он с болью в сердце в землю лёг сырую,
В руках сжимая золото берёз.
Припал к листве с прощальным поцелуем,
Дожди рыдали не жалея слёз.

Судьбой скорбящей пройдена дорога,
Сквозь ласку довоенной красоты,
Война жестоко подвела итоги:
Не воплощёнными остались все мечты.

Придёт весна, как солнце утром в мае.
Друзья пройдут победоносный марш.
И жизнь придёт, рассветам играя,
И в небо взмоет МИГ – из стали страж.

Пройдут года. И в рощу к обелиску
Сын подойдёт, не сможет слёз стерпеть.
Поклонится ему и всем, кто в списке,
За подвиг их, что победили смерть!

СУМЕРКИ

Сумерки спустились на деревню,
Торопясь спешит на землю ночь,
Свет луны загадочный и древний,
Прогоняет день усталый прочь.

Тихий ветер лёгкою прохладой,
Освежил листочки на ветвях.
Он всему живому был отрадой,
Гордый лик души притих в мечтах.

Вдруг в глазах всё стало посеревшим.
Потерял закат огонь лучей,
Солнце за чертой – костёр сгоревший,
Прячет под ресницы свет очей.

Блеск в лугах, то след луны алмазной,
Хранит в себе он таинство росы,
Которая рассыпалась соблазном,
Как белый бисер, капелька слезы.

Вьётся змейкой в травах говорливо,
Вдаль бежит мерцающий родник.
Под луной глазастой, вот так диво,
Приняла ромашка нежный лик.

Сумрак на лицо спустился нежный,
О любви случайно говоря,
Ночь в меня покой вдохнула прежний,
Красотой влечёт, в мечту маня.

МНЕ СНИТСЯ

Мне снится над границею туман,
Хрустальные, мерцающие росы.
Солдат смывает кровь с открытых ран,
Стирая с глаз рукой дрожащей слёзы.

Стирает с глаз видения дорог,
Покрытых фронтовой, все сущей пылью,
Зажатых в неизбежности тревог,
Что стали явью, горькой правдой – былью.

Я отвожу уже уставший взгляд,
От взрывов, от стрельбы, от канонады,
И кровоточит раненый закат,
Под шум зарниц, вдали за баррикадой.

Мне снятся вновь минувшие года
В походной форме чёрной лихолетья,
С отметиной войны – её следа,
В военных преступлениях столетья.

Мне снятся вновь нестройные ряды
Скорбящих по погибшим ветеранов.
На обелиске капельки воды,
Как кровь струятся из открытой раны!

ПОД ДОЖДЯМИ ОКТЯБРЯ

Закружила белая позёмка.
Жёлтый лист, упавший вечерком,
Что держался на ветвях так долго,
Не желал покинуть отчий дом.

Ветерок терзает гусли снова,
Грустью мелодичною звучит,
Отгоняя ласковое слово,
И стирая бывшей сказки быт.

Выдул, заморозил стылым вздохом,
Ледяным порывом сквозняка.
Колею приветливо дорога,
Обняла морозами слегка.

Опустели, наземь пали кроны,
Под дождём поникли октября.
Над дубравой кружатся вороны,
Кличут беды горькие с утра.

За окошком хмурое предзимье,
Запотело от тепла стекло.
Завладело страшное унынье,
Захватило сердце в плен моё.

Закружила снежная позёмка,
Мусор лета, пряча под сугроб,
Наметая за пригорком кромку,
Не замёрз осенний листик чтоб.

ТОПЧА ЖИВЫЕ СНЫ

В предутреннюю дымку осторожно,
Не хлопнув дверью, чуть сдержав её,
Уходишь ты, в окно взглянув тревожно,
Крадя тайком, желание моё.

Тайком уносишь всё, что с нами было:
Невинных губ счастливый поцелуй,
В себе, чему-то улыбнувшись мило,
Ушла с дождём, в теченье свежих струй.

Смывает дождь с лица печать удачи,
С окна виденья мутные свои,
Чтоб никогда, никто не видел плача
Печальной, недоверчивой любви.

Забыты дня прошедшего мгновенья,
Киванье настороженной листвы,
В потоке листопада невезенье.
Уходишь ты, топча живые сны.

ЗАКАТ-БРОДЯГА

Закат глядел в окошко нагловато,
За ним пытаясь, что-то рассмотреть,
Глаза прищурил этак хитровато
И вглядывался в тюлевую сеть.

За шторой силуэт мелькнул нечёткий.
Закат притих за тенью облаков.
Хотел узнать, чей голос слышал робкий.
Он напевал, словно в саду богов.

Взирая на желанное сквозь щёлку,
Во все глаза таращился в окно.
Рукой взмахнув, пытаясь снять футболку,
Задумалась девчонка о своём.

Лицо прикрыв, невольно, от стесненья,
Вдруг, ощутила наблюденья взгляд,
Задёрнув штору, отвела влеченье.
Угас багровый вскорости закат.

Ночь поглотила безразличным мраком
Округу всю, свет потушив в окне.
Ушёл в небытие закат-бродяга.
Девчонка утонула в сладком сне.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

Лесков Николай Васильевич родился в 1968 году в д. Лапино на Брянщине. В 1983 году семья переехала в п. Сельцо. Учился в Киевском строительном училище. Служил в Советской Армии. Воин – интернационалист. Участвовал в боевых операциях. Награждён медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», медалью Республики Афганистан «Солдатская слава».

С 1990 по 2013 год проживал в г. Омске. Член Российского Союза ветеранов Афганистана, Всероссийской организации «Боевое братство». С 2013 г. живёт в г. Сельцо. Публиковался в газете «Сельцовский вестник», в альманахе «Белые паруса».

У ОБЕЛИСКА

Стою у обелиска,
Читаю имена –
По двадцать лет им было,
Но грянула война.

И как один поднялись…
Винтовка на троих.
Из тысяч оставались
Десятки лишь в живых.

И вот их единицы,
Солдат той мировой…
Но в строй все снова встанут
Весеннею порой.

Воскреснут в День Победы -
Их память оживит.
Я деда пусть не вижу,
Но рядом он стоит.

Дошёл он до Берлина,
Весь в ранах, но живой…
Я верю, в День Победы
Он снова станет в строй!

Коль память с верой живы
И ветеранов чтут,
Стране жить только в мире -
Враги здесь не пройдут.

ОКОЛИЦЫ ДУШИ

Доведу себя вновь до бессонницы,
Напишу я стихи и прочту,
Прогуляюсь в душе за околицу,
Где оставил я детства мечту.

Вы, околицы русские дальние,
Вы в глубинке - нетронутый рай.
Ухожу на просторы бескрайние,
Задержи, боже, миг этот, дай.

Дай послушать мне травы росистые,
И как дышит в стогах сенокос.
Звёзды в небе такие лучистые,
Как же быстро из детства я взрос!

Я уйду на поляны широкие,
Разведу свой костёр до небес.
Искры – годы мои недалёкие,
Друг мой старый, таинственный лес.

На Загаичах озеро мелкое,
Но в нём бездна надежд и любви.
Улетали по осени в вечное
Годы, словно на юг журавли.

СЧАСТЬЕ

- Что такое счастье? –
Я спросил у Бога.
- Счастье, - он ответил,
- Это, сын, дорога.

Есть дорога правды,
Есть дорога лжи…
Каждый выбирает
То, что для души.

Есть дорога смерти,
Жизни вечной есть.
Знай, прощенье лечит,
Убивает - месть.

Зависть травит душу,
А добро вернётся.
Верь в себя, как в Бога,
Счастье отзовётся.

БЕССОННИЦА

Ты, бессонница, брось,
Ты отстань от меня.
Провалиться б мне в ночь
И проспать бы до дня.

Мне бы просто уснуть,
Досмотреть мои сны,
 Не кошмары совсем,
А поля и цветы,

Не кровавые горы
И не стоны друзей -
Я хочу видеть Питер,
Город белых ночей.

Пусть приснятся Карпаты
И Сибирь, и Урал.
Я хочу видеть Альпы.
Ведь я там не бывал.

Я хочу видеть рощи,
По тайге бы пройтись.
Ты, бессонница, в общем,
От меня отступись.

Ты уйди в край другой
И отдай мои сны.
Мне не нужен покой,
Я прошу лишь весны.

Мне бы в Брянскую глушь,
Там деревня моя.
Там и мама, отец,
Что вскормили меня,

Там смола на сосне
И родные закаты.
Мне хотя бы во сне,
Видеть Лапино хаты.

Закрываю глаза,
Но опять эти горы.
Прочь, бессонница зла,
Ты отдай мне просторы.

Мне вернуться бы вновь
В мой родной Стюденец…
Вот уж солнце встаёт.
Меня будит отец.

ПО ГЛАЗАМ ЧИТАЮ МЫСЛИ

По глазам читаю мысли
И душою вижу я:
Нет мне преданней собаки,
И вернее нет коня.

Я по жизни не охотник –
Дичь и я – одной крови.
Может быть, я просто дворник,
Заметаю лишь грехи.

На войне хлебнул я вдоволь:
И врага я убивал,
Только вот, поверьте, в лошадь
Никогда я не стрелял.

Сам конём я был в те годы
И летел, рвал удила,
По-над пропастью играя.
Я судьбе был мил всегда.

Всадник был не моей воли,
Шпоры вдавливал в бока,
Подставлял меня под пули,
Загоняя рысака.

* * *

Поверьте, что ничто не умирает:
И лист опавший станет вновь травой,
А вечные снега, они ведь тоже тают
И с гор летят стремительной рекой,
Чтоб, испарившись, вновь подняться в небо,
А там найти вершину и осесть.
И всё-таки мне кажется порою,
Конец концу когда-то, где-то есть.

ВСЁ ИДЁТ ПО КРУГУ

Всё идёт по кругу,
За весною – лето.
Я тебя, такую,
Видел уже где-то.

Ты в толпе мелькнула,
Улыбнулась мило.
Где, когда, - не помню,
Только знаю – было.

Много лет минуло.
Ждал я долго встречи.
И как в небе звёзды,
Зажигаю свечи.

Всё идёт по кругу,
За весною – лето.
Я тебя, такую,
Видел уже где-то.

СЕРДЦЕ ЗАЩЕМИЛО

Сердце защемило –
К Брянску подъезжаю.
Мне в Сибири мило,
Здесь в душе рыдаю.

В Брянске я проездом.
Поклонюсь с порога
И уйду обратно.
Жизнь моя – дорога.

Снова не заеду
Я в деревню к тёте.
Может быть, по лету -
Как вы там живёте?

Слышал, что пригорки,
Заросли травою.
Помню, как на лыжах,
Я гонял зимою.

Фермы покосились,
И конюшни нету.
Подковы сносились -
Бегаю по свету.

Людям я не чуждый,
Но узды не знаю.
И аркан на шее
В клочья разрываю.

ДУША ПОЭТА

Душа поэта нараспашку,
На ней и кожи вовсе нет.
Из боли сшитую рубашку
Он носит, не считая лет.

Юнцом любовь переживая,
Он стих свой сложит второпях.
Во сне желанную лобзая,
Он будет петь о небесах.

Но годы канули младые,
Она – с другим, а он – один.
Его любовь – мечты пустые,
Зато он Богом был любим.

Вот так, отвергнутый любимой,
Он стал про Русь родную петь.
Любовью к Родине томимый,
Воскрес поэт и стал гореть.

Как сын, он был любимый Богом
И сам Иисус его крестил.
В небесном храме, ставшем домом,
Он палачей своих простил.

ПРОСТИ, АФГАН

Прости, прости, седой Афган,
Прости меня и всех друзей,
Прости за пепел кишлаков
И искалеченных детей.

Прости ты нас и отпусти.
Мы не желали тебе зла.
Мы сами - жертвы той войны,
С душою выжженной дотла.

Мы сами - дети той войны,
От ран кричим и умираем.
В последний путь мы каждый день,
Друг друга молча провожаем.

Проклятье послано тобой,
Но мы тебя не осуждаем.
С годами стал, как брат родной,
С тобой одно мы горе знаем.

Да, мы ушли, но мира нет
В твоих горах и наших душах.
Друзья и память навсегда,
Как шрамы, скалы Гиндукуша.

ПЁТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ

Любестовский Пётр Петрович - прозаик, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор десяти сборников повестей и рассказов. Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов.

Его литература не о красивой жизни, не отсылает в параллельные миры. Она о ценностях, которые и так всем известны, но которым мы, порой, не придаём большого значения. В реалистических произведениях создаёт свой особый мир, мир не ожесточившихся людей, где нет Бога, а мир любви, милосердия и справедливости. Это истинные ценности, которые, на его взгляд, спасут мир.

НЕЗАБУДКА

Светлой памяти
моей незабвенной Майи

В молодые годы меня, как магнитом, тянуло на малую родину. Будучи уже городским человеком, я старался не пропустить ни один выходной, чтобы не заглянуть в своё Заречье, не повидать родителей, друзей, не побродить по тропкам детства.

В ту пору Заречье было большим селом и очень живописным. На две части его разделял глубокий овраг, по обе стороны которого в густых садах прятались деревенские хаты. Внизу под обрывом, петляя среди кустов, тихо несла свои воды речушка Аксинка. А вдали на взгорье, словно защищая село, тянулись к небу величавые деревья, преимущественно липы и тополя с серебристой листвой. Старожилы села рассказывали, что до революции эти земли принадлежали помещице, и здесь был красивый парк. Вековые деревья – всё, что осталось от бывшей дворянской усадьбы.

Особенно мне нравилось проводить в селе праздники, главным из которых был День Победы. В этот волнующий весенний праздник наша большая семья собиралась за длинным деревенским

столом. Мы поздравляли отца-фронтовика, слушали его рассказы о нелёгких военных путях-дорогах, о друзьях-однополчанах, сложивших свои головы на полях сражений. А потом пели: «Катюшу», «Журавли», «На Безымянной высоте», «Синий платочек», «Тёмную ночь». Я замечал, как у моего отца, инвалида войны, кавалера двух боевых орденов, на глаза накатывались слёзы и падали на белую скатерть…

Однажды я приехал в село накануне праздника Победы и решил сходить на утреннюю зорьку порыбачить, чтобы приготовить уху к праздничному столу.

Я встал ни свет ни заря, но пока возился с нехитрыми снастями, за окном стало светать. Когда вышел из дому, зеленоватая полоска на востоке уже розовела. Рассветный ветерок пахнул в лицо прохладой, росистой свежестью и донёс из сада волнующий запах влажной мяты. Майское утро было подёрнуто лёгкой дымкой, а в низине над рекой клубился густой туман.

Я живо пробрался к реке и направился к небольшой заводи, которую облюбовал ещё с детства. И тут с удивлением заметил, что на бережку, под кустом уже устроился рыбак. Подойдя поближе, узнал в нём деда Душку, как его прозвали односельчане. В селе знали и уважали старика. Григорий Семёнович Гуров, как и мой отец, был фронтовиком, имел боевые награды, а после войны работал в сельсовете.

- Доброе утро, Григорий Семёнович, - поприветствовал я старика. - С наступающим праздником Победы! Здоровья вам на долгие годы!

Дед Душка слегка крёхнул, привстал, протянул мне руку и сказал:

- Спасибо на добром слове, сынок! И тебя поздравляю с Великим всенародным праздником Победы!…

Я собрался пройти дальше, но старик остановил меня.

- Присаживайся рядом. Вместе веселее будет. Давай закурим, согреемся малость.

Я угостил деда сигаретой, подготовил удилище, достал наживку, надел на крючок и закинул удочку под соседний куст. Сел рядом с дедом на берег, поросший ярко-зелёной травой, закурил, искоса поглядывая на старика.

Старик был среднего роста, статен, широк в плечах. Лицо смугловатое моложавое, добродушное. Глаза мудрые, с затаённой грустью. Густые, совершенно седые волосы выбивались из-под тёмной вязаной шапки. Голос мягкий, приятный. Весь вид старика располагал к себе. И я подумал, что, видимо, поэтому и прозвали его в селе Душкой.

Мы сидели, курили, иногда перебрасывались несколькими словами. Дед рассказывал о реке, которая в лихие годы спасала людей от голода - рыбы было полно. «А теперь изобрели варварские способы, как её добыть без труда. Вот и перевелась рыбка», - заключил дед.

Солнце уже выглядывало из-за дальней кромки леса на горизонте. А вскоре показалось целиком и озарило ярким светом противоположный берег. И тут мне бросилась в глаза поляна меж кустов, густо покрытая голубыми цветами.

- Какая красота! Радует глаз! - восторженно сказал я старику, указывая рукой на другой берег. – Словно кусочек неба упал на поляну. Так бы и любовался этой чудесной картиной природы…

- Это незабудки, весенние красавицы, - пояснил старик, и его глаза вспыхнули каким-то ласковым, нежным светом. – Ранней весной они зацветают в эту пору. Благородные цветы с лепестками цвета неба и с солнечной сердцевиной. И пахнут они тонко, нежно. Разновидностей их много. В народе этот цветок называют горлянкой, пригожницей. О нём много легенд сложено, и все они о верности и доброй памяти. По одной из легенд, богиня растительного мира Флора не заметила маленький голубой цветок и забыла дать ему имя. Незамеченный цветок испугался и стал тихо повторять: «Не забудь меня!» Услышав это, Флора улыбнулась и дала ему имя – Незабудка. С того времени люди стали верить, что эти маленькие нежные цветы имеют возможность возвращать забытые воспоминания…

Я с нескрываемым удивлением посмотрел на старика.

- Дед Гриша, откуда такие познания о растительном мире?

Дед слегка улыбнулся и сказал:

- С эти цветком связано самое важное в моей жизни…

- Это любопытно, - сказал я и приготовился слушать.

Но старик не спешил открывать душу. Он закурил, глубоко задумался.

- Клюёт, - негромко крикнул я, увидев, что поплавок дедовой удочки резко ушёл под воду. Взглянув в сторону своего удилища, заметил, что и мой поплавок задёргался. Мы подсекли почти одновременно и вытащили на берег полосатых окуньков, размером с ладонь. Живо сняв их с крючка, нацепили наживку и вновь забросили удочки. И почти сразу поплавки ушли под воду. Такой отменный клёв продолжался примерно четверть часа. За это время мы успели вытащить по полтора десятка окуней. А потом - как отрезало…

- Так чем же вам памятны цветы незабудки? – не выдержал я, напомнив старику наш прерванный разговор.

- Ну, коль ты заинтересовался, придётся рассказать, - вздохнул старик, и, мне показалось, что голос его слегка дрогнул…

- Детство моё прошло в соседней деревне Любовке, - немного успокоившись, начал свою историю дед Гриша. – Там окончил начальную школу, а потом пошёл в среднюю Зареченскую школу. Где-то в классе восьмом я впервые обратил внимание на бойкую курносую девчушку с красивыми косичками и какими-то бездонными глазами цвета вешней воды. Я потерял покой. Сам себе удивлялся, как я раньше не замечал Нину Ганину, ведь учились в одном классе. А теперь боялся даже глаза на неё поднять, а при встрече с ней терял дар речи. Робость моя усиливалась ещё и тем, что её мать была учительницей, а отец - председателем колхоза. А мои родители - простые крестьяне. Но однажды я набрался храбрости и решился заявить о себе. Тёплым весенним вечером я отправился в Заречье, чтобы увидеть Нину. По пути собрал на поляне букетик голубеньких цветов, от которых исходил нежный аромат. Я не знал тогда, как они называются, но цветы показались мне похожими на Нинины глаза. Я долго крутился возле дома Нины, но так и не встретил её. А когда стемнело, пробрался в палисадник, кинул букетик в окно задней комнаты и бросился наутёк.

Утром, придя в школу, заметил, что Нина с каким-то интересом рассматривает меня. Мне показалось, что она хотела подойти и что-то сказать мне, но так и не решилась. Я понял, что привлёк её внимание и стал изредка вечерами проделывать тот же фокус – бросать в Нинино окно букетики голубых цветов. И однажды был пойман с поличным. Когда я в очередной раз пробрался в её палисадник и нацелился бросить цветы в окно, оно резко распахнулось. В окне стояла Нина и улыбалась мягкой улыбкой.

- Ах, вот кто мой тайный поклонник, - тихонько молвила она. – А я-то гадаю… Подожди меня у околицы. Я сейчас выйду.

Я ни жив ни мёртв выбрался из палисадника и направился в сторону околицы. Нина догнала меня, улыбнулась и сказала:

- Теперь можешь лично вручить мне цветы.

Ни слова не говоря, я протянул Нине свой скромный букетик. Она уткнулась в него лицом, вдохнула в себя тонкий аромат полевых цветов.

- Как же они скромны и нежны! А ты знаешь, как они называются?

- Нет, - признался я.

- Это незабудки – мои любимые цветы. Про них много легенд сложено. Вот одна такая легенда. Влюблённая пара гуляла вдоль реки. Девушка заметила на краю берега красивый цветок. Парень решил его сорвать, чтобы подарить любимой, но не удержался и упал в воду. «Не забудь меня!», только и успел крикнуть парень, пока его не унесло сильное течение. Так цветок и получил название «Незабудка».

Мы стали встречаться с Ниной. Это не понравилась местным парням, и они решили проучить чужака. В погожий весенний вечер в бывшем помещичьем парке, через который пролегала моя тропа к дому Нины, меня встретили трое незнакомых парней.

- Что-то ты повадился сюда? - спросил один из них, сплюнув под ноги.

- А кого это волнует? – решительно ответил я.

- Меня волнует, - откликнулся плотный рыжий парень и неожиданно нанёс мне удар рукой снизу живот, под солнечное сплетение.

Я согнулся пополам, но быстро продышался, разогнулся и резко ударил его ногой в пах. Парни набросились на меня и стали молотить так, что я не успевал увёртываться. Когда я оказался поверженным, они повернулись и исчезли в темноте, предупредив меня: «Забудь сюда дорогу!»

Через неделю я снова был в Заречье. Наклонив голову, смущённо улыбаясь, я стоял перед Ниной с лиловым синяком под глазом.

- Я слышала, что тебе здорово досталось из-за меня? – спросила Нина.

- Пустяки, - сказал я. – Ты того стоишь. До свадьбы всё заживёт.

На обратном пути, меня встретила та же троица. Рыжий спросил:

- У тебя что, серьёзно с ней?

- Серьёзнее не бывает, - ответил я.

- Ладно, гуляй пока, но если она скажет тебе «нет» - пеняй на себя…

Позднее я узнал, что Рыжий клеился к Нине, но она отказала ему. И тогда он стал угрожать ей: «Гриньке ты не достанешься. Я его уничтожу…»

Нина в ответ заявила:

- Только тронь ещё раз Гришу - тебе несдобровать…

Дед Гриша закашлялся, погасил сигарету о каблук сапога и продолжил:

После окончания десятилетки, я поступил в сельхозтехникум, а Нина - в педагогический. Мы стали видится реже, но переписывались. Встретились на коротких зимних каникулах и очень ждали летних, чтобы провести их вместе. Мечтали, выдумывали будущее. Но нашим планам не суждено было сбыться. Мы успели окончить только первый курс, как началась война…

Тем же летом, приписав себе год, я тайком от родителей и Нины, стал проситься на фронт. В военкомате, где постоянно была большая очередь парней и мужчин, рвущихся, как и я, на фронт бить врага, мне вручили повестку на курсы младших лейтенантов.

На всю жизнь запомнил я тот тёплый летний вечер, когда прощался со своей Незабудкой. Мы бродили по парку, говорили о чём-то, но в голове неотвязно крутилась мысль о предстоящей разлуке. Вокруг было тихо и покойно и не верилось, что где-то уже грохочет война, что на западе видны её яркие всполохи.

- Мой любимый Гришуня! Не забудь меня! И обязательно вернись! – волнуясь, сказала Нина. Она обняла меня, прижала к груди, заглянула в глаза. И в этом взгляде было столько любви, нежности… Нина поцеловала меня и заплакала. Я гладил её по голове, успокаивал:

- Не плачь, моя милая Незабудка! Я скоро вернусь, мы сыграем с тобой красивую свадьбу и будем жить в любви и согласии до глубокой старости.

Потом я не раз вспоминал тот вечер и беспощадно корил себя за свою недогадливость и сдержанность…

Весной 1942-го года, после окончания курсов, я получил назначение командиром взвода в гвардейский стрелковый полк, 75-ой гвардии стрелковой дивизии, 60-ой армии Центрального фронта. В одном из боёв, был ранен осколком в ногу. Находясь в госпитале, получил письмо от Нины. Она писала: «Мой любимый, родной Гришуня! Не могу смотреть, как фашисты хозяйничают на нашей земле, как издеваются над нашими стариками, женщинами и детьми. Ухожу с подругой в партизанский отряд. Буду сражаться с ненавистным врагом… Береги себя и не забудь меня! Крепко целую. Твоя голубоглазая Незабудка». Так заканчивалось её письмо. Я написал ей, но ответа от Нины не получил.

Второе ранение я, гвардии лейтенант, получил в сентябре 1943-го года, когда в составе передового отряда нашего полка форсировал реку Днепр под Киевом. Враг вёл шальной огонь, но мы нашли брешь в обороне фашистов и удачно закрепились на другом берегу, уничтожив три пулемётных расчёта противника. До подхода основных сил наш отряд отражал контратаки врага. Здесь я был ранен в предплечье разрывной пулей. Фронтовые врачи сохранили мне руку, но, признали инвалидом, и я был комиссован из армии. Из госпиталя я писал Нине, но ответов не дождался.

В октябре я вернулся в Заречье, которое к тому времени уже было освобождено от фашистов. Шагая по улице родного села, я в который раз мысленно прокручивал встречу с Ниной. И вдруг поймал себя на том, что меня не покидает чувство тревоги. Так оно и вышло. Едва я переступил порог отчего дома, как меня настигло страшное известие – моей Незабудки уже нет в живых. Нина погибла незадолго до освобождения родного Заречья. О том, как это случилось, я узнал от подруги Нины по партизанскому отряду.

В августе 1943-го наша местность стала прифронтовой. Под ударами Красной Армии фашисты отступали, откатывались в сторону Белоруссии. Партизаны помогали нашему фронту, как могли – били фашистов на лесных и железных дорогах, громили их гарнизоны. Особой активностью отличалась партизанская бригада, в которую входил отряд «За Родину!» Днём и ночью, рискуя жизнью, разведчики подрывали вражеские поезда с живой силой и техникой. В середине августа четверо разведчиков из партизанского от-

ряда, среди которых была и Нина Ганина, отправились на боевое задание. Диверсионной группе предстояло проникнуть в расположение немецких войск в районе села Заречье, заминировать железнодорожное полотно и подорвать вражеский эшелон вблизи разъезда.

Пробираясь к Заречью знакомыми стёжками-дорожками, Нина представляла, как незаметно проникнет в родной дом, как обнимет мать и отца, узнает от них свежие новости, расспросит о расположении немецких войск у железной дороги. В те минуты Нина не знала, что ей не дойти до родного дома, не увидеть родных. За связь с партизанами гитлеровцы накануне арестовали отца и мать, а на подступах к дому устроили засаду.

Пулемётная очередь раздалась внезапно. Как подкошенный, упал разведчик, идущий впереди. Отстреливаясь, группа стала отходить, унося раненого товарища. И тут замертво падает на траву Нина, пронзённая пулей в грудь. «Уходите, я задержу их», - умолял ребят раненный разведчик. Он остался и отстреливался до последнего патрона, а потом подорвал себя гранатой.

Тела погибших партизан фашисты долго возили по окрестным деревням, требуя их опознания. Не добившись нужного ответа, они бросили трупы у дороги, запретив жителям хоронить их. Однако ночью селяне предали земле тела погибших народных мстителей.

…Дед Гриша вновь закурил, задумался, долго молчал. Молчал и я. Было видно, как нелегко дались старику эти воспоминания о прожитой жизни, заставившие его вновь пережить и светлые мгновения далёкой юности, и нелёгкие фронтовые испытания, и неизбывное горе…

- После войны меня избрали секретарём сельского Совета, - продолжил свой рассказ фронтовик. – Я настоял, чтобы останки партизана-разведчика были перезахоронены в братской могиле, а останки Нины - в родном селе.

Три года спустя, когда душевная боль немного утихла, я женился на Нининой подруге. Вместе с ней мы поставили памятник моей Незабудке и ухаживали за её могилой. Недавно жена умерла, и я остался один… Хотя нет, не один. Я давно понял, что Нина всю мою жизнь незримо была со мной, помогала мне. Помогает и поныне. Память о ней живёт во мне негасимым, греющим огоньком и будет жить до самого последнего моего часа…

Солнце уже пригревало основательно, весело играя нежными лучами в прозрачной речной воде. Утренний туман, таившийся в прибрежных кустах, растаял без следа. Разгорался новый благодатный день. Поклёвки больше не наблюдалось, и мы решили закончить рыбалку. Прихватив снасти и рыбу, прошли вдоль берега реки и, свернув на тропу, стали подниматься в гору. Домик деда Душки стоял в глубине сада, у самого обрыва, с видом на реку.

- Придя с фронта, - сказал дед, - я предложил родителям перебраться из Любовки в Заречье, чтобы быть ближе к Нине. Здесь, в живописном месте, мы приобрели старую хатку, снесли её и на этом месте возвели новый дом...

На прощание я обнял деда Гришу, крепко пожал ему руку, поблагодарил за интересный рассказ. То ли старика тронуло моё тёплое отношение к нему, то ли взволновали пережитые воспоминания - в его глазах блеснули слёзы. Старик тотчас повернулся и, немного сутулясь, зашагал к дому. Я смотрел ему вслед, и мне до боли в сердце стало жаль его одинокого, глубоко несчастного…

Наутро я встал рано и первым делом поспешил туда, где накануне увидел поляну среди кустов, укрытую незабудками. По мосткам я пробрался на другой берег реки, собрал букетик влажных от росы цветов и отправился на сельское кладбище. Всё ещё находясь под впечатлением от рассказа деда Гриши, я горел желанием увидеть… Нину. Среди стройных кладбищенских берёз отыскал ухоженный могильный холмик. С надгробной пирамидки светлым взглядом больших небесных глаз, на меня смотрела девушка редкой красоты с пышной косой на груди. Холмик был сплошь усеян цветущими незабудками, на которых, словно слёзы, блестели капли росы.

ПРИНЦ НА БЕЛОМ КОНЕ

Весть о том, что Настя Перепёлкина нашла себе в городе мужика, мгновенно облетела всю Тереховку. Настина соседка-вдовушка Катька Ляпунова наблюдала из окна, как к дому Перепёлкиной подкатила шикарная легковая машина, и из неё вышел статный мужчина в ветровке, а за ним Настёна в модной яркой куртке. Катька, спрятавшись за оконной занавеской, успела разглядеть Настиного гостя, и теперь на выгоне, где в полдень собрались бабы встречать сельское стадо, Катька увлечённо рассказывала:

- Настёна такая важная, вся изнутри светится, а он глаз с неё не сводит. И, похоже, хозяйственный. Осмотрел её усадьбу – сад, огород, постройки. Залюбовался палисадником, утопающим в ярких осенних цветах. И только потом взял осторожно Настёну под руку, и они направились в дом…

- Как же он выглядит? Небось, типичный альфонс. Их в городе полно, - а эта глупая решила, что счастье привалило, - выскочила вперёд местная торговка Нинка Ревякина, трижды побывавшая замужем, и всё неудачно.

- Выглядит он вполне прилично, - сказала Катька. - Высокий, худощавый, носатенький, густые слегка седоватые волосы ёжиком, лицо тонкое, моложавое. Всё улыбается, глаз от Настёны отвести не может.

- А машина хорошая? - поинтересовалась почтальон Верка Бондарева.

- Машина - что надо. Белая иномарка, - с восхищением сказала Катька.

- Ну вот, видать, Настёне и впрямь повезло, - заключила полная разбитная разведёнка Анька Афонькина. – Дождалась своего принца на белом коне. А тут хотя бы задрипанного мужичишку, и то, поди, найди…

- Настюша счастье вполне заслужила, - сказала своё веское слово мудрая баба Тоня, всю жизнь проработавшая медсестрой в районной больнице. - Сколько лет горемычная сидела, как монашка, после смерти мужа - смириться с утратой не могла. Не моталась никуда, хвостом не крутила, не искала женихов, а копалась тихонько в своей библиотеке, как мышка в норе, вела скромное хозяйство и одна поднимала сына. И вот сделала вылазку в город, и сразу удача. Трудно Настюшу не заметить. И статью вышла, и ликом, и нравом.

- Посмотрим, что из этого получится, - возразила Нинка Ревякина. – Мои тоже с виду были хороши, а на поверку – пройдохами оказывались. Пить да гулять. Работать, хоть ухо режь. И откуда они только берутся?

- Не там ищите, - с укором посмотрела на неё баба Тоня. – Порядочных людей не ищут в забегаловках. И ты сама поведением не отличалась, - одёрнула Нинку баба Тоня, – не прочь была с ними разделить компанию. А Настюша совсем другая - красавица, умни-

ца и скромница, каких поискать. И мать её, Дарья Семёновна, царство ей небесное, была на редкость добродушной. За бабкой Матрёной столько лет ухаживала, когда та слегла. А ведь бабка была ей совершенно чужая. Работая почтальонкой, Семёновна сама писала письма старушкам, которых дети забыли…

- Ладно, пусть Настёне повезёт, - сказала Катька. – А там, глядишь, и до нас очередь дойдёт. После дойки пойду, узнаю, где ей удалось подцепить этого красавчика…

День ранней осени выдался на славу. Ласковые лучи полуденного солнца высвечивали яркие краски деревьев, от которых рябило в глазах. Катька прищурилась и заметила на крыльце соседку в цветастом сарафане, туго схваченном узким пояском, подчёркивающим Настину фигуру. Заслоняясь от солнца ладошкой, та всматривалась вдаль. Ляпунова помахала ей рукой, поставила на лавочку в тени ведро с молоком, подошла к Настёне.

- Где же твой ненаглядный? – улыбнулась Катька. - Машина на месте, а его нет. Прячешь что ли, боишься, что уведут соколика?

- Миша отправился на озеро. Он заядлый рыбак, - нежным голосом пропела Настёна. - Заметил на веранде Тёмкины удочки и не удержался. Вот пытаюсь разглядеть, где он там рыбачит.

- Ладно, не пропадёт твой Миша. Давай присядем, поговорим. Поделись лучше, где ты его нашла? Я часто бываю в городе, не дурна собой, завклубом в посёлке работаю - всегда на виду, но мне не удаётся…

Подруги присели на лавку у крыльца. Настёна задумалась.

- Ты не поверишь, Катюша, я его накануне во сне увидела. Будто бы забрела в лес, хожу, собираю грибы и не заметила, как стемнело. Бросилась в одну сторону, в другую, не могу найти дорогу домой. Кручусь, верчусь. Заметила впереди просвет - устремилась туда. А на пути канава с водой. Сунулась в канаву, набрала полные сапоги, вылезти не могу, топко. Барахтаюсь в воде. И тут на другом берегу появляется высокий мужчина, седоватый, с рюкзачком. Смотрит на меня, улыбается, протягивает руку и говорит: «Не надо в лес ходить одной. Это очень опасно». «А с кем же мне ходить? - спрашиваю я. - Мужа нет, сынок в армии». А он в ответ: «Тогда будем ходить вместе…». И смотрит пристально на меня, изучает. А взгляд такой добрый, ласковый. Вытащил меня. Усадил на пенёк. Снял мои сапоги. Вылил из них воду. Выкрутил носки,

повесил на сук сушиться. Ноги мои обмотал какой-то тряпкой. Сам устроился рядом. Сидит. Улыбается в усы… Тут я и проснулась. Лежу с закрытыми глазами. Вдруг сон продлится. Так хотелось узнать, что будет дальше…

- Ну и что же дальше? – заинтересовалась Катька.

- А дальше меня как ветром с кровати сдуло. Вспомнила, что сегодня суббота, а я задумала съездить в город, на базар, курточку новую купить. Собираюсь, чувствую на душе необыкновенную лёгкость. Вспомнила сон. Напеваю себе под нос: «Ох, и страшно, мальчики, в лес ходить одной…»

Приехала. Прошлась по базару. Нашла куртку по вкусу. Поторговалась. Продавец попалась добрая. Сделала хорошую скидку. Я руку в карман, чтобы расплатиться, а там пусто. Кошелька нет. Стою, шарю то в карманах, то в сумке. А торговка говорит: «Видать, на базаре рот разинула, а воришки здесь не дремлют». Расстроилась до предела. Сама себе думаю, вот тебе и хороший сон. Во сне руку помощи протянули, а наяву кошелёк стянули. Успокоила себя мысленно, как советуют в таких случаях мудрые люди: «Спасибо, Господи, что деньгами взял». Направилась к автобусу. Подумала, водитель знакомый, бесплатно довезёт. Потом рассчитаюсь. Иду, задумалась. Под ноги не смотрю. И вдруг - нога в сторону, чуть носом не запахала. Но кто-то успел поддержать за руку. Смотрю, ногой попала в сточную решётку, каблук от туфельки моей отскочил и там застрял. Оглянулась, рядом мужчина, высокий, с лёгкой проседью, смотрит, улыбается. Вытащил из решётки каблук, протягивает мне. Я расплакалась, пожаловалась ему. «Да, говорит, незадача вышла. Но всё поправимо. Давайте ко мне в машину. Довезу до мастерской». И повёл меня под руку…

- Как ты осмелилась в машину к незнакомцу сесть? – удивилась Катька.

- Ну, во-первых, я не девочка. Во-вторых, ситуация для меня была безвыходная. А, главное, взгляд его вызывал полное доверие. И я не ошиблась. Туфельку мою в мастерской быстро починили. А потом Миша предложил довезти меня до дома. Я отказывалась. Но он настоял. По пути заехали вначале на базар, где он купил мне ту куртку, а затем - в магазин, где набрал сумку продуктов и сладостей. Я не принимала, но он пояснил, что это его магазин. Пока ехали, рассказал о себе. Окончил военное училище. Служил на Се-

вере. Вышел в отставку и приехал с семьёй в наш город. Занялся небольшим бизнесом. Всё складывалось удачно. Но тут сын погиб в ДТП. Жена не выдержала горя, заболела и умерла. Второй год один…

- И ты сразу поверила? А вдруг он опытный альфонс и всё это сочинил? А ты варежку раскрыла. Смотри, как бы боком не вышло.

- А какой ему смысл сочинять всё это?! Он уже немолодой, седина пробивается, на мошенника не похож. Да и чего мне бояться? Воровать у меня нечего. Драгоценностей нет. Денег – тоже, последние стащили. Нет, по глазам вижу, что душевный человек…

- И что, он у тебя ночевать останется? И ты его в кровать свою положишь?

- Нет, он сказал, что переспит в машине, а утром в город. Но я предложу ему поспать на веранде. Нехорошо как-то на ночь гостя в дом не пускать. Люди скажут, принцессу из себя строит.

- А сыну ты звонила, советовалась с ним?

- Звонила. Рассказала всё, как есть. Тёма ответил: «Мам, устраивай свою жизнь. Я скоро вернусь, уеду в город учиться. Ты ещё молодая, нет и сорока. Не куковать же тебе с этих лет одной. Если он, действительно, офицер, то не пропадёшь с ним…

- А вон и Миша идёт, - мелодично произнесла Настёна, глянув в сторону озера, и лицо её озарилось нежной улыбкой.

Михаил подошёл, кивнул Катерине.

- Это моя соседка, - представила подругу Настёна.

- Смотрите, какой богатый улов, - показал Михаил ведро, в котором плескались пухлые золотистые караси. – Давай, Настюша, котелок и приправу. Будем готовить уху.

- Ладно, я пойду, - сказала Катька. – Надо с молоком разобраться.

- Приходи через часок, - бросил ей вдогонку Михаил. – Отведаешь нашей ушицы.

Когда уха была готова, прибежала Катька. Настёна накрыла стол, разлила уху по тарелкам.

- Уха получилась славная, - сказала Настёна, отведав несколько ложек. - Чувствуется, Миша, что у тебя большой опыт в этом деле.

- Не только в этом, но и во всех других, за которые берусь, - ответил Михаил и подмигнул Насте. Это не ускользнуло от внимания Катьки. Та, уходя домой, на веранде прошептала Насте:

- Вижу, мужик не промах. Будь осторожнее. Незнакомому человеку нельзя так распахивать душу. Уж больно ты доверчивая, Настёна. Как бы потом жалеть не пришлось.

- Риск, Катюша, - благородное дело. А ты разве не рисковала, когда за Пашку-разженю замуж пошла?!

- Рисковала. И всё у нас было бы хорошо, если бы не эта проклятая Чернобыльская авария, унёсшая до срока и твоего Юру, и моего Пашу.

Михаил пробыл у Насти два дня и уехал в понедельник рано утром, с первыми петухами. Настёна проводила его во двор, задержалась на крыльце. Задумалась. Вспомнила что-то, улыбнулась сама себе. Потянулась, вдохнула свежий осенний воздух, залюбовалась разгоравшейся утренней зарёй.

Настя любила эту пору. По нраву ей были благодатные дни ранней осени, когда природа дарит чудные краски, от которых светлеет на душе. Когда вокруг такая тишь, что слышно, как ложится на землю падающий лист, как звенят на солнце серебряные паутины бабьего лета и как хлопотливо шепчутся в речной заводи камыши, а под сводом небес, изредка нарушая тишину, слышны крики сбивающихся в стаи птиц!

Михаил не приехал вечером. Не приехал и на следующий день, и в последующие три дня. Катька приходила к Настёне по нескольку раз в день и упорно, как давно заученный урок, твердила:

- Ну что я тебе говорила?! Получил своё и укатил. Только с виду порядочный, а на поверку типичный ловелас. И ты, дурочка, повелась – куртку купил, сладостей… Опыт, видно, богатый, подход к молодым вдовушкам отработан.

- Тебе, Катюша, всё жулики вокруг мерещятся. А порядочных людей куда больше... Да и у нас с ним ничего не было, - грустно улыбнулась Настя. - Мы две ночи просидели, взявшись за руки. И говорили, говорили…

- Ты всё же проверь, не пропало ли чего. Удивляюсь тебе – ты такая спокойная. По селу теперь тебе будет стыдно пройти. Слухи ползут, мол, Настёнин хахаль погрелся под её бочком - и тю-тю. А она, дурёха, всё ждёт, надеется, что этот пройдоха вернётся. Одна

баба Тоня за тебя горой. Почешите, говорит, языки. Завидки вас берут. Вы ещё не так Настюше завидовать будете, когда её голубок прилетит. А он обязательно прилетит. Таких женщин, как Настёна, настоящие мужики не оставляют. Вся из себя - и красавица, и умница, и хозяйка - что надо…

Катька была крайне удивлена, когда к концу недели, на пятые сутки, к соседскому дому подкатила белая иномарка. Настёна стояла на крыльце, похоже, ждала. Михаил вышел из машины, подошёл к высокому крыльцу, подхватил Настёну на руки, поцеловал, закружил. Поднёс к машине, опустил на землю, обнял, что-то долго шептал ей на ухо. Потом открыл багажник. Выставил большие коробки и стал таскать их в дом. Настёна принялась помогать ему.

Катька не выдержала, мигом примчалась – любопытство взяло верх. Поздоровалась. Поинтересовалась у Настёны:

- Что это за подарки привёз тебе Михаил?

- Большая коробка – это стиральная машина. В тех, что поменьше – телевизор, компьютер и пылесос, - сообщила Настёна. – Но это так, - улыбнулась загадочно Настёна, - мелочёвка, по сравнению с тем, что Миша всё это время переоформлял свою квартиру на меня. Я его уговаривала, чтобы не спешил. Но он был неумолим.

- Признайся, Настёна, - с нескрываемой завистью сказала Катька, - ты ведь знала, что Михаил вернётся. Видно, перезванивались каждый день, но помалкивала. Специально, что ли? Чтобы подзадорить баб?

- Миша, уезжая, попросил, чтобы я ничего никому не рассказывала. «Пусть твои завистницы перемывают наши косточки. А потом их удар хватит, когда я вернусь». Мы каждый день звонили друг другу, подолгу разговаривали. У Миши с документами на квартиру заминка вышла, и ему необходимо было время, чтобы всё уладить.

- И со мной не поделилась, - упрекнула подругу расстроенная Катька.

- Ну я же слово дала. Только бабе Тоне, когда та заглянула в библиотеку и поинтересовалась, правда ли, что злые языки по деревне мелют, что от тебя твой голубок улетел, сказала: «Не волнуйся, баба Тоня, он вернётся. Я его приворожила…» Она поцеловала меня, перекрестила: «Твои слова, дочка, да Богу в уши!»

- Ты знаешь, Настёна, я виновата перед тобой. Прости, - опустила глаза Катька. - Я тоже масла в огонь подливала, когда бабы склоняли тебя за легкомыслие. Не верила я, что так бывает в жизни. Разве что в любовных романах пишут да в кино показывают. А оказалось, что бывает. Теперь я буду чаще в город заглядывать. Авось, и мне улыбнётся удача.

- Обязательно улыбнётся, только надо, чтобы голова была полна хороших мыслей и сны добрые снились. Тогда и явится к тебе твой принц на белом коне, как явился ко мне.

- А ты, Настюш, как бы невзначай спроси при случае у своего Миши, нет ли у него надёжного друга, как он? – попросила Катька подругу.

- Хорошо. Поинтересуюсь, - сказала Настёна, и незаметно улыбнулась.

- Какие у вас планы на дальнейшую жизнь? Вы здесь жить собираетесь или рванёте в город? - с грустью в голосе спросила Катька.

- Конечно, здесь, - успокоила подругу Настя. - Видишь, понемногу обустраиваемся. Я из родительского гнезда никуда уезжать не желаю. И Мише здесь нравится. Озеро, речка, лес – это его стихия. А что касается планов, то… Миша мечтает о дочке. И я мечтаю. И верю, что нашим планам суждено сбыться. Накануне я видела хороший сон.

ЕЛЕНА ОСЕННЯЯ

Осенняя (Кулешова) Елена Владимировна родилась 30 ноября 1980 года в г. Сельцо.

Окончила Сельцовскую школу №3 и Московский психолого-социальный институт. По образованию психолог. Поэзией увлекается с 17 лет.

Публиковалась в газете «Сельцовский вестник».

Лауреат Сельцовского городского литературного конкурса «Ивы над Десной» (2017).

Я ЕЩЁ ЕСТЬ!

Это было, но не со мной,
Это было с кем-то другим.
Это было странной игрой
Первым лицом, телом моим.

Я смотрела сквозь чьи-то глаза
Видела чьи-то нелепые сны,
Двери. Надпись: « Сюда нельзя!»
Яркие вспышки последней весны,

Линию жизни на правой руке,
След колеи на груди и песке,
Слёзы текущих солёных рек,
Через морщины времени бег.

Не было правил, чтоб честно играть
Без ощущенья, что всё это зря.
Так глубоко меня отыскать
Стало почти невозможно, нельзя.

Только скользящий в зеркале взгляд
Напоминал, что я ещё есть!
Есть что-то там глубоко в глазах.
Больше, чем верность, сильнее, чем месть.

ЧЁРНЫЙ КРЕСТ

Ночь. В лесу слышен крик совы.
Он спокоен был и не ждал беды,
Но вчера ему вдруг приснился
чёрный крест.
Старый дед - толкователь снов
Стал от вести хмур и лицом суров
И сказал: «в раю для таких, как мы
нет мест.»
Он ещё молодой король,
Но начерчен путь, и прольётся кровь
Не за власть и мир, а за золото
и смерть,
И спастись сможет только тот,
Кто рождённым был в високосный год,
Кто в пожаре битв будет ярче всех
гореть.
Не молчи, лучше горько плачь.
Слышен лязг мечей, и трубит трубач.
Тот призывный клич заморозил в жилах
кровь.
В сводах храма молитвы стих
Никому не дал жизни лишний миг.
В королевстве том стало только
больше вдов.
Час настал, грозно грянул гром,
Кровь лилась рекой пополам с дождём
Был убит король вероломно
в том бою.
Молодая его вдова
Вместо горьких слез лишь произнесла:

«Пред крестом клянусь отомстить
за смерть твою!»
Верных слуг и казну взяла
И тайком от всех в дальний лес ушла.
Там февральской ночью родился ее
сын.
И спустя двадцать долгих лет
Час настал исполнить её обет.
Жажда мести ей придавала больше
сил.
Ночь. Вокруг замка тишина.
Лишь у самых стен ухает сова.
И король не спит, он увидел
страшный сон.
Мудрецов он созвать хотел,
Но девица, гревшая их постель,
Принесла вино, что любил
так сильно он.
«Я в лесу много лет жила-
Она ласково вдруг произнесла-
И у ведьмы сны научилась
толковать.
Чёрный крест, что увидел ты,
Предвещает смерть - это знак беды!
Ты отравлен той, с кем лёг этой
ночью спать!
Помнишь, как много лет назад
Ты пришёл с войной, и твой крестный брат
Был убит тобой, но теперь
свершится месть!
Ты отравлен его вдовой,
Страх твой не прикрыть, но смирись с судьбой!
Как шакал, ты жил, и тебе -
шакалья смерть!»
Не один минул год с тех пор.
Сын по праву занял отцовский трон,
На своей земле стал примерным
королём.

На окраинах той земли
Как измены символ и знак беды
Чёрный крест стоит, а под ним
могильный холм.

СИЯЕТ СВЕТ

Твоя тень сливается с тьмой,
В это время будь готов ко всему,
Что бы дальше ни случилось с тобой,
Что б ни сделал ты - прощу и пойму.

Твоя жизнь - дорога твоя.
Там уроки, там ошибки, там суть.
Это время промчалось не зря,
Это твой особенный путь.

Твоя цель - конечный итог.
Ты на мелочи ее не меняй.
Рука об руку шагает с мечтой,
Разгораясь в груди от огня.

Я же знаю, тебя не сломить,
Найдёшь выход там, где его нет.
Не оборвана тонкая нить:
Тьмы нет там, где сияет свет!

СТРАХ

Остатки слёз с асфальта сдует ветер.
Кусочек грёз забытый будет светел.
Испуганный мой взгляд, как выстрел в спину,
Убьёт тебя, но лишь наполовину.

Не так страшна та ложь, что очевидна,
Как та, которой веришь, и не знаешь,
Как после будет больно и обидно,
Когда ты эту веру потеряешь.

Не так пугает недоверья бездна
И грязная молва, что всё сметает,
Как тишина, отсутствие протеста,
Когда всё кто-то за тебя решает.

Не так силён и страх, что ты не понят,
Что жизнь течет рутинно, безотрадно,
Как страшен миг, когда тебя прогонят
Лишь потому, что понят ты превратно.

Есть множество вещей, чтобы бояться.
О них философы веками спорят.
Но мы с тобой могли б не повстречаться,
И этот страх моих всех страхов стоит.

ПЕСНЯ СОКОЛИНАЯ

Песня соколиная разлеталась стрелами
Над речными гладями и садами зрелыми.
Всполохи багряные - отзвуки закатные
Вниз ложились, становясь туманами ватными.

Голубыми пиками высь пронзалась белая
И земель стелилась даль чистая и смелая.
Там равнин степных простор жил ручьями горными.
Их сменял дремучий бор с вековыми кронами.

Корни те великие, землю крепко сжавшие,
Берегли её, родной матерью им ставшую
И земля цвела, гордясь пышными долинами!
И над этим всем лилась песня соколиная!

ВЫБОР

Востребованность смысла, как мираж,
Имеет свойство таять, исчезая.
За сколько и за что себя отдашь,
Я не отвечу, даже если знаю.

Вопрос не в том, чего бы кто хотел,
А в том, зачем им всем всё это надо?
И если каждый знал бы свой удел,
Вся ценность жизни предалась б распаду.

Не стало бы путей, дорог и троп,
Не стало б целей, судеб, злого рока.
Лишь начинанье - и его итог.
Рожденье, срок - и окончанье срока.

Но как в часах песочных есть песок,
Так наша жизнь течёт сквозь бесконечность.
Ты создаёшь всё сам: конец и срок,
И можешь миг избрать, а можешь - вечность.

ЭТА ОСЕНЬ

Эта жгучая осень
Пылает кострами,
Обжигает листвой золотой.

По долинам речным
Дым смешался с туманом
И плывёт над зеркальной водой.

Эта пряная осень
Пьянит ароматом
Отцветающих трав луговых,

Мнит богачкой себя,
Откупается златом
От холодных туманов ночных.

Ее ждет нищета:
Иссякают запасы
Тёплых дней и горячих страстей,

Скоро в платье поблёкшем
Пойдет бездорожьем,
Заливаясь слезами дождей.

ТО САМОЕ ЧУВСТВО

Было б тепло, если б не было
так жарко.
Было б светло, если б не было
резко и ярко.
Было б полно, если б не было
так пусто.
Было б смешно, если б не было
так грустно.
Было б в дали, если б не было
так близко,
И высоко, если б не было
так низко.
Было б больней, если б боль
не была сладкой.
Было б длинней, если б не было
вещью краткой.
Было бы смертью, если б не стало
жизнью.
Было бы лестью - взлетело
светлою мыслью.
Было б не то, если б не было −
так надо.
Было б грешно, если б не было −
так свято.

ВДВОЁМ

Нам мечтать вдвоём
Очень уж опасно и запрещено.
Ты живёшь лишь днём,
Ну а я свою не покидаю ночь.
Говоришь: «Пустяк.
Всё, о чём мечталось, просто не сбылось.»
Это, правда, так?
Или всё же что-то пережить пришлось?
Ты забыл те сны,
Где моим приходам был ты очень рад.

Мы сейчас одни,
Как и десять миллионов лет назад.
Только не молчи
И не говори, что всё давно решил!
Лучше объясни,
Как всё это время без меня ты жил?
Я могу уйти,
Может быть, сейчас тяну я время зря.
Ты меня простишь,
Только никогда я не прощу тебя.
Ты не рад сейчас
Делать этот выбор в жизни только раз.
Слишком много глаз
Замечают, смотрят и сжирают нас.
Никому не дай
Взять и всё из памяти твоей стереть.
Чем, как все, нам стать,
Будет лучше сразу просто умереть.
С детства учат нас
Лишь тому, что делать никогда нельзя.
Видно, потому
Ночь не совпадает с наступленьем дня.

МОЙ ЧЕЛОВЕК

Ты там всегда, где нет меня,
И где хотел бы я остаться.
В тревожных снах, в твоих мечтах
Исчезнуть, сгинуть затеряться.

Мне ни покой, ни суета,
Ни в вечность путь не нужен даже.
Я лишь хочу с тобой быть там,
Где мне все страхи ты расскажешь.

Я лишь хочу смотреть в глаза
И видеть в них твои все чувства.
Я всё готов тебе отдать,
Но не могу, и это грустно.

И эта горькая тоска
Плодит мои немые крики,
Рождает строки на листах
Под вспышки, всполохи и блики.

Я не безумен, я влюблён!
И, может, в том моя потеря,
Что сон увидев о тебе,
В его реальность снова верю!

Но суть не в том, что мрак, что свет,
Кто поощрит, а кто осудит.
Ты мой любимый человек!
Другого никогда не будет!

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя прежняя жизнь
Мне покоя не даёт,
Говорит мне: «Держись
И смотри лишь вперёд!»

Груз ошибок моих
Камнем тянет ко дну.
Говорит: «Не хандри,
Не забудь ни одну!»

Что-то сходит на нет
Мой душевный полёт.
Но звучит в высоте:
«Ветер будет! Он ждёт!»

Твоя вера в меня
Силы мне придаёт,
Греет жарче огня,
Увлекает вперёд.

«Забирайся!- кричит-
И назад оглянись!
Посмотри, как прекрасна
Прошедшая жизнь!»

СТОРОНЫ

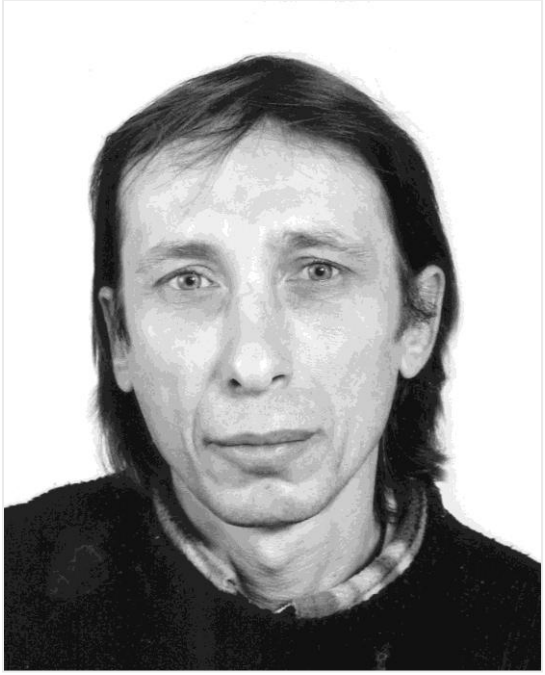
Да что ты понимаешь
Во всяких глупых фразах,
Ведь брошенных на ветер
Не ловишь больше слов?!
Есть сторона медали,
Заметная не сразу,
Где полустёрта надпись
Со словом: «Нелюбовь».

К ней пальцем прикасаясь,
Ты режешься, как бритвой,
И крови первой группы
Ты ощущаешь вкус.
Как много душ заблудших,
Что не спаслись молитвой,
И пальцам будет больно.
Я этого боюсь.

Но умирать не страшно,
А иногда полезно,
Особенно в моменты,
Когда настал твой час.
Но есть предупрежденье:
Когда мы смотрим в бездну,
То бездна начинает
В ответ смотреть на нас.

А если после смерти
Ты всё же возродился
И начал всё сначала
Без страха и вины,
Кому-то ты расскажешь,
Чему там научился,
Назвав спасенье словом
С обратной стороны.

ЮРИЙ САЛЬНИКОВ



Сальников Юрий Александрович - поэт, член Союза писателей России. Родился 6 ноября 1962 года в п. Сельцо.

Стихи публиковались во многих литературных выпусках Брянской областной писательской организации, в коллективных сборниках, в журналах «Десна», «Форум», «Дом Ростовых», в альманахах «Парус», «На земле Бояна», «Литературный Брянск».

Получал Государственную стипендию. Автор трёх поэтических сборников. Лауреат литературной премии им. Н.И. Рыленкова.

* * *

Бывает до дождливости грустна,
А поутру – опустится на минус,
Но обещает тёплых дней весна,
Чтоб как-то облегчить «коронавирус».

Почти не спят учёные, врачи –
Ведут бои с коварною болезнью.
«Настанет благодать!» - кричат грачи.
И хочется дышать мне этой вестью.

Проснётся май, распустятся цветы
На радость людям всем, проворным пчёлам…
Пусть сбудутся заветные мечты
И думается только о весёлом.

Отчизна наша крепнет с каждым днём
Назло врагам, лишениям и мукам.
И даст Господь, беду переживём,
Чтоб вырастить детей своих и внуков.

* * *

Но часы на мобильном точны –
Нет тебя, нет тому пояснений.
И мои обрывая мечты,
Листья падают без сожалений.

Эта осень, с ней, как ни крути,
Козырную тут выбросив карту,
Чтобы я всё ж надумал уйти,
Резким ливнем прошлась по асфальту.

Парк мгновенно стал всеми забыт.
Битый час здесь хожу я по лужам –
И по горло любовью той сыт,
От которой промок и простужен.

Захотелось уюта с теплом…
Ты весёлой, как капелька света,
По ступенькам идёшь под зонтом,
Будто в парк возвращается лето.

НОСТАЛЬГИЯ

Там, где Судость бежит по теченью,
Выше кажется мне небосвод.
Отдышусь под берёзовой сенью
И пойду в деревенский народ.

Вечерами встречаются совы,
По ночам будит гогот гусей.
И мычат рано утром коровы,
В поле солнце седлает коней.

И атласом сверкают гнедые,
И манят босоногих ребят.
Там ромашки цветут зазывные,
Колокольчики нежно звенят.

Белый аист на длинных ходулях…
Там скамейки рядком у плетней…
И сидят на скамейках бабули,
Кто пройдёт – на виду у людей.

Там соседи, как сёстры и братья,
Их объятья подчас горячи.
Самовар на столе и оладьи,
Испечённые в русской печи.

В ОЖИДАНИИ ГОСТЬИ

Пасмурная осень собралась в дорогу,
В спешке разбросала по земле листву.
Как медведь, заляжет где-нибудь в берлогу,
Там, за горизонтом, в призрачном лесу.

Вымытый дождями, двор блестит обновой.
Рядом столб фонарный, будто небу трость.
Громко долбит клювом дятел бестолковый,
Словно в древесину забивает гвоздь.

На густой рябине созревают грозди,
Под забор соседский падают в траву.
Прилетел под вечер гость довольно поздний –
Ворон под навесом ходит по бревну.

Он о чём-то каркнул, поделившись мыслью.
От него, однако, ясных жду вестей.
Понизу летает, завладел он высью –
Запрягла ли в сани зимушка коней?

Подразнив собаку и разжившись костью,
По двору хозяйский завершив обход,
Лапой трёт по морде – намывает гостью,
Сидя на крылечке, белоснежный кот.

МИМОХОДОМ

Наблюдал за игрой листопада –
С четверть часа смотрел я в окошко,
И одна лишь сиамская кошка
Мне была откровенно не рада.

А хозяйка – царевна Забава –
Сладкий сахар на блюдечке таял.
Колдовским опоив меня чаем,
Нежно шею мою обвивала:

«Заходи на мой ласковый берег,
Если будешь в селе или рядом…» -
Обводила жильё своё взглядом,
На ремонт, намекая, нет денег.

Уходил от неё огородом –
И забор показался мне шаток,
Но в другой раз подкину деньжаток –
Если буду в селе мимоходом.

НОЧНАЯ ШУТКА

Зевая в блаженной истоме,
Бока отлежавши в затоне,
С речного песчаного дна
Лениво вставала луна.

Терялась она в облаках –
На длинных незримых ногах
Меня обходила сторонкой,
Дымя сигаретою тонкой.

За ней приударив немного,
Я крикнул: «Привет, недотрога!»
Но тут же услышал: «Нахал…» -
И с неба окурок упал.

Обычный окурок, земной –
Испачкан помадой губной.

* * *

За лесок сосновый покатилось солнышко,
Шепчется ракитник в заводях реки.
Ждёт свою красотку на ветвях соловушка,
Заливаясь трелью, сохнет от тоски:

«Для счастливой встречи место тут укромное,
Сил нет дожидаться, сердцу невтерпёж…
Где же ты порхаешь, милая и скромная?
Не летишь в объятья, в гости не зовёшь…»

В голове смешались мысли сокровенные –
Аромат дурманит чисто луговой.
Говорят, живут здесь феи придесенные,
Потому кружится небо надо мной.

* * *

Внизу к поседевшим волнам
Закатом прибавилась медь.
Хожу по крутым берегам,
Ничуть не желая стареть.

На сердце нет тени тоски,
В округе Десны – благодать.
Ромашки свои лепестки
Подносят ко мне – погадать…

На речку пришла детвора
Скрипучий раскачивать мост…
Я буду бродить до утра
Под яркою россыпью звёзд,

Чтоб встретить стихами зарю,
Рождение дня ощутить.
И Брянщину – душу свою,
Уже не смогу разлюбить.

КРАСАВИЦА МУЛАТКА

Последний Новый год – с последнею надеждой.
На ёлке огоньки, игрушки, мишура…
А ты была простой, доверчивой и нежной,
Наверно, чтоб такой остаться навсегда.

Мы пили до утра шампанское и колу,
Всю ночь я не курил – не терпишь сигарет.
И подпевали мы с хрипцой магнитофону,
Под молодости нашей жужжание кассет.

В ту полночь загадал, что сбудется, конечно,
Пожить с любовью нам, и в этом жизни суть.
Я подходил к окну, смотрел на холод млечный,
Не думалось тогда, что кратким будет путь.

Мы танцевали ночь, и ты смеялась сладко,
Шутила, говоря без горечи следа:
«Счастливая всё ж я – красавица-мулатка».
Наверно, чтоб такой остаться навсегда.

* * *

Грустно, мне ты снишься часто.
Если б мог вернуть домой…
Ой, душа моя – мытарство,
Раны сердца успокой.
Горько мне без глаз любимых
И на лавочке в саду.
Не заменят георгины
Алых губ твоих в меду…

* * *

Захотелось жить богато,
Двор поправить возле хаты,
Да деньжаток маловато –
В долг занять бы до зарплаты.

Ходят с важными усами,
От рожденья – работяги.
Повезло же мне с друзьями –
Все подстать мне – бедолаги.

Львы, по знаку зодиака,
Денег нет у них, буквально.
И с цепи свою собаку
Спустит кто-нибудь «случайно».

Шум машины, гладь-дорога,
Резанул в глаза прожектор…
У соседа денег много,
Потому что он – директор.

Но не хочется мне драки,
Прошлый раз припоминая.
У соседа нет собаки…
У него есть кошка – злая.

БЕСКОНЕЧНАЯ ТАЙНА

Знакомство, любовь – бесконечная тайна,
И звёзды на небе горят не случайно.
Вся ночь впереди, развлечений полно:
Прогулки, качели, конфеты, кино…

Влюблённых под ветками прячутся лица,
Над ними ветла разлеглась, серебрится.
Свисает до самой земли мишура.
Скамейка – укромный приют до утра.

В цветочный ларёк зазывают витрины,
Но в сад всё настырней влекут георгины.
Девчонке, волнуясь, забыв про запрет,
Мальчишка срывает роскошный букет!

Собака разлаялась, пусть себе злится –
Влюблённых под ветками прячутся лица…
И звёзды на небе горят не случайно.
Знакомство, любовь – бесконечная тайна.

* * *

Уходя, ты забыла цветы –
Специально, а может, случайно.
Нет тепла у опавшей листвы,
И в окрестности стало печально.

Но не скрасить мне эту печаль.
Без тебя проживу потихоньку.
Ты ушла, и до горечи жаль,
Только знай, не пущусь я вдогонку.

Дразнишь осень, что делаешь зря,
В дорогих и бордовых, и модных –
В этот вечер, в разгар октября,
Щеголяешь в красивых ботфортах.

Спели песню, распался дуэт,
И мелодии нет той звенящей.
Вспомнишь ты про забытый букет
И захочешь любви настоящей.

ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА

Скворцова (Лескова) Татьяна Ивановна родилась в п. Нетьинка Брянского района. Окончила Трубчевское педагогическое училище. Работала учителем, воспитателем в детском саду, инспектором ВУС.

Стихами увлекается с юности, писала для себя, затем стихи стали неотъемлемой частью её жизни. Её душа в стихах.

Публиковалась в газетах «Деснянская правда», «Сельцовский вестник», в альманахе «Белые паруса». Полуфиналист Всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь» им. 200-летия И.С Тургенева (2018). Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

ОТЧИЙ ДОМ

Исток. Моё начало - отчий дом,
Где дружно собирались за столом.
Отсюда, как рождённая река,
Я силу набирала для прыжка.

Была звенящим в детстве ручейком,
Звала так мама нежно перед сном,
А жизнь дала огранку - берега.
Теперь я полноводная река.

Несу в свой дом глоток живой воды,
Горит очаг, тепло, и нет беды.
Молю детей и внуков лишь о том,
Чтоб помнили и чтили отчий дом!

Впервые здесь увидела я свет,
Меня ласкала мама с ранних лет,
Где делала несмелые шаги,
Держась за пальцы маминой руки.

Семья – тот остров, уголок земли,
Куда идут, спасаясь, корабли
Моих невзгод, душевных мук, стыда.
Где ждут меня любую и всегда!

ВЕСНА

Водой наполняет реки
Весна. Ты чего-то ждёшь.
Земля поднимает веки,
Её умывает дождь.

В пушистых из трав ресницах
Запутался след весны,
И клин журавлей стремится,
Спешит к берегам Десны.

Напиток самой природы:
Душистых цветов нектар.
Хлебов зеленеют всходы.
Дан Господом этот дар!

Мелькает, как лента в косах,
Среди холмов и равнин
Десна, берега все в росах
Укутались в палантин.

Весной молодеют лица,
Уходит зимний мороз,
И новая жизнь, как птица,
Несёт в королевство грёз,

Где счастье. О нём мечтаешь,
Всю жизнь надеешься, ждёшь,
Быть может, там повстречаешь,
А может, и не найдёшь.

Мне будто опять семнадцать,
Вся жизнь ещё впереди!
И можно опять влюбляться.
Мечтать, выбирать пути.

СЫНОВЬЯМ

Пусть хватит сил на все дела земные,
Пускай в душе не гаснет огонёк,
Ах, сыновья вы мамины большие,
Частица сердца - древа стебелёк!!

ОСЕНЬ

Склонились, словно девы, берёзы над рекой,
Расчёсывали косы гребёнкой золотой,
Как в зеркало большое смотрелись в гладь реки,
Платки вязали «девам» усердно пауки.

А ветерок осенний, нарушив тишину,
Себя вёл очень смело: гнал по реке волну,
Срывал листву игриво, укладывал ковром.
Летели паутинки, сверкая серебром!!

НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

День сегодня необычный:
Майский светлый день,
Исторический и личный.
Вновь цветёт сирень.

Я смотрю на фото с фронта,
Катится слеза:
Дед на нём, род войск - пехота,
Прибыл на вокзал.

Ранен был, но жив остался-
Чувств не передать,
А вокруг народ братался-
Хватит воевать!

В день Победы, в этот праздник
Был счастливым дед-
Слёз не сдерживал участник
Тех военных лет.

Жизнь его прошла так быстро,
Дед "ушёл" весной.
Жил, как все, сгорел, как искра,
Нам совет дал свой:

Жили, чтоб в согласье, в мире,
Не трясла б война,
Чтобы слышали в эфире:
"Праздник, май, весна!"

МЫ ВСЕ СЛАВЯНЕ

Трёх дочерей взрастила мать-земля:
Россию, Беларусь и Украину.
Смешались корни, родилась семья.
Перед врагом мы были все едины.

Все выходцы из Киевской Руси,
Плечом к плечу мы отражали беды,
В лихие годы нам хватило сил.
В крови у нас те славные победы.

Славяне, братья! Вылезло зверьё,
Мы дали волю страшному злодею.
Нависло чёрное над миром вороньё,
И мы должны пресечь его затею.

Текут, как реки, слёзы по земле.
И детский плач пронзает наши души.
Он, как набат, звенит о страшном зле:
"Хотят наш мир стервятники разрушить!"

Возьмёмся за руки, славяне, вот рука,
Плечо подставим, если будет туго,
И дружба возродится на века,
И сёстры вновь обнимутся друг с другом!

ЧУДНАЯ ПОРА

Вот и осень! Сентябрь
Дарит нам снова лето.
На носу уж октябрь,
Почему все раздеты?

Осень словно пьяна,
Тёплым дням тоже рада,
В ярком платье она
Пляшет с ветром ламбаду.

Расплескала, кружась,
Позолоту в округе,
По земле пронеслась
В своём огненном круге!

РОДИНА МОЯ – ПЕСНЯ МОЯ
(песня)

Родину и дом солнце озарит.
Смех детей звучит, над землёй летит.
По полям, лугам – через речку в лес,
В гости пригласит ангелов с небес.

Родина моя - милая земля!
Звон колоколов, спелые поля.
Травы на лугах и цветы весной:
Клевер, ландыш, мак, лютик золотой.

Мы одна семья - не разлить водой,
Связаны мы с ней нитью родовой,
Песнями ветров и вином из рос,
Шелестом листвы и раскатом гроз.

Родина моя - милая земля,
Где родник журчит, нас к себе маня.
Где в садах весной птицы нам поют,
Босиком к реке правнуки бегут.

Счастья и любви, мира на земле,
Жить без горя, слёз Родине моей!
В сердце навсегда сторона моя:
Отчий дом, и сад, и мои друзья.

Процветай всегда, Родина моя
Судьбами людей, песней соловья,
Добротой своей, криком журавля.
Процветай и ты, Нетьинка моя!!

ЯНВАРЬ 2020 ГОДА

Сумерки зимние - лужи и слякоть.
Вместе с зимою мне хочется плакать.
Снег почернел, на дороге лишь лужи.
Где заблудились январские стужи?

Снег не скрипит, а течёт по дороге,
Мишке не спится без снега в берлоге.
Вьюги, метели, когда же вы снова
Песню споёте про климат суровый

ПЕРЕД БОЕМ

Солдат вспоминал перед боем в окопе
Свой дом, что стоял у реки,
Как бегал под вечер к Любаше - зазнобе,
На зорьку как шли рыбаки.

В лесу земляника до срока поспела-
Пекла с нею мать пироги.
Вдали так заливисто иволга пела,
А утром - война! В сапоги …

Суровыми стали у мальчиков лица,
Дорога, вокзал, эшелон.
Простились с родными, казалось, что снится.
Всё дальше и дальше перрон.

Пронзительный крик вдруг: «Вернитесь живые,
Пусть пули пройдут стороной!»
А враг наступал, и бои шли такие -
Не каждый вернётся домой!

Не нюхая пороху, жизни не зная,
Рвались те мальчишки вперёд.
Война - мясорубка… Их жизнь забирая,
Фашистский строчил пулемет.

Светало... Проверил патроны, гранаты.
Вдруг иволга вновь за рекой
Привет посылала из дома солдату –
Парнишке, что стал весь седой.

Вздохнул тяжело, карандаш взял, бумагу,
Письмо стал писать дорогой:
«Любимая, знаешь, медаль за отвагу
Вчера мне вручили. Живой!»

Взлетела ракета… «За маму, за деда!»-
Он крикнул и ринулся в бой.
«За землю родную, за нашу победу,
Чтоб каждый вернулся домой!»

НЕ ШУМЯТ БЕРЁЗЫ

Моё детство прошло среди белых берёз,
Что всегда красовались у дома.
Они видели много моих детских слёз,
Да и радость была им знакома.

Я любила сидеть под берёзой двойной,
Мы в обнимку с ней пели под вечер,
Доверяла секреты берёзе родной,
Назначала любимому встречи.

Стал мой волос седой, нет берёз под окном,
Не шумят - их спилили весною.
Боль мою не унять - стало пусто кругом,
Грусть – тоска овладела вдруг мною.

Никогда не забуду любимых берёз,
Что росли в моём детстве у дома,
Не коснусь больше я кроны пышных волос.
Вижу их лишь на фото в альбомах!

ЕЩЁ НЕ ВРЕМЯ

Натянута до боли жизни нить.
Душа черна, но сердце не сдаётся,
А, значит, есть надежда - буду жить!
Хоть тяжело, но что мне остаётся?

Проснётся день под звон колоколов,
Прогонит прочь тоску - печаль и муку,
Очистит душу ветром от грехов,
Ослабит нить, протянет свою руку.

Рванусь навстречу, протяну свою.
Душа жива, хоть и почти остыла.
Земли коснусь и вот уже стою
И чувствую: течёт по жилам сила.

«Бросай хандрить, - скажу сама себе,-
Не время расслабляться, дел так много».
И в пояс поклонюсь своей судьбе
За то, что продолжается дорога!

ГОРОД СЕЛЬЦО

Городок уютный небольшой,
Со своей историей, душой.
Как цветочек аленький в лесу,
Дарит людям всю свою красу.

Ростом он не мал и не велик,
А каких успехов он достиг!
Много в нём живёт достойных лиц:
Мастеров, учёных, мастериц.

И писатели, поэты есть-
Всех достойных и не перечесть.
Прославляют город свой родной
Делом, словом в стороне лесной.

Дарований много в городке…
Он, как лодка, по Десне - реке
Неспеша, под парусом идёт,
Собирая преданный народ

Для свершений новых, для побед,
Для любви и счастья долгих лет,
Для улыбок детских каждый день,
Чтоб от них цвела в душе сирень!!

БУКЕТ РОМАШЕК

Не растеряли счастье по дороге,
Его от глаз чужих мы сберегли,
Текли года, встречались и пороги,
Но сохранить любовь в душе смогли.

Седыми стали, на лице морщинки,
А вот глаза по-прежнему горят:
Ты мне принёс любимые снежинки-
Букет ромашек и влюблённый взгляд.

Любимый дом, родимая сторонка,
В твоих объятьях счастье и покой.
Ты, сердцем молод - я в душе девчонка,
Нам вместе хорошо всегда с тобой.

ДА БУДЕТ ДЕНЬ

Спустилась ночь, казалось, навсегда,
Под паранджой скрывая всё живое,
И не плескалась в озере вода,
И ветер стих - трава спала в покое.

Лишь страх в глазах, ни зги не видно - тьма,
Не слышно птиц, лишь листьев тихий лепет.
И чувствую, что я схожу с ума…,
И всюду ночи чёрной силуэты.

Не знаю, сколько времени прошло,
Вдруг солнца луч проник сквозь мглу в окошко,
Коснулся плеч и дал своё тепло,
Осколки тьмы собрал в своё лукошко.

Рассвет купался в пламени зари,
Переливались росы-самоцветы,
Проснувшись, пели песни соловьи…
Дарила жизнь мне яркие букеты!

Пропал испуг, в глазах вновь виден блеск,
Полно огня, решимости и воли.
Мне новый день принёс эмоций всплеск,
Сбежали прочь ночные страхи - тролли.

ГОРОД НАД ДЕСНОЙ

Посвящается городу. Трубчевску

Много раз с тобой встречались, город над Десной,
И друг другу признавались мы в любви большой.
Вёл свой сказ Баян под гусли, и слагался стих,
Как князь Игорь вёл на битву воинов своих.

Город древний, город славный - старый парк в тени,
Ты с великими на равных, как ни поверни.
Вновь встречаешь хлебом - солью весь славянский род.
На Трубчевском на раздолье пир горой идёт!

Я всегда с тобою в мыслях, город над Десной.
Буду дни считать и числа, встречи ждать с весной,
Чтобы встретится с друзьями в парке на скамье
И послушать песнь Баяна о родной земле!

ЕЩЁ НЕ ВРЕМЯ

Натянута до боли жизни нить.
Душа черна, но сердце не сдаётся,
А, значит, есть надежда - буду жить!
Хоть тяжело, но что мне остаётся?

Проснётся день под звон колоколов,
Прогонит прочь тоску - печаль и муку,
Очистит душу ветром от грехов,
Ослабит нить, протянет свою руку.

Рванусь навстречу, протяну свою.
Душа жива, хоть и почти остыла.
Земли коснусь и вот уже стою
И чувствую: течёт по жилам сила.

«Бросай хандрить, - скажу сама себе,-
Не время расслабляться, дел так много».
И в пояс поклонюсь своей судьбе
За то, что продолжается дорога!

БОЛЬ

Говорят, что время лечит,
Может быть, не спорю я.
Только тяжестью на плечи
Боль ложится, как змея.

Душит медленно, надёжно,
Случай ждёт ужалить вновь,
Яд свой пустит осторожно,
Наблюдает, что с тобой.

Если справишься – отпустит,
Если нет - затянет вновь.
Выжмет соки, яд запустит,
Им наполнит до краёв.

Над собою ты не властен:
Мозг не хочет думать - жить.
Надо вырваться из пасти,
Разорвать той боли нить!

ДЕКАБРЬ

Декабрь снежком порадовал с утра,
Пусть небольшим, но долгожданным, белым,
И стало легче - к нам пришла зима,
Припорошила землю, словно мелом.

Такое чувство - родилась я вновь.
Вдыхаю воздух, что за наслажденье!
Дарю пейзажу зимнему любовь,
В подарок получаю вдохновенье!!!

ТИХИЙ УГОЛОК МОЕЙ ДУШИ

Тихий уголок моей души:
Домик у реки да старый мостик,
Лодка на цепи, где камыши
Шепчут тихо: «Дождались, к нам гости.

Посмотри, купается заря
В нашей речке, как и ты когда-то,
Вечером дорожка янтаря
На воде от пламени заката.

Покосился домик у реки,
Не встречают старики, как прежде.
Бывшие соседи-земляки
В город переехали в надежде

Лучшей жизни. Суета сует.
Кто не смог уехать - на погосте.
С той поры прошло немало лет…
Будешь долгожданной нашей гостьей».

В сердце боль, и слёзы на глазах
От вины, что редко навещала.
До сих пор я слышу в камышах:
«Где ж ты, сиротинка, пропадала?»

Так балуйте, чтите стариков,
Им звоните, приезжайте в гости,
Чтоб потом не плакать у крестов,
Чувствуя вину, на их погосте!!

ОКОНЧЕН БАЛ

Окончен бал, поблекла осень,
Наряд сняла свой золотой,
На плечи плащ сырой набросив,
Ушла с дождём по мостовой.

Озябший голубь на балконе,
Тоска, деревьев нагота:
Последний лист упал в ладони.
Вернулась осень - да не та:

Унылый взгляд и шаг тяжёлый-
Промокла девица до ног.
Исчез азарт её весёлый,
Дрожит и голос - мир жесток.

Людей не видно, не гуляют,
Не восхищаются красой,
Всё чаще у окна мечтают
Под крепкий чай такой порой.

Жизнь - удивительная штука:
Когда блистаешь - рядом все,
Когда упал – ни рук, ни звука,
Дождём осенним смыло всех.

ЗА ОКНОМ

За окном бушует вьюга-
Царствует зима.
Третий день метёт по кругу-
Белые дома.

Намела сугробов горы,
Справила дела
И умчалась на просторы-
На полях мела.

Ах, хорошая хозяйка -
Чисто прибрала,
Прилетела белой чайкой,
Сказку принесла!!!

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Зимы хочу снежной, морозной,
А ночи - безоблачной, звёздной,
Чтоб рядом был милый, желанный,
Как воздух мне господом данный.

Хочу, чтоб случилось вдруг чудо
И снег, белый- белый повсюду,
Вокруг целовались снежинки,
В душе, чтоб растаяли льдинки;

Мороз поработал на славу,
Сковал на реке переправу,
По ней пробежало бы счастье
С браслетом любви на запястье,

Стучало б с надеждой в окошко,
Влюблённым торила дорожку,
Чтоб в сильный мороз, в злую вьюгу
С тобой мы согрели друг друга.

ДРУЗЬЯ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Друзья бывают разные на свете:
Один молчун, другой красноречив,
Бывают взрослые друзья, бывают дети.
С тобой лишь те, кого ты в дом впустил,

Им доверял и жизнь свою, и душу,
Когда был счастлив, иль встречал беду,
Был тот средь них, кто понимал и слушал,
С тобой купался в счастье и в аду.

И был другой, который лишь для вида,
Считался другом и красиво пел,
А в трудную минуту незаметно,
Как дым, растаял, с ветром улетел.

Таких «друзей» терять не жалко, право,
Печально то, что время не вернуть.
Чем раньше обнаружите подставу,
Тем легче будет продолжать свой путь.

ПЕСНЯ ЖУРАВЛЕЙ

Мальчики совсем - по двадцать лет,
Воевать их не учил учитель.
Им бы жить да жить, но есть билет-
Подарил Господь в свою обитель.

Слышу в небе крики журавлей -
Прилетели по весне, на лето.
Это души наших сыновей
Песню ту поют, что не допета.

Не забудем подвиг их вовек,
Что бы в этом мире ни случилось.
Расскажи потомкам, человек,
Что война была, а не приснилась.

Ровным клином в небе журавли
Всё курлычут, не дают покоя,
Погостили дома и ушли,
Наше сердце, захватив с собою.

А весною этих птиц опять
Будем ждать к нам в гости с нетерпеньем,
Души сыновей своих встречать-
Ангелов добра, любви, спасенья.

ПОВОРОТЫ ЖИЗНИ

На лавочке у дома
Старуха и старик.
Картина всем знакома:
Жизнь пролетела вмиг.

Ещё совсем недавно
Их радовала жизнь.
Работали исправно
Учитель, машинист.

Теперь пенсионеры,
Их головы в снегу.
Не сделали карьеры
И жили на бегу.

Старались, чтобы дети
Смогли жить лучше их,
Чтоб мир был на планете
Без злобы и чужих.

Но жизнь так повернула-
Затянут поясок:
Детей в дугу согнула,
Продлён до пенсий срок…

ВИТАЛИЙ СМАЛЬКОВ

Смальков Виталий Михайлович родился в 1948 году в Винницкой области республики Украина. До 1991 года проживал в Таджикистане.

Окончил политехнический техникум и юридический факультет университета в городе Душанбе. Работал судьей, прокурором города Сельцо. Полковник юстиции в отставке.

Литературным творчеством увлекается с юношеских лет. Тематика его стихов разнообразна. Стихи и басни публиковались в альманахе «Парус», в газете «Сельцовский вестник».

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

* * *

Удивила нас природа
В этот год крысиный:
Снега мало с небосвода
Весь период зимний.

Припорошит поутру
Узкие тропинки,
И порхают на ветру
Легкие снежинки,

И покрыты коркой льда
Небольшие лужи.
А мороз лишь иногда
Между сосен кружит.

А Ф Г А Н

В любом краю, в посёлке, деревеньке -
По всей стране с фасадов школ глядят
Глаза мальчишек: Коли, Вани, Женьки…
С Афгана не вернувшихся ребят.

Твердят теперь с экранов неустанно:
Ошибка - та афганская война,
Но до сих пор не заживает рана,
Которая всем нам нанесена.

Погибшим дела нет до жарких споров,
Кто, почему в их смерти виноват.
Скорбь матерей уляжется не скоро -
Тоска и боль сынов не воскресят.

Тревожит память, в те года уносит,
Читает приговор свой, как судья.
Кто матерям ответит, если спросят,
За что Афгане гибли сыновья?

Зачем, оставив край родной, любимый,
Ушли топтать песок чужой земли,
А возвратились песней журавлиной,
В бессмертие героями вошли!

И много почему, но нет ответа!
И так ли это важно для страны?
Промчались годы. Старая газета -
Привет от сына - слёз глаза полны.

Когда же мы поймём войны уроки?
Несёт она с собою боль и смерть
И позднего раскаянья потоки,
Нам не помогут боль преодолеть.

Так помните историю России,
На прошлое её бросая взгляд,
Солдаты Родине нужны живые,
И чтоб вернулся каждый из ребят.

* * *

Судьбой дано, что Родину и мать
Не могут люди сами выбирать.
Приходим в мир - они уж есть,
А с ними - правда, совесть, честь.

И через них мы познаём,
Где наш исток и где наш дом,
И что такое шар земной,
Что называется страной?

И прививают они нам
Любовь к родимым берегам,
Стремление к своей мечте,
К душевной русской красоте.

Они нас учат гордо жить,
Отважным, сильным, честным быть
И даже в тяжкие года
Не предавать их никогда.

Да, мать и Родина - одна
Народа нашего душа и глубина.
Их не разъять, не разделить,
И если это будем чтить,
То, значит - нас не победить.

* * *

На улице опять сегодня дождь
Стучит по окнам, крыше и скамейке.
И в душу он нашел лазейку,
Хотя его не ждешь, и не зовёшь.

Дождинки те пульсируют в крови,
И по щекам бегут, по подбородку,
Смывая след исчезнувшей любви
И образ твой, и чудную походку.

А дождь сильней - нельзя остановить.
Нам чувства неподвластны и природа.
Мы прошлым продолжаем жить,
Ища защиту в нём от непогоды.

ИРОНИЧНЫЕ СТИХИ НА СЕРЬЕЗНУЮ ТЕМУ

Давно, во времена застоя,
Наш люд, не ведая покоя,
За импортом гонялся по стране,
Не думая о деньгах и цене.

Теперь исчез на импорт дефицит.
Любой ларек товарами забит.
Заморского и своего хватает сала,
Да людям легче от того не стало:

Нет, не пропал на сало аппетит -
Вот только от цены в глазах рябит.

* * *

В тайге строят космодром,
Как пирог, он сладкий.
Гнус роится там кругом,
На чужое падкий.

Возвести в тайге объект -
Дело непростое.
Криминальный, жаль, субъект
Не даёт покоя.

Если дальше так пойдёт -
Не взлетит ракета.
Гнус таежный, он сожрёт
Даже три бюджета.

Как же гнуса победить?
Перестать ему платить!
И тогда, само собой,
Он найдёт объект другой.

Да, не лучший выход это,
Но взлетит хотя б ракета!

ОБЕД ПО-ОМСКИ

Публично заявил наш президент:
« Не доедает школьный контингент.
А если в животах урчит,
То Муза вряд ли зазвучит».

Бесспорный и весомый аргумент.
Чиновники откликнулись в момент.
Так в Омске издан был приказ:
«Всё детям, лучшее – сейчас!
 Для них не жалко НИЧЕГО –
По пять рублей на одного».

Вписалась оговорка между строк,
Не всех накормят досыта и впрок.
Подкинут тем, кто бедняки,
Чуть-чуть с заевшейся руки.

На пять рублей наелись – тянет в сон.
Учебному процессу лишь урон.
Заснула совесть у чинуш,
С других доплату взяли – куш.

Еду по этой «сказочной» цене,
Едят и в Омске, и по всей стране.
Нет голода – наелись все
И не урчит живот совсем.

Бумага для чиновника приказ:
Шаг влево, вправо и расстрел подчас.
Казну беречь – был дан наказ,
Чтоб был для премии запас.

Указ исполнен, даже его дух.
В тарелке вместо мяса только пух.

ПО СЕНЬКЕ ШАПКА

Мой друг чуть уязвил меня:
"Ты не того взнуздал коня,
Так резв, и непоседлив конь,
И полыхает, как огонь.

Кобыла та тебе под стать,
На ней ты сможешь даже спать.
Спокойный нрав, без тряски ход,
На ней плывёшь, как пароход».

Друг, вероятно, мой и прав:
Мне не по сердцу крутой нрав,
А с ней плывёшь, как пароход,
И никаких тебе хлопот.

Таится парадокс внутри:
Всё тело спит – душа горит.
Когда же вздыбится волна,
Душе потребна тишина.

Да, на кобыле дольше уцелеешь,
Но не живешь тогда, а тлеешь!

* * *

На костюм попали пятна:
Некрасиво, неопрятно
Состояние такое -
Не найти никак покоя.

Но грустить не торопись,
Погляди-ка лучше ввысь.
И на солнце много пятен,
Но как пятен вид приятен.

И царапина не рана.
Жизнь обширна, многогранна.
С одной смотришь стороны -
Все изъяны в ней видны,

Глянешь под другим углом -
Радость, красота кругом.
Забываешь про печали,
Что терзали так вначале,

И с азартом трешь пятно,
Чтоб быстрей сошло оно.
И душе опять приятно,
Что на солнце только пятна.

НЕУДАЧЛИВЫЙ ГРИБНИК

(Юмореска)

Ноги стёр я все - до пят.
Нет ни белых, ни опят.
Может, в чём-то виноват
Перед лесом – мне не рад.

Поиграть решил со мной?
Гриб отыщешь - ты герой!
Даже дождичек грибной
Шёл поодаль стороной.

У других грибов полно,
У меня пустое дно.
А на дне в моей кошёлке,
Только колкие иголки.

Стало мне всё ясно, вдруг -
Зря брожу, за кругом круг.
Не грибной, видать, денёк,
Либо сам грибник «пенёк»?

Что за хвост кота водить.
Без грибов придётся быть.
По дороге шёл домой,
Свежий воздух пил хмельной!

ГАЛИНА СОЛОНОВА

Солонова Галина Алексеевна родилась в 1948 году на Брянщине. Работала в системе народного образования на разных должностях.

Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Автор шести сборников рассказов. Печаталась в Брянской периодике (газеты, альманахи, журналы), а также в Российских журналах «Муравейник», «Странник», «Подъём», «Воин России». Победитель и лауреат нескольких интернет-конкурсов. Член Союза писателей России, член Международного Союза писателей и работников искусств. Активный участник литературного объединения «Парус».

СИЛА ДУХА, СИЛА ВОЛИ

Рассказ-очерк

Чтобы знали, чтобы помнили и гордились.
75-летию Победы в ВО войне посвящаю.

Ноябрь тысяча девятьсот сорок второго года. Шли последние минуты перед отправлением поезда из города Вольска Саратовской области на фронт.

- Мамочка, не плачь. Всё будет хорошо, – утешала дочь. – Таких, как я, девчонок-санинструкторов, много. Будем гнать поганого врага с земли нашей. Вернёмся с победой, заживём счастливо.

Поезд тронулся. Слёзы Анны Васильевны сушил колючий осенний ветер. «Что ждёт там, на фронте, мою «кровиночку»? Выдержит ли? Увидимся ли ещё?» – рыдала душа.

* * *

Гитлеровские полчища рвались к Сталинграду, к Волге, а дальше на широкий Дон, на хлебную Кубань, на богатый Кавказ. Сержант медицинской службы Зинаида Маресева была направлена на фронт под Сталинград и назначена санинструктором санитарного взвода первого батальона двести четырнадцатого стрелкового полка семьдесят третьей стрелковой дивизии.

В нечеловечески тяжёлых условиях развернулась борьба за город имени Сталина. Град пуль, разрывы снарядов, ураганный артиллерийский огонь. Здесь, у стен Сталинграда, на Волге, шло ожесточённое сражение. «Это тебе не отрабатывать упражнение выноса раненого под проливным дождём, – вспомнила Зина занятия на медицинских краткосрочных курсах. – Тут в миллион раз покруче», – бросилась на землю и поползла к раненому бойцу. Грохот орудий закладывал уши, летела земля, того и гляди, присыплет тебя навсегда, а она ползёт и ползёт от одного раненого к другому, перевязывает кровавые раны, тащит солдат к окопам, ближе к переправе на Волге. Страшно? Да некогда думать об этом. В голове одна мысль: хватит ли индивидуальных медицинских пакетов.

- Эка, угораздило тебя, милый. Ноги разбило – ни встать, ни ползти, – шептала Зина, взваливая на себя очередного раненого молодого бойца.

- Брось меня, сестричка, тяжело тебе, не дотянешь, – прижимая к груди винтовку, отвечал солдат.

- Дотяну, не сомневайся. На цементном заводе приходилось мешки с цементом тягать, – вспомнила девушка Вольский завод «Большевик», где пришлось до начала войны трудиться браковщицей.

- Откуда в тебе столько силы, сноровки и воли? – ласково глядя на Зину, в минуту затишья, спрашивал начальник медицинской службы, сообщая о присвоении девушке звания старшего сержанта медицинской службы.

- Мой папа колхозник, и я из деревни. У нас там все, как я.

Вот такое было боевое крещение у Зинаиды Маресевой. Не считала, скольким бойцам она спасла жизнь. Гораздо позже узнала, что их было шестьдесят восемь…

Продолжались бои на Воронежском фронте. Зинаида, как всегда, находилась на передовой, ползком пробиралась к тяжело раненным, делала перевязки, выносила их в укрытия. «Наш ангел-хранитель» – так называли бойцы свою медицинскую сестричку. Для каждого у неё находилось ободряющее и ласковое слово.

- Ничего, рана твоя затянется быстро. Вот только перевяжу и потащу тебя в укрытие. – Зинаида укладывала бойца на подстилку и приговаривала, – какой ты сильный, в землю упираешься ногами, и мне совсем легко…

- Потерпи, милый. Твою перебитую руку я зафиксирую с помощью вот этой небольшой палочки. (Не было шин для неподвижной повязки, но Зина научилась находить выход из затруднительных положений.) – И ногу твою сейчас перевяжу, – быстро и ловко она орудовала бинтом, ватой. – Ну вот, пробуем встать на здоровую ногу, обними меня здоровой рукой – прекрасная парочка, пошагали рядком. – Заулыбался боец…

- Ты что, умер? – подползла Зинаида к неподвижно лежавшему молодому солдатику с закрытыми глазами. – Нащупала слабый пульс на запястье. Через гимнастёрку у плеча сочилась кровь.

- Больно, – чуть слышно прошептал боец, открывая глаза.

- Ничего, миленький, рану сейчас перевяжу, и тебе станет легче. Вон, какой ты красавец! Держись, небось, девушка ждёт твоих писем. – Паренёк едва покачал головой из стороны в сторону. – Что нет её? Хочешь, я буду твоей девушкой? – Он утвердительно едва качнул головой, благодарная улыбка проскользила по его лицу. – Вот и всё: рана скоро заживёт. Поправляйся. Не забудь: зовут меня Зина Маресева…

Тридцать восемь солдат и офицеров вынесла на этот раз с поля боя хрупкая, но сильная волей и духом девушка.

«Мамочка, милая моя! – писала Зина в письме. – Как я рада вашей весточке! Я жива, здорова, воюю. Сколько хороших ребят и девчат положил подлый враг на земле нашей. Я видела сожжённые и разграбленные фашистами сёла, детей, оставшихся без матерей… Но враг знает, что для нас Родина – это светлое будущее! И мы с честью выполняем приказ: «Ни шагу назад! Вперёд на врага!»… После уничтожения Сталинградской группировки правительство оценило наш труд и присвоило нашему полку звание Гвардейский, а поэтому я буду драться, звание оправдаю с честью… Мы движемся на запад».

Первого августа тысяча девятьсот сорок третьего года двести четырнадцатый гвардейский полк получил приказ форсировать Северный Донец в районе города Белгород.

На высотах правого берега фашисты занимали господствующее положение. Да ещё подступ к этому берегу был густо заминирован. Приказ командира полка знали все гвардейцы: «Форсировать Северский Донец». Тысячи снарядов, сотни бомб, непрерывный огонь противника.

И снова линия огня. «Ползти змеёй, карабкаться пауком, любым способом добраться до цели, уберечь от смерти, спасти для жизни», – со словами утешения и поддержки, с проклятиями в адрес ненавистного врага делала Зина перевязки, тащила раненых в безопасное место. После ожесточённого боя к концу первого дня гвардейцы заняли небольшой плацдарм на правом берегу. Наступила темнота. На переднем крае затихала ружейно-пулемётная стрельба. «Вот бы такую тёплую августовскую ночь да в мирное время», – подумалось Зине. Она перевязала раненому окровавленные ноги, положила свои ладони на его грудь, прошептала:

- Держись. Скоро прибудет подвода, на которую тебя погрузят.

Сколько силы, мужества и стойкости было в этой хрупкой девушке, она и сама не знала, не думала, а переправляла и переправляла раненых на левый берег реки.

Пришёл следующий день. Контратаки немцев на позиции первого батальона были особенно сильными, особенно настойчивыми. Противник предпринял восьмую решающую контратаку при поддержке сильного артиллерийского огня. С ужасом Зинаида поняла, что фашистам удалось обойти левый фланг первого батальона. Она видела: взмахнув руками, упал командир. Заметила, как оборонявшаяся здесь группа бойцов после неравного боя стала отходить к реке. «Что же они делают? Куда они отходят? – ужаснулась девушка. – Раненые солдаты, укрытые в траншеях и блиндажах, надеются, ждут эвакуации на левый берег реки! Все мои усилия по их спасению пропадут!?» – взорвала голову тревожная мысль. С непреодолимой силой подхватилась она с земли, выпрямилась во весь рост и, стреляя из пистолета вверх, стрелой понеслась наперерез отходившим бойцам.

- Куда-а!? Стоя-я-ть! – отчаянный звонкий голос Зины изумил солдат. – Ни шагу назад! – Опешили бойцы. – Вперёд! За мной! – продолжала она кричать и стрелять. – Опомнились солдаты и с криками «Ура-а! Ура-а-а ! бросились за девушкой вперёд в атаку на врага.

Жаркая была схватка, которой руководила двадцатилетняя Зинаида Маресева. Потом подсчитали: уничтожено сто пятьдесят гитлеровцев, захвачено восемь пулемётов, два миномёта, двадцать гранатомётов. Контратака была отбита. А Зина продолжила выпол-

нять своё главное дело – перевязывать раненых, выносить их с поля боя.

День заканчивался, бой продолжался – и никакой передышки. Маленькая радость согрела душу: сапёры пешеходный мост построили через реку.

- Александр Евгеньевич, мостик! Чудо-мостик! – по-детски выражала медицинская сестричка свою радость санитару Бузыканову.

Пешеходный мост придал Зинаиде новые силы. Всю ночь переправляла она по мосту на левый берег Северного Донца раненых солдат, нашёптывая им, какую чудесную переправу соорудили сапёры… К утру артиллерией противника мостик был разбит…

Положение спасли две лодки. Зинаида затаскивала в лодку раненых солдат и сама бралась за вёсла. Грести она умела – её отец ещё в детстве научил. «Только бы скорее живыми добраться до берега!» – сквозила в голове одна и та же мысль.

Зина торопилась. Предстоял очередной рейс через реку. В лодку уложили раненого командира батальона, которого она последним вынесла с поля боя.

- Как зовут тебя? – слабым голосом спросил командир.

- Зина Маресева, – ответила девушка, торопливо погружая вёсла в воду.

Отплыли от берега – над лодкой пронёсся снаряд и вонзился в берег реки. «Быстрей, быстрей греби!» – командовал Зининими руками её отчаянный мозг. Уже середина реки – свистели пули вокруг лодки. «Быстрее! Ещё быстрее! Почти берег!» – ликовала душа. И вдруг… Речная вода взвилась высоким фонтаном. Зина упала на раненого, прикрыв его своим телом. Вражеский снаряд разорвался рядом с лодкой, вонзив в спину девушки свои смертоносные осколки… У переправы раненых положили в машину.

Во время операции Зина на какое-то время пришла в сознание. Она открыла глаза и тихо прошептала:

- Мамочка, папочка, братик, сестрички, я люблю вас. Родину люблю. Жить хочу…

Так и не узнала Зина, что за два дня боёв вынесла из-под огня шестьдесят четыре раненых бойца, а вместе с санитаром Александром Бузыкановым переправила через реку пятьдесят восемь.

* * *

Зина Маресева живёт. Живёт в памяти спасённых ею бойцов, боевых друзей. Память о ней хранят их благодарные дети, внуки и правнуки.

Родина высоко оценила боевые заслуги Зины Маресевой. Она была награждена медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды, удостоена звания Героя Советского Союза.

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

Стоит Валентина на широкой дороге, что ведёт к автобусной остановке, вглядывается вдаль и видит сына. Она срывается с места и, распахнув руки, бежит навстречу. В горле пересохло, но из всех сил кричит хриплым голосом «Сына, Сашенька, сыночек!» Саша бежит ей навстречу, вот-вот Валентина наконец-то прижмёт его к груди. Неожиданно видение рассеивается как дым. Вся в поту, тяжело дыша, женщина просыпается. Много лет снится ей один и тот же сон.

Смахнув слезу, Валентина встаёт и в ночной рубашке, надев наскоро шлёпанцы, выходит на улицу. Звенящая тишина сентябрьского утра пугает. Взгляд её с надеждой скользит вдоль дороги. Нет, никого нет. Прохлада окутывает плечи, заставляя вернуться в дом, чтобы согреться под тёплым одеялом. В тысячный раз вспоминает Валентина тот день, когда ей сообщили, что… Что произошло? Почему сын, ушедший в увольнение, не вернулся на корабль? Сколько было вопросов капитану, сколько подавала запросов на розыск! Был один ответ: пропал без вести. «Жив? Или его косточки давно на дне морском?» – спрашивала и у экстрасенса, и у батюшки в церкви. «Жив он, – говорили они одно и то же. – Только тяжело ему вырваться оттуда. Жди. Встреча будет». Вот этим и живёт Валентина уже десять лет.

- Вот такая непутёвая жизнь моя. С самого начала не заладилась, – всхлипнула Валентина, уткнувшись в подушку. – Воспоминания унеслись далеко-далеко в прошлое. Будто кому-то близкому доверяет она свой рассказ. – Тогда мне было всего-то двадцать один год. Михаил на семь лет старше. Он всё настойчивее стал оказывать знаки внимания: то до электропоезда проводит после рабо-

ты, то встретит (сам-то он был не местный, в общежитии жил рядом с радиозаводом), чтобы вместе на работу пойти, то букетик цветов подарит – найдёт повод. Окружающие стали воспринимать нас как жениха и невесту. На выходные приезжал в посёлок, где мы с мамой жили в небольшом домике. Матери Михаил понравился: казался деловым, к тому же не пьёт, не курит.

- Чего ждать, Валентина! Любит он тебя. Выходи за него замуж.

- Мама, не уверена я: есть ли у меня эта любовь.

- Стерпится – слюбится. Вон как с огородом лихо разделался. А то нарвёшься на какого-нибудь пьяницу.

Расписались. Приличную свадьбу сыграли. Да, не курил, не пил, но страсть у него какая-то нездоровая была к охоте и рыбалке. В частном доме жить – работы полно: дров наколоть, воды наносить, огород привести в порядок, забор починить. Я уже беременная была. А у Михаила, как только выходной день – рыбки, птички и зверюшки.

Сын родился – особого интереса к моим желаниям, трудностям муж не проявлял. Одно у него было: рыбалка – охота, охота – рыбалка. А мне хотелось жить и радоваться жизни: ходить под ручку с мужем в кино, в гости подруг приглашать, чтоб на прогулке он катил детскую коляску, в которой сын, а я бы рядом шла… Ох, как обидно мне было! Он со своими интересами, а я всё одна и одна, – прошептала с горечью Валентина. – Сын подрастал, в детский сад можно было его устроить, самой на работу хотелось вернуться, так нет же: «Дома сиди, ребёнка воспитывай». Главное, и мать его поддерживала. Кого-то из женщин устраивало такое семейное положение, а я, – Валентина, почувствовав боль в груди, глубоко вздохнула, затаила дыхание, – кажется, прошло. А я, – мысли опять вернулись в своё русло – я задыхалась в такой обстановке. На работе всегда была заводилой добрых дел: активная участница самодеятельности, организатор проведения календарных праздников, стенгазету цеховую с девчонками выпускали… Вот и решилась: написала письмо в посёлок Полярный, где жила моя двоюродная сестра. Обстановку и душевную боль свою изложила. Ответ быстро получила: «Жду, Приезжай!» И что вы думаете, – продолжала рассказывать женщина свою историю незримому собе-

седнику, – собрала самое необходимое сыну и себе да с небольшой сумкой уехали. Правда, матери записку оставила.

Сестра была рада нашему приезду. Месяц прожили в её однокомнатной квартирке. Я на работу устроилась на подсобную работу в магазин, Игорька в садик определили. Наверно, осуждаете меня: не скучала я ни по мужу, ни по дому. А тут звонок неожиданный. Приглашают нас с сестрой и Игорьком в поселковый совет. Явились, прямо в кабинет председателя:

- Кто же из вас беглянка? – внимательно вглядываясь в наши лица, спросил он.

- Я, – затаив дыхание, сказала тихо.

- Иди, разбирайся. Мать с твоим мужем приехали за тобой.

Всё, что наболело – всё высказала. А он – бух на колени:

- Прости, не могу без вас жить. Всё будет по-другому. Поехали домой. Поглядела на маму, а она жалостливо так смотрит то на меня, то на него, то на внука. Сердце защемило, ехать велит, а мозги – против. Долго собираться не пришлось, в этот же вечер уехали. Обняла меня сестра на прощанье, на ухо шепнула:

- Надумаешь – возвращайся.

Не поехала бы с ним мама за нами, но случай заставил. Через две недели после нашего с сынишкой отъезда, Михаил серьёзно заявил матери, что не перенесёт разлуки с сыном и женой, жизни себя порешит, если мы не вернёмся через неделю.

Вернулись. И что же? – Валентина тяжело вздохнула. – Забыл муж все свои клятвы и обещания. Через два дня (выходной день это был) Михаил собирался на вечернюю рыбалку, а я в магазин пошла да задержалась: давнишнюю знакомую встретила, не заметила, как минут сорок прошло за разговорами. На рыбалку не пошёл, дождался и допрос учинил мой муженёк: «Почему так долго? С кем была? Почему без Игорька пошла?» С тех пор чуть из дому отлучусь, допрос с пристрастием устраивал. Дошло до того, что уходя на работу, на замок нас с Игорьком закрывал. Не доходило до его мозгов, что мы с сыночком через окошко выходили во двор. А как иначе? Лето наступило. Ребёнку простор и свежий воздух нужен. Мать сначала молчала. Страдания мои и унижения сердце её томили. Не выдержала она и однажды утром, собираясь на работу, шепнула:

- Пьяница проспится, дурак – никогда. Деньги под моей подушкой. Уезжай!

Собрались мы с Игорьком быстро. Записку написала: «Не ищите. Не люблю я тебя, Михаил. На развод подам сама. Устраивай свою жизнь».

Сестра опять нас приняла. Работа нашлась охранником на судоремонтном заводе. Сынишку в детский сад определили. Через три месяца нам с Игорьком комнату дали в финском домике. Я на курсы продавцов пошла. Люди вокруг хорошие, все за одно, друг другу помогают. Душа моя оттаяла. Живу, жизни радуюсь.

Через год, весной, мать сообщила о своём недомогании. Опасалась, что одна огород не одолеет. Взяла я отпуск, да в начале мая приехали с сыном к маме. На огороде все втроём трудимся: картошку сажаем. Племянница мамина прибежала: на нас посмотреть и на свой день рождения пригласить. Отказать неудобно – пришли мы с Игорьком. Гости все уже за столом сидят, Михаил среди них. Смотрят все с любопытством то на нас, то на бывшего благоверного. Он быстро вскочил, а рядом сидящая дама за рукав его схватила. Отдёрнул он руку и к нам подбежал, сына на руки поднял, себе на колени посадил. Дама была очень недовольна. Улучив минуту, когда я вышла из-за стола, она устремилась за мной. Я – на крыльцо, и она – вслед:

- Что, за Михаилом приехала? Увезти его хочешь? – гневно нахмурила она брови. – Зря я, что ль ублажала его почти год? Не отдам!

Не выдержала я, расхохоталась:

- Я рада, что жизнь он свою устраивает. Препятствовать не стану. Бери, пользуйся!

(Усмехнулась Валентина, вспомнив этот эпизод.) И тогда я в полной мере ощутила своё счастье, счастье свободы, будто из плена вырвалась: никто меня не упрекает, не унижает, свободна и сама себе хозяйка. Так и жили мы с сыночком. Время шло, он подрастал, я уже продавцом работала, а потом заведующей магазином. Судьба преподнесла нам новый поворот в жизни.

Игорёчку семь лет исполнилось. В школу в первый класс мы собрались. Идём по дороге, все дети нарядные, радостные, а мой Игорёк насупился, разговаривать не хочет со мной.

- Сыночек, что случилось? В школу не хочешь идти?

- В школу я хочу. Только вон из нашей группы Сашунька с папой идёт, и Никитка, и Натуська. У всех есть папа, только у меня нет.

Карие глазёнки его увлажнились, носиком шмыгнул, чтоб слезу не пустить, а сердце моё болью зашлось. Впервые почувствовала себя виноватой перед сыном. В ту ночь не спала, всё думала, кто из знакомых мужчин подошёл бы на роль папы для Игорька, да всё что-то не «срасталось». Потом оказалось, сын ситуацию взял в свои руки. Как только выходной, Игорёк отпрашивался погулять. Думала: ребёнку семь лет, вполне можно на улицу отпустить без присмотра. И в тот день ушёл. Два часа прошло, время к обеду двигалось, забеспокоилась. Только собралась идти искать сына, как дверной звонок раздался. Открываю, сын стоит, а рядом – мужчина в военной форме. Растерялась, думаю, набедокурил сынок. А он с порога радостно сообщил:

- Мама, я папу себе нашёл. – Снимай, папа, шинель, – и погладил ладошкой два ряда блестящих пуговиц.

Растерялась я. Смотрю в испуге на незнакомца в погонах, вымолвить слова не могу.

- Да вы не переживайте. Разберёмся. Николаем меня зовут, на подводной лодке служу, – представился он.

- Мойте руки, – овладела, наконец, я собой, – будем обедать.

За обедом Игорёк был оживлённый, довольный. О школьных делах рассказывал. На диван пересели – игрушки, книжки свои показывал, да всё с комментариями. Наконец, притомился и задремал.

- Валентина, мне о вас сын всё рассказал. А я – иду через мост, вижу издали, мальчишка стоит, в лица прохожих вглядывается. Часто его у моста видел. Очень им заинтересовался. Сегодня спросить решил:

- Не заблудился ты, мальчуган?

- Нет, не заблудился, – отвечает.

- Ждёшь кого-то?

- Жду,

- Кого же?

- Вас. – В глаза мне пристально смотрит, молчит. И вдруг спрашивает: «А вы можете быть моим папой?»

- Голова моя закружилась. Мне тридцать пять, у меня ни жены, ни детей, а тут готовый классный пацан.

- И что же? Как теперь будем выходить из положения? – вымолвила я со страхом.

- А вы красивая, Валентина, не обманул меня Игорёк, – откровенно разглядывая меня, сказал Николай. – У меня впереди месяц отпуска. Буду встречать мальчика из школы, проводить с ним время до вечера, поджидать вас с работы.

Я молча согласилась, кивнув головой. А сама подумала: «Видно, Господь послал мне этого мужчину». Через две недели по обоюдному согласию Николай остался у нас на ночь, а ещё через две недели мы расписались и проводили с Игорьком его в море. На пристани Игорёк махал руками и громче всех кричал:

- Папа! Возвращайся скорее! Мы тебя любим и будем ждать!

Дни ожидания, когда Николай нёс службу на подводной лодке, конечно, были тягостными и тревожными. Зато радостные встречи и проведенное вместе время – это жизнь, полная счастья. Одно огорчало: не было у нас с Николаем общего ребёнка. Не я виновата, у него были проблемы. В Игорьке души не чаял Николай. Сын гордился своим папой и часто рассказывал друзьям, какой он добрый, умный и смелый. Не ожидала я, что познаю настоящую любовь. Как только наступал отпуск, мы всей семьёй отправлялись в путешествие по лучшим маршрутам нашей страны, на Чёрном море каждый отпуск отдыхали. Пятнадцать безоблачных лет пролетели. Сын окончил морское училище. Радистом по стопам папы пошёл. Начал службу на корабле нести. В полной мере познала радость встреч с сыном и мужем, когда они возвращались из похода. Да, видно, кто-то крепко позавидовал нашему счастью. Беда пришла. – Валентина прижала ладони к глазам, хотела сдержаться да не смогла: дала волю слезам и бабьим причитаниям:

- Погиб геройски мой Коленька! Сослуживцев спасал в горящей подводной лодке! Орден За отвагу посмертно вручили-и-и! До сих по-о-р эта награда душу обжигает! Мало мне было горя!? Господи-и-и! – Валентина вскочила с постели, упала на колени, подняла руки, – за что вскоре ты мне новое испытание посла-а-л? Сына-а отобра-а-л! Столько лет в неведении! О-о- ох! Как жить-то мне дальше-е!?

Валентина рыдала долго, горе сковало её грудь. Наконец притихла. Не вставая с коврика, задремала, уткнувшись головой в ладони, время от времени громко всхлипывая. Материнский домик,

куда она вернулась после горестных событий, хранил её сон. А старенькие ходики своим «тик-так» напоминали: время движется неумолимо…

Сквозь дремоту Валентина услышала осторожный стук в оконное стекло. Подняла голову, прислушалась. Стук повторился. Нехотя встала, тяжёлой походкой подошла к окну. Незнакомая внешность мужчины с аккуратно подстриженной бородкой смутила Валентину. Незнакомец распластал широкую ладонь на стекле и молча, будто замер, глядел на женщину. Она всматривалась в его глаза, не в силах отвести взгляд. И вдруг, будто ток пронзил её тело.

- Сыно-о-ок! – громко вырвалось из материнской груди.

ВЕРА ТАРАСЕНКО

Тарасенко Вера Ивановна родилась 26 апреля 1939 году в городе Бежица Брянской области. В 1960 году окончила Клинцовское педагогическое училище и работала музыкальным руководителем в детских дошкольных учреждениях.

В силу жизненной необходимости побывала во многих уголках Советского Союза, а также в ГДР и ВНР. Впечатления от походной жизни отразила в поэзии и прозе. Всё написано с оптимизмом, для души и близких по духу людей.

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

КАФЕ «ДИКИЙ КАБАН»

К Восточному железнодорожному вокзалу Берлина подкатил военный «газик» из которого вышло трое: молодая женщина с цветком в руке и двое мужчин в гражданской одежде, под которой угадывалась военная выправка. Смеясь, они проследовали к кассе. Вслед за ними, с двумя чемоданами, шёл шофёр. Поместив багаж в камеру хранения, водитель, пожелав хорошего отпуска и откозыряв, поспешил к машине.

Билеты были взяты, но время до поезда позволяло прогуляться по вечернему Берлину, поэтому троица не спеша отправилась на прогулку, сулившую знакомство с малоизвестными достопримечательностями города. Вдали показался ярко освещённый трамвай. Он, звеня, подходил к остановке. Маршрут его пролегал из восточной в западную зону. Пассажиров всегда было достаточно, потому что многие горожане ездили к родственникам или спешили на вечерние развлечения.

- А что, может, прокатимся в Западную зону, посмотрим на капитализм? – предложила вдруг женщина.

- Вполне возможно, - взглянув на часы, сказал один из мужчин, а другой, потушив папиросу, согласно кивнул, и все трое поспешили войти в трамвай.

Оплатив проезд, они вышли на первой же остановке в Западной зоне. Из открытых дверей разнообразных гаштетов, зазывающе неслась музыка, и развесёлый говор уличных гуляк. Вся эта ночная жизнь создавала иллюзию нереального мира, который при дневном свете превращался в обычный, со всеми житейскими заботами. Но сейчас всё сверкало, звенело, шумело и приглашало забыть обо всём и окунуться в атмосферу удовольствий. Внимание троицы привлекло чучело дикого кабана, стоящего около хорошо освещённой двери с вывеской «Дикий кабан».

Помещение, в которое они вошли, было небольшим и умеренно заполненным посетителями. За простыми деревянными столами сидели любители пива и курительных трубок. На стенах висели картины, изображающие моменты из охотничьей жизни. А около стойки на видном месте красовались какие-то наградные листы, которыми, судя по всему, гордился хозяин этого заведения. Это было видно потому, как, обмахивая их специальной щёточкой, он победно посматривал на сидящих.

Вошедшие, оглядев зальчик, выбрали небольшой столик, стоящий недалеко от входа, и расположились под внимательным взглядом уже подскочившего к ним официанта. Он принял заказ, состоящий из фирменных немецких сосисок и пива, отошёл к стойке и что-то шепнул хозяину. Тот неспеша подошёл к ним и поприветствовал на русском языке, а когда официант принёс заказ, то пожелал им приятного аппетита и деликатно удалился.

Увидев, что гости закончили есть и принялись за пиво, он снова подошёл и стал болтать на своём языке. Потому, как на них стали обращать внимание завсегдатаи, увидев их бесцеремонные взгляды и ухмылки, русским стало понятно, что владелец кафе в их адрес отпускает какие-то двусмысленные шутки. В это время вошёл новый посетитель, и хозяин кинулся к нему навстречу подобострастно кланяясь. Это был американский солдат. Он прошёл к столику, стоящему недалеко от входа, и сел небрежно развалясь, высокомерно оглядывая всех. По движению руки хозяина, подскочивший официант поставил на стол деревянный ящичек. А солдат достал из кармана бумажный пакет, и все трое, наклонившись стали

что-то негромко обсуждать. Вскоре содержимое пакета перекочевало в ящичек, и официант унёс его с довольным видом, а хозяин, угощая американца пивом, стал шептать ему что-то, поглядывая на русских. Тот, внимательно оглядев сидящих напротив, задержал свой взгляд на даме и, бесцеремонно оглядывая её, отпустил что-то очевидно пошлое. Все присутствующие заулыбались, после чего стало ясно, что назревает скандал. Чтобы этого не допустить, женщина неожиданно встала и подошла к пианино, стоящему близ стойки.

Сильные аккорды взорвали напряжённую атмосферу подвальчика. Грозно грянула мелодия из песни «Священная война».

Оторопевшие немцы, которым наверняка была знакома эта мелодия по Восточному фронту, вскочили и замерли. Американец, не совсем понимая, что происходит, растерянно оглядывался. Также внезапно женщина оборвала игру и, громко хлопнув крышкой пианино, с гордо поднятой головой пошла к двери. За ней последовали мужчины. Поравнявшись с американцем, один из них вдруг резко командирским голосом рявкнул: «Встать»! Подчиняясь стальной команде, солдат вскочил и приложил руку к пилотке.

Выходящая на улицу троица услышала оглушительные аплодисменты, несущиеся им вслед. Некоторое время пройдя молча, женщина, а потом и мужчины, вдруг захохотали, вспоминая немую сцену в подвальчике.

Вскоре очередной трамвай доставил их в Восточную зону. На вокзале они забрали свой багаж, весело устремились к поезду, уже готовому везти их домой, в Россию, где ждали родные и друзья.

ГДР 1960 г.

СКАЗОЧНАЯ ИСТОРИЯ О ТАПКАХ, ВНУКАХ И ВЕСЁЛЫХ КАНИКУЛАХ

Тёмно-серого и сиреневого цвета тапки всегда лежали в тёмном углу обувной полки. Они ждали гостей. Чаще всего это были Даша и Даня. Внуки, как всегда, собирались у бабушки на каникулах. Эти весёлые, бесшабашные подростки носились по всему дому то в тапках, то без них. Часто можно было слышать:

- Даня, надень тапки!
- Даша, пол холодный!

- Даня, где твои тапки?

- Даша, смотри, носки будут грязные!

- Детвора, с грязными ногами и на диван?!

Эта тапочная битва была постоянной и шла с переменным успехом. Никто не мог похвалиться победой - ни взрослые, ни подростки.

Больше всего страдали от этой войны тапки. Они издавали радостный шлёп, когда их надевали. А когда бросали, причём, в разные стороны комнаты, или под диван, или, ещё хуже, по разным комнатам, то тапки чувствовали себя заброшенными, виноватыми, как будто их наказали за что-то. Вид у них был обиженный и в их молчании таились немые вопросы:

− Что за дела такие? Почему нас не уважают? Мы спасаем ноги от пыли и холода! Да за такую работу нас должны на руках носить, а не на ногах!

Но никто и внимания не обращал на их горестный вид. В общем, всё шло как всегда.

Наступили очередные каникулы. Даша с нетерпением ожидала приезда Дани. Наконец, их оживлённые лица замелькали то в доме у Даши, то у бабушки, то у подружки Вики, которая жила в соседнем переулке. Рассказы о школе, приправленные незатейливым юмором, велосипедные гонки по переулку, прогулки по городу - всё это крепило их дружбу.

Наступило время для встреч с тапками. На этот раз они надеялись, что повзрослевшие дети будут общаться с ними аккуратнее. Даня и Даша появились у бабушки, как всегда, в весёлом настроении, в вечной спешке «пойдём туда - не знаем куда».

Дашины кофточка и шарфик повисли в шкафу на крючке. Зато Данина куртка с вывернутыми рукавами, полетела на стул и беспомощно растянулась на нём. Слетевшая шапка залетела в угол и затаилась там. Бабушкино напоминание:

− А тапки? − остановил их рывок в комнату. Жаль, что никто не заметил ликования тапок.

− Ура! Пришло наше время. Как долго мы ждали своего выхода!

В тёмно-серые нырнули Данины ноги, а сиреневые обняли Дашины. Пока детвора обедала, шлёпки весело толкали друг друга под столом. И если Дашины крепко держались на ногах, то Данины

так и норовили слететь и остаться среди ножек стульев. Но всё закончилось благополучно и они уверенно зашлёпали с хозяевами к телевизору.

О, мультики! При смешных моментах Даня дрыгал ногами так, что тапки были готовы упасть с ног. При этом они издавали звуки: «Хлюп, Хлап, хлоп», а Дашины двигались, как в танце: «Вжик, чук, вжик, чук».

Внезапно новая мысль заставила ребят вскочить и, они, не досмотрев фильм, ринулись в соседнюю комнату. От такой стремительности, тапки, как подстреленные, сорвались с ног Дани и с глухим шлепком растянулись на ковре, но почему-то по разным углам комнаты. Некоторое время они пролежали в беспамятстве.

Вспомнив о них, подростки придумали новое развлечение. Даня начал ими жонглировать, Даша тоже не отставала от него. Вскоре тапки стали летать как птицы. И только заслышав бабушкины шаги, ребята оставили их в покое и поставили у двери по стойке «смирно».

За окнами темнело. По телевизору давно пропели колыбельную «спят усталые игрушки». Весь дом готовился ко сну и бабушка пришла пожелать внукам доброй ночи.

Бурная жизнь продолжалась, пока не пришёл конец каникулам. Родители заговорили о школе. Даня при слове «Москва» ныл:

− Хочу учиться в Сельцо! Не поееедуууу!

Бабушка утешала его как могла. Родители отвечали суровыми молчаливыми взглядами.

И вот наступил день отъезда. Дорожные сумки стояли в прихожей у двери. Все они были упакованы и только Данин (рюкзак) всё ещё был раскрыт.

Дружная парочка носилась по комнатам то в тапках, то без них. Хихикая и болтая собирали вещи. На столе оставались ещё ручки и блокноты.

− Даня, Даша, выносите сумки во двор. Скоро приедет дядя Андрей, − послышался мамин голос.

− Пора выезжать, чтобы не опоздать на поезд, − сказал папа.

Подростки кинулись к столу и, собрав всё, что на нём лежало в салфетку, поспешили в прихожую.

Даня шёл, пиная тапки перед собой. Подходя к двери, он вдруг поддал правый так, что тот взвился вверх и упал в сторону сумок, а

левый, только слегка задетый ногой, проехал по полу и обиженно затаился в другом углу. Больше о них никто не вспоминал. Быстро выложив всё из салфетки в открытый рюкзак, Даня закрыл его и вместе с Дашей стали выносить вещи к подъехавшей машине, за рулём которой сидел Дашин папа.

Вскоре всё было уложено в багажник, Даня с родителями сидели в машине, слышались слова:

− До свидания! До скорой встречи! Звоните!

Машина тронулась, а бабушка и Даша, помахивая рукой им вслед, приговаривали:

− Доброго пути! Счастливой дороги!

Когда машина скрылась за поворотом, они вернулись в дом. Даша стала помогать бабушке наводить порядок. На обувной полке тапки выстраивались парами в ряд. Не хватало Даниных. Из угла вытащили левый. Но где же правый?

− Он, наверное, побежал за Даней, − засмеялась Даша.

− Ладно, завтра утром поищем его, − устало вздохнула бабушка.

Чайник на плите призывно засвистел, приглашая за стол. Чаепитие было в самом разгаре, когда появился отец Даши. На вопрошающие взгляды сидевших он рассказал, что доехали благополучно до вокзала, успели купить в привокзальном буфете сок и воду в поезд.

Вдруг засмеявшись, он достал из сумки тапок.

− Смотрите, что нашёл Даня в своём рюкзаке, когда туда укладывал сок!

− А мы-то обыскались, все углы обшарили, − затараторила Даша. − Всё думали, куда он делся?

− Ну, Даня, внук-то мой с сюрпризом! Я хотела детектива нанимать для поиска, − пошутила бабушка.

− Я − детектив. Всё просто. Когда он подбросил тапок, то, не долетев до угла, он угодил прямо в рюкзак. А мы, не глядя, положили сверху ручки и блокноты. Вот и весь секрет, − засмеялась девочка.

Бабушка взяла правый тапок и поставила к левому. Теперь в обувной полке царил порядок.

Давно уже Даша с отцом ушли, давно уже ночь считывала свои часы, а бабушка всё ещё не могла уснуть. Она вспоминала проделки внуков. Иногда улыбалась и тогда губы непроизвольно шептали:

− Ну и озорники, ну и выдумщики!

Её мысли прервал какой-то странный звук. Прислушалась.... Нет, всё тихо. Наверно мышки начали свою ночную возню.

Велико было бы её удивление, узнай, что это тапки, устраиваясь поудобнее, обменивались своими впечатлениями о прошедших весёлых каникулах.

«ОСОБЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ»

В каждом доме найдётся уголок, именуемый чуланчиком. Он может быть большим или маленьким, просторным или тесным, ветхим или крепким, но всегда не менее нужным и важным, чем жилые комнаты.

Время от времени его заполняют старыми вещами, которые жаль выбросить, потому что они дороги как память или как вещи, вышедшие из моды, но могут когда-нибудь где-нибудь ещё пригодиться. Вот об одном таком чуланчике и вещах в нём и пойдёт речь.

Был он средних размеров, дощатый, с маленьким решётчатым оконцем и скрипучей, нет, нет - певучей дверью. Когда её открывали, то слышалась удивительная песенка, которую приятно было слушать.

Главное место здесь занимал дубовый Шкаф. В своё время он был другом для своих хозяев, а теперь коротал свой век в этом чуланчике как вышедший из моды. Его заменил новенький полированный, с металлической блестящей отделкой. Старый Шкаф отнёсся к этому философски:

− Тут уж ничего не поделаешь. С модой и временем не поспоришь.

В шкафу висел поношенный Жакет. Выглядел он добротно, только полинявшие в некоторых местах карманы и воротник портили общий вид. Он был ещё пригоден для работ в саду, поэтому хозяйка и оставила его. На верхней полке шкафа лежала порыжевшая от солнца Шляпа, и рядом стояла Сумочка с испорченным замком. Их не выбросили по той же причине, что и Жакет. На нижней

полке расположились Туфли. Они были ещё крепкими, носить бы и носить, но из-за старомодности угодили сюда. Поседевшие от времени, с потускневшими пряжками, они тихо дремали, прижавшись к стенке шкафа.

Все эти вещи пережили своё время, но у них осталась надежда, что хозяйка ещё вспомнит о них.

Появление новой вещи вызвало оживление в чуланном обществе.

Первым начал разговор Жакет:

- Уважаемая Трость, мы в забвении из-за старости. Вы же ещё крепки и сильны. Да и неплохо выглядите. Разрешите узнать причину Вашей отставки?

- Да, это так, но дело в моей сопернице, новой Тросточке. У неё столько современных достоинств, что я не осмелюсь даже равняться с ней.

- Какие же, какие это современные достоинства, скажите, пожалуйста, скорее, - затараторили Туфли, позвякивая пряжками.

- Ах, ах, это, наверное, особые особенности. Я даже не могу их себе представить, - заколыхала полями Шляпа.

- Ох, уж эти особенности, наверное, заморские? Сейчас модно тащить из заграницы всякую дрянь! − съязвила Сумочка и сердито взмахнула ремешком.

− Что же они из себя представляют? - как эхо вторил Шкаф.

− Вы совершенно правы, - вздохнула Трость, глядя на Сумочку. Она, действительно, из заграницы.

− Я так и знала! Не хочу о ней и слушать! − решительно крикнула Сумочка.

− Нет, нет, нет, дорогая. Если Вы не хотите, то и не слушайте, а нам даже очень интересно узнать, какие такие эти современные заграничные особенности, − взволнованно вскричала Шляпа и так взмахнула полями, что все почувствовали небольшой ветерок.

− Уважаемые, не спорьте, давайте послушаем гостью, − проворчал Шкаф.

Трость подождала пока все успокоятся, и начала свой рассказ:

− Был день рождения хозяйки. Один из гостей подарил ей Тросточку. Всем присутствующим и, конечно, имениннице она понравилась. Не буду лукавить, но и я тоже залюбовалась ею. Изящная, отливающая шоколадным цветом с красиво изогнутой удобной

ручкой она вызвала общее восхищение. Её ножка обута в гибкий пластмассовый башмачок, поэтому двигается она бесшумно.

− Это, конечно, интересно, но какие же это особенности? − полуразочарованно застучали Туфли каблучками.

− Да, да, да, - поддакнула Шляпа.

А Жакет, неопределённо хмыкнув, выдохнул:

− Ну видали мы и у нас красоток не хуже этой.

− Не спешите, друзья, дослушайте, остановила их Трость. Понизив голос, таинственно произнесла:

− Всё дело в её загадочных застёжках.

Здесь она сделала многозначительную паузу и, уловив общее напряжение, интригующим голосом продолжала:

− Вдоль всей Тросточки расположены крошечные ямочки. Они могут открываться и закрываться благодаря белой металлической кнопочке, которая двигается вдоль них то вверх, то вниз.

Рассказчица замолчала. Испуганное общее «Ой!» пронеслось по чуланчику.

− Это замаскированные взрыватели. Это точно. Поверьте, от заграницы не жди ничего хорошего, - закричала Сумочка.

− Вот тебе и особенности! Просто страх берёт! − одновременно заговорили Туфли и Шляпа.

А Жакет и Шкаф не успели высказаться, потому что Трость вдруг засмеялась. Она была довольна произведённым эффектом. Но тут же оборвав смех, постаралась поскорее всех успокоить:

− Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Это не взрыватели, а одна из особенностей, о которых я вам говорила, − и весёлым голосом продолжала:

− Благодаря этой кнопочке Тросточка может стать длинной или короткой.

− Да, вот это уже интересно. Но, главное, нужная особенность, − подхватил Жакет. - Ею смогут пользоваться и высокие ...

− И не высокие, − подхватил Шкаф. Он был доволен тем, как их Трость разыграла.

А Сумочка, Туфли и Шляпа, растерявшись от такой шутки, молчали. Первыми пришли в себя Туфли:

- И это всё?!

- Нет, это не всё. Около башмачка имеется ещё одна кнопочка, - живо откликнулась Трость.

− А это ещё зачем? - полюбопытствовала осмелевшая Шляпа.

− А это ну просто фантастика!!! − восхищённо воскликнула гостья. − Когда нажимаешь на эту кнопку, то на конце Тросточки, прямо из башмака выскакивает острый штырёк. Он вонзается в лёд дороги, и Тросточка не скользит, − торжественно закончила она.

− Вот это да! Можно смело ходить и не бояться гололёда, − изумились Туфли.

Тут все заговорили разом. В восклицаниях слышалось и удивление, и восхищение. Только Сумочка молчала. Ей тоже понравилось это всё, но было стыдно признаться в своём предубеждении. Пересилив себя, спросила:

− Вы упоминали, что она из заграницы. Из какой же она страны?

Все сразу же замолчали и с вниманием уставились на Трость. Та деловито приступила к объяснению:

− Далёкая северная страна Дания попросила другую загадочную страну Китай изготовить красивую современную Тросточку. Вскоре она была сделана и начала своё путешествие по миру. Так и оказалась наша красавица в России с датским паспортом и китайским днём рождения.

Выслушав эту историю, все пришли к выводу, что у иностранки очень сложная биография, и что она, бедняжка, наконец-то нашла здесь своё счастье.

За всеми этими разговорами никто и не заметил, как подкрались сумерки. В чуланчике потемнело. Усталые от впечатления дня вещи готовились к отдыху. Каждому хотелось, хотя бы во сне, увидеть какую-нибудь свою особенность. Месяц, заглянувший в решётчатое окошко, пожелал всем спокойной ночи и спрятался за тучу. Всё в чуланчике и вокруг погрузилось в ночное безмолвие.

ДЕБОШИР

Двухэтажный блочный дом, облезлый на вид и очень плотно заселённый, стоял на перекрёстке шумных дорог. В нём жили разные люди, но они, все как один, считали, что Эдик, бывший инженер с автозавода, а теперь пенсионер, пьяница и дебошир, плохо кончит свою жизнь.

Было непонятно, как он выживает на свою пенсию. Почти каждую ночь в его однокомнатной квартире на втором этаже гудело и шумело, как говорят, «стоял дым коромыслом». Всё это беспокоило окружающих. Доцент Егор Ильич Платонов, философ и моралист, он же старший по дому, говоривший бабьим голосом, отзывался о Эдике так:

− Не повезло с соседом. Но нам надо потерпеть, он когда-нибудь да образумится. Подождём, когда у него совесть проснётся.

− Полиция его скорее образумит и совесть разбудит, − бурчал скептик Виктор Фёдорович, старший лаборант из БИТМа.

− Надо его на общем собрании пропесочить и взять с него «честное слово» не дебоширить, − предлагала Тамарочка. Она работала музыкальным работником в детском саду. Сама она была оптимистка и верила людям.

А её соседка Нина, вздыхала и неуверенно шептала:

− Уж скорее бы собрание. Надоело слушать его матерные выражения.

А Эдик и не думал исправляться. По-прежнему ночь оглушали крики и пьяный хохот.

Пробовали вызывать участкового, но дебошир говорил ему:

− Всё, всё, командир, понял. Будь спокоен!

И, действительно, некоторое время было тихо, но потом повторялось тоже самое.

Как-то после его очередной пьянки к доценту заглянула Нина – многострадальная соседка Эдика. Она работала дворником в детском саду.

− Егор Ильич, я на счёт Эдика. Жить невозможно. Грохот, крики над головой. Давайте напишем о его пьянстве куда следует. Вы человек образованный – помогите.

Старший по дому оторвался от чтения конспекта и посмотрел на неё с иронией:

− Поспешишь – людей насмешишь. Я думаю, что потихоньку он исправляется.

− Он каждый день выкаблучивает, - возразила Нина.

− Всё равно. Подождём до собрания. Надо, чтобы все жильцы собрались. Пропесочим его как следует. Думаю, что перестанет хулиганить.

− У меня внук плохо спит, да и у самой голова болит, - настаивала она.

− Потерпи, ну потерпи немного. Вот вчера было тихо. Видно совесть проснулась.

− Не совесть проснулась, а пенсия кончилась. Ладно, подожду немного, а тогда без вас сама подам заявление, куда надо.

В тот же день вечером старший по дому и лаборант сидели на скамейке возле дома. Вечер был тихий, тёплый. Они говорили о футболе. Вдруг появился Эдик. Он получил пенсию и, естественно, был пьян. Подойдя к ним, с угрозой в голосе проговорил:

− Здорово учёные-мучёные! – и добавил брань. Что вы тут про меня брешете?

− Ничего мы не брешем, − осторожно ответил Егор Ильич. − А тебе пора бы уже одуматься. Посмотри, на кого ты стал похож?!

− Стыд-то какой! – пробурчал Виктор Фёдорович.

Они хотели встать и уйти, но Эдик со словами:

− Что сказали?! – пнул ногой в живот лаборанта и заехал кулаком в глаз доценту. Началась драка. Сбежались жильцы дома. Вызвали участкового.

Егор Ильич с синяком под глазом, открыл долгожданное собрание. С большим сожалением он отметил, что у дебошира Эдика совесть так и не проснулась.

− Да, да, − подтвердил Виктор Фёдорович, потирая живот.

Все зашумели:

− Надоело терпеть!

− Пора призвать к ответу!

− Совсем обнаглел!

Эдик, нахально поглядывая на собравшихся, говорил участковому:

− Всё, всё, командир, понял. Будь спокоен.

Участковый, составив протокол, собрал подписи у шумевших людей и посадил упирающегося Эдика в полицейскую машину. Все облегчённо вздохнули, глядя вслед отъезжающей машине.

Спустя некоторое время участковый сообщил старшему по дому, что Эдика отправили на лечение. Больше о нём никто ничего не слыхал. Сбылось общее мнение – для Эдика, действительно, закончилось всё плохо.

СЮРПРИЗ

Косте очень нравилась Марина. При каждой встрече он дарил ей цветы, сопровождая каким-нибудь лирическим четверостишьем. Но цветы и стихи, думалось ему, всё это старо как мир. Очень хотелось поразить полюбившуюся девушку чем-то необычным, что произвело бы на неё более глубокое впечатление. Костя долго думал и наконец-то придумал, как ему казалось, очень оригинальный план.

Он пошёл к знакомой, работающей в частной мастерской под вывеской «Всё для дома».

− Завтра я приду со своей девушкой, чтобы купить ей сумочку.

− Прекрасно. У нас очень хороший выбор. И цены, подходящие как на худой, так и на толстый кошелёк, − засмеялась она.

− Я выберу вот эту сумочку, которая стоит пять тысяч рублей, а Вы попросите за неё пятнадцать. Я заплачу, а вечером приду один. И Вы мне остаток десять тысяч вернёте.

Знакомая удивлённо посмотрела на него. Придя в себя, переспросила:

− Я правильно поняла? Ты хочешь поразить девушку сумочкой за пять тысяч? Она должна будет оценить твою щедрость? Ты предстанешь перед ней эдаким «крутым»?!

− Ну, «крутым» не «крутым», а сюрприз должен произвести на неё впечатление, я так думаю.

− Прекрасно. Приходите. Я подыграю тебе, как договорились.

Глядя ему в след, покачала головой:

− Надо же такое придумать!

На следующий день Костя с Мариной пришли в мастерскую.

− Мариночка, разреши мне выбрать для тебя сумочку.

Из всех он выбрал сумку за пятнадцать тысяч и, заплатив, вручил покупку девушке.

Марина была поражена. Костя отдал такие деньги за одну только сумочку для неё. Вот это настоящий парень! Конечно, другие сумочки подешевле выглядели лучше, чем эта дорогая, но… Ах, он просто милашка! Рассказать подружкам – не поверят!

После работы Костя явился в мастерскую, чтобы получить переплату. Увидя его, знакомая развела руками и с сожалением произнесла:

− Дорогой, я не могу вернуть тебе деньги. Твоя подруга пришла сюда утром и обменяла сумочку на две другие, которые ей понравились больше, как раз стоимостью на пятнадцать тысяч.

Костя заставил себя улыбнуться и, выйдя из мастерской, подумал: «Да… хитрил, хитрил – сам себя перехитрил!»

И правду говорят – на всякого мудреца довольно простоты!

ТАМАРА ТЯБОКИНА

Тябокина Тамара Ивановна родилась 5 октября 1957 года в городе Жигулевск, Самарской области. В возрасте четырёх лет переехала с семьёй в пос. Сельцо.

1975 году окончила Сельцовскую среднюю школу номер 3. Последние двадцать лет работала продавцом.

Увлекается фотографией, музыкой и садоводством. Помогает воспитывать внука.

Поэзия для Тамары Ивановны – это способ выразить своё видение жизни, красоту нашей природы и прекрасные мгновения любви.

С 2019 года участница литературного объединения «Парус».

СКОРО ОСЕНЬ

Сегодня осень провела свою разведку,
Дохнула свежестью и ветром обняла,
Рябины красной покачала ветку
И листьев горсть с деревьев сорвала,

Прозрачным воздух сделала вокруг
И напустила лёгкого тумана.
Я не хочу, чтоб лето так кончалось вдруг...
Будь ты, природа, совершенством без изъяна...

Пускай приходит осень в час положенный
С морозцем лёгким, с золотом полей.
И это будет чудом завороженным,
Как крик летящих к югу журавлей!

МИЛЫЙ ДОМ

Приехав нынче из гостей,
Вздохнула облегчённо,
И хоть была я у детей,
Но счастлива лишь дома.

Спасибо матери с отцом,
Зато что подарили −
Мне этот тёплый, светлый дом,
И в нём − благословили.

Здесь воздух чист, и ясен свет.
И дышится привольно
Хочу прожить здесь много лет
И буду тем довольна.

Я разведу цветы кругом,
Грустить о прошлом буду,
Но тёплый, милый светлый дом −
Тебя, не я не забуду...

ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ ЖЁЛТЫЙ…

О! Вдохновение, куда же ты пропало?
Чужие строчки нудно долбят мозг!
Жить без тебя теперь − такая жалость!
Ужель ко мне ты больше не придёшь?

Ловлю тебя я. В воздухе осеннем,
В опавших мокрых листьях октября,
В нежнейшем ветра дуновении −
Во всём найти пытаюсь я тебя!

Как без тебя жила я в эти годы,
О чем томилась, плакала душа?
О! Вдохновенье, ты мой путь к свободе
И апогей любого торжества!

ОСЕНЬ

Ну вот и всё: лист облетел последний −
Закончилась прекрасная пора.
И невесомый жёлтый мир осенний
Метла привычно гонит со двора.

И день, и ночь шумит унылый дождь,
Стучит в окно и ветви книзу клонит.
Деревья нервно сотрясает дрожь,
И чудится, как будто кто-то стонет.

А к югу потянулись стаи птиц,
Прощаясь до весны с родимым краем.
И осень пред зимой упала ниц,
Безропотно ей место уступая...

КРАСАВИЦА ЗИМА

Укутав шубкой белоснежной
Деревья, парки и дома,
Осыпав серебром небрежно,
Пришла красавица зима.

Блестит на ветках колкий иней,
А подо льдом шумит вода.
Продрогший лес за дымкой синей,
Когда отступят холода?

А за окном февраль − и вьюга,
И мёрзнет стылая душа.
Нам отогреться б друг от друга,
Как в те былые времена.

ПРИЗРАЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Призрачное счастье, кто об этом знает?
Видел кто, когда-то, как душа летает
Как простерла в небе нежных два крыла,
С ангелами будто там всегда жила.

Между нами пропасть в годы пролегла,
И на сердце сразу опустилась мгла.
Только души мечутся от тебя ко мне,
Затуманив разум, словно бы во сне.

Как мне оторваться от тебя, скажи,
И не испугаться ни стыда, ни лжи.
Знаю − нет возврата. Спеши − не спеши,
Только нет преграды для моей души.

ДИВНАЯ ОСЕНЬ

В волшебном облике предстала осень,
Сразила всех естественной красой,
В бездонном небе всколыхнула просинь
Дала деревьям негу и покой;

Березкам русым растрепала косы,
Умыла чистой дождевой водой
И, поцелуем прекратив вопросы,
На бал осенний позвала с собой;

Ковром роскошным устала дорожки −
Всех одарила щедрою рукой.
Постой же, осень, погоди немножко,
Дай насладиться дивной красотой!

Дыши! Ты говоришь, что я − твой свежий ветер
И, как бальзам, для сердца и души,
Нет никого прекраснее на свете.
А я тебе всегда твержу: «Дыши,

Дыши как я, открытой полной грудью,
Внимая Богу, солнцу, радости, добру.
Счастливее на свете станут люди,
Венеры свет встречая поутру.»

И мы с тобой, как ветви у деревьев.
Порою зной, порою стужа, корка льда.
Но живо и поныне то поверье:
Полюбишь и отступят холода.

ОДНА КАРТИНА

Плывут, качаясь в нежной дымке, облака,
Как будто их наполнили зефиром.
Расстались мы с тобою навсегда,
И ты уже простился с этим миром

Разлился алым пламенем закат,
И месяц появился в небе синем
Ты жизнь свою прожил совсем не зря,
Все вехи обозначив в ней пунктиром.

Несутся дни, как снежная лавина,
Как с гор крутых весенние ручьи
А предо мной всегда одна картина,
Где вместе мы, где снова рядом ты...

* * *

«О Господи, дай силы жить,
Творить добро, любить и быть любимой,
Всё успевать, по пустякам не ныть» −
Прошу у Бога, дать мне силы.

Хочу создать я чудо − сад −
ОБ этом мои мысли и посылы,
Пусть будет он на урожай богат
Прошу у Бога, дать мне силы,

Дать силы мне преодолеть себя,
Ни под каким ударом не сгибаться,
Смотреть, как расцветает мать − земля,
И даже через слезы улыбаться.

ДЕТСТВО

Вернуться б снова в детство босоногое,
Где луг ромашковый и синяя река.
Знакомо здесь до боли − сердцу многое:
Краюшка хлеба и стакан парного молока...

Деревня называлась Сельцо-Ру́дное...
Мы бегали по ней то вверх, то вниз!
И жизнь нам не казалась слишком трудною,
Мы сами исполняли свой каприз!

Доить коров я помогала тёте,
Но развлечений тоже целый воз!
Носились мы, как ласточки в полёте!
Зимой − салазки, летом − сенокос!

Мы строили запруду в малой речке,
Искали в гнездах маленьких птенцов,
Зимою грелись на горячей печке.
Чуть-чуть побаивались строгости отцов.

Мы жмых жевали − лакомство коровье,
Он был вкуснее нам любых конфет!
И до сих пор, лишь я глаза закрою,
То вижу той деревни милой свет!

* * *

Мы заперты, как птицы в тесной клетке,
Сквозь маску нам приходится дышать.
И птицам лучше б петь с утра на ветке,
А нам - гулять с друзьями не спеша,

С Георгиевской ленточкой Победу
Встречать под марш на улице своей
И в пояс низко поклониться деду.
За ту свободу - без «концлагерей».

Но мы под маской прячем наши лица,
Глаза грустны, и в мыслях перехлёст.
«Проказа» эта пусть не повторится,
И «миру – мир» на главный станет пост.

СВЕТЛАНА ЧЕРНОВА

Чернова Светлана Викторовна родилась в городе Новосибирске. Свою трудовую деятельность начинала на авиазаводе им. В.П. Чкалова. Окончила Новосибирский радиотехникум, училась в БГУ на факультете журналистики. С 1995 года работает в городской газете «Сельцовский вестник».

Публиковалась в областных газетах, в альманахе «Парус». Стихи пишет с юности. Активный участник литературного объединения «Парус».

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Он жил один уж вышло так,
Но на судьбу не обижался.
Привык смирился и обмяк,
А было - молодцом держался.
Его в неновом пиджаке
В потертых брюках и без шапки,
Всегда с авоською в руке,
В сопровождении рыжей шавки
Порою видели в пивной,
Где скромно в стороне держался.
С друзьями выпив по одной,
Он восвояси отправлялся.
Вокруг него бурлила жизнь,
Жильцы рождались, уходили,
А он как будто бы завис,
И Бог, и чёрт о нём забыли…
Однажды шёл по мостовой
С авоськой, как всегда, с собакой,

Вдруг за спиной сирены вой:
Машина… мальчик в синей шапке…
Его толкнуть из-под колёс
Успел, а сам – остался.
И бегал рядом рыжий пёс,
И поглазеть народ собрался.
Тогда ещё никто не знал
О том, что смерть нашла героя:
Он под Берлином воевал
И часто рисковал собою.
А хоронил его весь дом,
Несли на бархате медали.
Добыты честью и трудом,
Они на солнце так сверкали!

СУДЬБОЮ МНЕ ПЕРО ДАНО…

Я не хочу на злобу злобой отвечать,
С несправедливостью стараюсь не мириться,
Всегда готова слабых защищать
И правды, по возможности, добиться.
Я ненавижу подхалимство, ложь,
Стараюсь жить по совести и чести,
А если проиграю вдруг, ну что ж!
Бывал, наверно, всяк на этом месте.
Как феникс, я из пепла возрожусь,
На пережитом жирный крест поставлю
И снова в небо к звездам поднимусь,
И чем смогу, мой милый край прославлю.
Судьбою в руки мне перо дано.
Его я ни на что не променяю:
Такое вот сокровище одно,
Но как оно всесильно! Я-то знаю.
Перо, как сердце Данко, для людей
Выводит свои пламенные строки.
Оно рождает тысячу идей
И извлекает важные уроки.

Мудрею вместе с ним не по годам.
Пусть стала голова моя седою,
Но ни за что то счастье не отдам –
Я не стремлюсь к душевному покою!

СЮРПРИЗ

А Новый год для каждого из нас –
Сюрприз в мешке или волшебный клад.
Мы целый год писали свой рассказ,
Отведав огорчений и наград.

И вот финал – закончен старый год.
Остались в прошлом дерзкие мечты,
Что не сбылись в десятый раз подряд.
Но мы в преддверии новой высоты.

И снова нас мечта зовет в полет.
Все, кто не доверяют, - от винта!
Перо и чистый лист – открыт блокнот.
Попутчики – любовь и красота!

Я знаю мне наградой станет приз,
Что соткан из надежды и стихов.
Со мной мой драгоценнейший сюрприз,
Вперед, на старт! К полету будь готов!

ЧТО ЗА ЗИМА?

Ну что случилось, в самом деле?
Зима не справится с весной?
Повсюду лужи, как в апреле,
И пахнет солнцем и травой.
Как будто шустрые подростки,
Раздухарились воробьи,
Галдят с утра на перекрестке,
Устроив бой за сухари.
И сердце без толку томится,
Не зная плакать или петь,
То замирает, то боится
Опять любовью заболеть…

БУДЬ, ЗИМА, К НАМ ДОБРЕЕ

За такую вот слякоть
И копейки не надо.
Впору горько заплакать…
Где ж ты, сердца отрада:
Мягкий снег и пушистый,
Утра зимнего свежесть,
Воздух сладкий и чистый,
Нашей зимушки прелесть?
Где ж вы, вьюги, метели,
Силы все растеряли?
Видно, не долетели –
По дороге украли?
Как без вас нам тоскливо.
Все скучаем по снегу,
Ждем зимы терпеливо,
Ее белую негу.
Может, это расплата
За людские деянья?
Дай же «серебра, злата»
И прими покаянья.
Станут души светлее,
Как алмазные грани.
Будь, Зима, к нам добрее
И не требуй с нас дани…

ТОТ, КТО ПРИДУМАЛ ПРАЗДНИК, БЫЛ МУДРЕЦ…

Торопится, спешит к нам Новый год.
А, может, это мы его торопим
В надежде, что удачу он несет,
Что горести мы в радости утопим?
Какой же всемогущий Новый год,
Раз мы его той силой наделили:
Всех вылечит, все беды отведет,
Чтоб мы про них и начисто забыли.

Тот, кто придумал праздник, был мудрец –
Всего нужнее хлеба дать и зрелищ.
Считается, что это был Творец,
Да только вряд ли в это ты поверишь.
Надеешься все больше на обман,
На связи, деньги, даже лотерею.
Но блага все не поместить в карман.
Хотя, порой, об этом я жалею,
Ведь странствовать чудесно налегке –
Душа и тело от вещей свободны…
А Новый год уже невдалеке,
И все его стремленья благородны.
Пусть каждый поднимает свой бокал
И пьет за счастье, радость и здоровье,
Пускай в крови кипит страстей накал,
А сердце пусть наполнится любовью.
Забудем меркантильные мечты,
Шагнем навстречу сказочной надежде.
Сегодня будем вместе – я и ты
Загадывать желания, как прежде.

ДЕТИ ВЕРЯТ В СКАЗКУ

Только дети верят в сказку,
И чем младше, тем сильнее,
Принимают вашу ласку,
А от грубости болеют.

Только дети верят сразу,
Не желая сомневаться.
Их неопытному глазу
Так привычно удивляться.

Только дети могут остро
Так любить… И ненавидеть,
Если вдруг случайно просто
Ты ребенка смог обидеть.

Только детям безразлично
Нищий ты или богатый,
Страшный или симпатичный,
Ты причесан иль лохматый.

Лишь бы ты был добрым, чутким,
Говорить умел и слушать,
Был бы каждую минутку
Рядом и не звал бы кушать

Кашу манную и гречку,
Суп, картошку и котлеты,
Разрешал бы прыгать в речку,
Есть печенье и конфеты.

МАМА ЕСТЬ!

Мама. Мама! Разве есть на свете
Слово мягче, лучше и нежней?
С чем сравниться могут руки эти,
Руки наших милых матерей?

Сколько ласки, сколько слов прекрасных
Мама для ребенка припасла,
Сколько боли, зла и дней ненастных
Легкою рукою отвела.

Только мама любит беззаветно,
Все прощая чаду своему,
Только мама может незаметно
Достучаться к сердцу и уму.

Вся она, рабыня и богиня,
Соткана из света и тепла.
Вы благословите ее имя
И любовь, которую дала.

Я вернулся, пусть промчались годы.
Стали ты и я еще мудрей.
Как у моря снова жду погоды:
Помоги, печаль мою развей…

Жертвенный огонь пылает ярко,
Но не опалит он мне лица.
У судьбы нет лучшего подарка-
Мама есть! Пусть даже нет отца…

РИСУНОК ДОЧКИ

Уверенной детской рукою
Вдруг создан совсем новый мир.
Свое изумленье не скрою –
Ведь это же он, мой кумир.

Лимонное солнце сияет,
Сиреневый дождик идет,
Чуть ветер кусты наклоняет
И пестрая тучка плывет.

Ах, сколько же радужных пятен,
Ведь дождь не простой, а грибной.
Цвет алой малины приятен,
Коралл земляники степной!

Такая осталась лишь в детстве,
Июль ее щедрый дарил,
С черникою в близком соседстве,
Что кобальт и синий акрил.

Легли по всем правилам краски.
Лазурью манят небеса.
Ступаю в траву без опаски.
Меня уже ждут чудеса!

ВЕТЕР

Птичья стая в небесах
Грустью сердце гложет.
В очарованных лесах
Так красиво, Боже!

Тишина, покой вокруг
Вся палитра в свете…
Только все нарушил вдруг
Бесшабашный ветер:

Дерзко кудри рвет с берез,
В камышах шныряет,
Сушит капли звездных слез
И с листвой играет:

Вверх поднимет, закружит.
Ветви раскачает
И опять вперед бежит.
Кто ж его поймает?

Он не ведает преград.
В гонке превосходен.
Утру солнечному рад,
Счастлив и свободен!

«ПАРУСУ» - 10 ЛЕТ

Приют писателей, поэтов,
Корабль родом из Сельцо,
Где зреет множество сюжетов,
А капитан – его лицо.

Подрос, окреп за эти годы
Команды всей потенциал
И вопреки законам моды
Читателей не растерял.

Стихи и проза полюбились.
Наград и титулов не счесть.
Хоть мнения и разделились,
У каждого поклонник есть!

Для авторов не раз звучало
Слов самой дивной красоты.
И 10 лет еще так мало…
Плыви ж под парусом мечты

Корабль с большими парусами
Любви, надежды и побед,
Пусть вьется «Парус» над волнами,
Для всех – маяк на много лет!

КАПИТАНУ «ПАРУСА» ПЕТРУ КУЗНЕЦОВУ

В одной упряжке мы уж 10 лет,
Но разногласий между нами нет.
Ваш курс поддерживает «Парус» целиком,
И потому плывем все в направлении одном.
За эти годы много Вы свершили дел,
И это чудно, что Ваш пыл не охладел.
И книги в свет выходят без конца …
Ах, Петр Петрович, Вы же – «молодца»!
И молодца, и молодец, да и спортсмен,
Писатель, стоик, в общем – супермен!
Как можно дольше оставайтесь вы в седле
Наперекор ненастьям и самой судьбе!

ЕЛЕНА ШАДРИНА

Шадрина Елена Дмитриевна окончила Брянское музыкальное училище и Брянский государственный педагогический университет. Работает музыкальным руководителем в детском саду «Сказка» г. Сельцо.

Пишет слова и музыку для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Входит в состав жюри городского конкурса: «Пою моё Отечество», «Я вхожу в мир искусств», «Конкурса детской песни» среди образовательных учреждений.

Публиковалась в журналах «Инфоурок», «Музыкальная палитра», «Справочник музыкального руководителя», «Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения».

ПЛАНЕТА СЧАСТЬЯ

(сказка)

Много во Вселенной планет – маленьких и больших, молодых и старых, далёких и близких. Есть планеты пустые и скучные, а есть и такие, на которых живут люди. Очень похожие на меня, на тебя и на всех нас. На одной из таких планет случилась удивительная история, которая давно превратилась в сказку, потому что никто, кроме детей, в неё не поверил. Но дети вырастают и забывают, во что они верили в детстве, и сказка эта затерялась. Но мне повезло, вчера ночью я случайно подслушала разговор двух звёздочек на небе. Одна другой как раз рассказывала ту самую историю, которой я спешу поделиться с вами.

Далеко – далеко, дальше, чем можно себе представить, в бездонных просторах космоса летала одна планета. Официально, по вселенским законам, она называлась «Планета №35», но сами жители звали её Хрустальной. И это понятно, ведь вся она была сотворена из чистейшего горного хрусталя. На её изумрудных полях, освещаемых золотым солнцем и серебряной луной, росли только рубиновые, брильянтовые цветы. В янтарных берегах рек текла

только бирюзовая вода, небо на этой планете было из лазурита, облака – из жемчуга, а радуга – из граненого алмаза. Её жители ходили только в шелках и мехах, жили в коралловых дворцах с хрустальными окнами, люстрами, носили на себе множество украшений. Они были очень воспитанными, утончёнными, изящными, но в груди их билось гранатовое сердце. Дни их проходили однообразно: утром все ели мороженое, днём – гуляли, вечером – танцевали на балах, обсуждали наряды, украшения, а ночью спали в хрустальных кроватях. Всем было вольготно, весело, только одно обстоятельство мешало в полной мере наслаждаться жизнью – их очень сердило то, что звание «Планета Счастья» было отдано не их планете, а какой-то там Земле, на которой все, как они считали, было ужасно и безобразно.

- Представляете, там вода течёт – говорили одни.

- Там столько всяких зверей и насекомых, которые кусаются, - продолжали другие.

К слову сказать, на хрустальной планете жили и кошки. Их кормили мороженым, купали три раза в день и обвешивали бусами. Спали кошки на пуховых перинах.

- Планета Счастья – наша планета, - говорили друг другу жители в перерывах между танцами и сплетнями. – Вселенский закон несправедлив к нам.

«Правда ли, что на Земле так плохо, как говорят? – думал Элис, глядя на своего кота Рубина. – Неужели Вселенский закон может ошибаться?». Эти мысли уже давно не давали ему покоя. Ему было семнадцать лет, и уже года четыре как он посещал балы. На балах он почти не танцевал, никогда не принимал участия в обсуждениях нарядов.

- Ты странный, - сказала ему как-то одна дама. – Я тебя не понимаю, - добавила она и отошла в сторону.

- Я странный, - сказал Элис сонному Рубину, - поэтому они меня не понимают. Но такой же странный, как и я, наверняка меня поймёт. Пойду-ка я к Хрустальной пещере.

Он отправился к далёкой Хрустальной пещере, спрятанной в высоких горах. В ней жил Художник со своей дочерью Юни. Войдя в пещеру, Элис застал Юни одну, она сидела у огня и смотрела на стену, на которой были нарисованы разные картины.

- Что ты делаешь? – спросил Элис.

- Это сны, - ответила Юни. – Мой папа рисует их для меня на стенах пещеры, а ночью я могу посетить любой из них, какой захочу.

- Вот здорово! – воскликнул Элис, рассматривая разноцветные картины, но тут вошел сам Художник и строго спросил:

- Зачем ты пришёл к нам? Что тебе от нас надо?

Элис рассказал, как надоели ему балы, как никто во дворцах его не понимает, как бы ему хотелось хоть разок испытать счастье.

- Это тебе нужно на Землю, - сказал Художник, - здесь счастья нет.

- Но все говорят, что Земля ужасна, а Вселенские законы ложны, что это наша планета – Планета счастья.

- Ты им веришь? – спросил Художник.

- Я не знаю, - замявшись, ответил Элис.

Художник посмотрел на свою дочь, улыбнулся ей и сказал:

- Юни, принеси, пожалуйста, небольшой плоский камень, мои краски с кисточкой.

На камне он нарисовал дома, дорогу, деревья, лошадь с повозкой и протянул его Элису.

- Как ляжешь спать, положи этот камень под голову, и ты попадёшь на Землю.

Элис горячо поблагодарил Художника, попрощался с Юни, побежал домой. Еле дождался он ночи, а как совсем стемнело – лег в свою хрустальную кровать, положил камень под шелковую подушку, крепко уснул.

На Земле разгорался рассвет. Еще бледные лучи солнца разливались по улицам, слабо освещая деревья, дома, сонную лошаденку, запряжённую в пустую повозку, большого серого кота, сидевшего на ней, удивленно озиравшегося вокруг. Это кот был ни кто иной, как Элис, попавший на Землю в образе своего Рубина. Почему так произошло – неизвестно.

Солнце поднималось всё выше, а кот Элис становился всё любопытнее. Он решил прогуляться вдоль дороги, чтобы получше рассмотреть Планету Счастья.

Когда он остановился, то увидел, что находится на огромном зелёном лугу, облитом теплым солнышком, а у самых лап его качаются, приветливо машут своими лепестками луговые цветы. По голубому небу медленно плыли кружевные облака, приятно шумел

высокий лес, весело искрилась и звенела быстрая речка. Элис залюбовался всем этим и впервые почувствовал, как хороша и прекрасна Земля. Он гулял, вдыхал нежный аромат цветов. «А наши цветы не пахнут, - говорил про себя Элис, - и солнце не греет».

Наслаждаясь природой, он забрёл в лес, остановился перед маленькой тропинкой отдохнуть. Вдруг он увидел, что по тропинке идут люди – мама со своей маленькой дочкой. Они шли и весело разговаривали.

- Хочешь, мама, я спою тебе песенку, которой меня вчера научил дедушка? - сказала дочка.

- Спой, - ответила женщина, и девочка своим чистым детским голосом запела спокойную нежную песенку, а Элис, поражённый её красотой, побежал следом за ними, боясь пропустить хоть один звук.

Никогда раньше он не слышал, как поют люди, на его планете никому в голову не могло прийти петь. А эта песня была так прекрасна, что Элис, забыв свой страх, побежал прямо к девочке.

Вдруг Элис почувствовал, как какое-то неведомое ему тепло вливается в грудь, кружит его голову, заставляет, блаженно закрыв глаза, мурлыкать от удовольствия…

Элис вскочил, огляделся вокруг. На Хрустальной планете была ночь. Кот Рубин тихонько посапывал рядом. Это был сон, всего лишь сон, но в груди Элиса что-то сильно билось и волновалось.

До самого утра простоял Элис у окна, думая о Земле, а как только золотой рассвет загорелся на небе, к нему подошел и сел у самых ног сонный Рубин с большой порцией мороженого. Он выглядел довольным.

- Вот тебя здесь кормят, купают, наряжают, - сказал ему Элис, - а там, на Земле, тебя бы любили, - он погладил его по блестящей спинке.

От неожиданности Рубин уронил мороженое и, сам того не понимая, замурлыкал. И вдруг хрустальный пол под ним стал трескаться.

Перепуганный Элис схватил Рубина в охапку и побежал к хрустальной пещере.

Рассказывая Художнику обо всём, что случилось, он украдкой поглядывал на Юни, и когда их взгляды встречались, они оба краснели и смущались.

- А ещё я слышал такую чудесную песню на Земле! – сказал Элис. - Я её запомнил и хочу спеть вам!

- Нет, нет, ни в коем случае, - заволновался Художник, - здесь нельзя петь, иначе вся наша планета разлетится на миллионы маленьких хрустальных кусочков. Там, где драгоценные камни, не может звучать песня любви. Вспомни, что произошло, когда замурлыкал твой Рубин.

Всё понял бедный Элис и, попрощавшись, побрёл домой. Но как он ни старался, он всё же не смог забыть ни Землю, ни ту чудесную песню, ни прекрасные глаза Юни. И вот однажды, не в силах больше молчать о своей любви, он запел Земную песню. В один миг вся Хрустальная планета разлетелась на миллионы маленьких холодных кусочков.

- Они и сейчас летают, - сказала одна звезда другой, - но говорят, что после гибели Хрустальной планеты в космосе появились две яркие теплые звездочки, одна из которых окружена радужным ореолом, а другая издаёт дивные чистые звуки. Они пытаются найти друг друга в пустых бездонных просторах космоса, но у них пока ничего не получается.

- А ты веришь, что они всё же встретятся? – спросила её другая звезда.

- Верю, - ответила та.

- И я верю.

АНТОНИНА ЯКУНЕНКОВА

Якуненкова Антонина Алексеевна родилась в городе Рудня Смоленской области. Окончила филологический факультет Брянского педагогического института. Работала учителем, воспитателем. В настоящее время работает библиотекарем в детской библиотеке города Сельцо.

Участник литературного объединения «Парус». Сотрудничает с газетой «Сельцовский вестник». Публиковалась в еженедельнике «Десница», в «Брянской учительской газете», в альманахе «Белые паруса».

ЭСКИЗЫ

КАНУН ОСЕНИ

Стоят последние, удивительно тёплые дни августа. Небо неподвижно-ясное, голубое. Летнее солнце продолжает согревать всё окрест и души людские. Краснеет рябина, алеет шиповник. Яркая палитра скромных цинний привлекает бабочек. Как же они легко, свободно, живо порхают с одного цветка на другой, наслаждаются уходящим теплом и красотой! «О, как ликуют они, как мерцают божественно!» А впереди ещё будет янтарное бабье лето. Как же дорого осеннее тепло! Быть может, потому что оно быстротечно. Пройдёт время, и бабочки, как и цветы, начнут грустить о промелькнувших прекрасных солнечных деньках. И ждёт их тихая, светлая грусть, увядание, грёзы....

ЦВЕТУЩИЙ МАЙ

Весна на исходе. Пленительный, тихий, сияющий май. Воздух наполняется новыми душистыми ароматами. Они усиливаются с каждым днём. Вишни и яблони, точно снегом, осыпаны. Цветы у них изящные, нежные, праздничные. Белая кипень невольно при-

влекает взгляд. Дышится легко и волнующе. Скоро начнут благоухать сирень и белая акация.

- Такую красоту обязательно надо снять на телефон, − говорит моя приятельница Вера. Она начинает фотографировать и восхищаться весенней природой. Вера всегда остаётся собой − наивная и мудрая, строгая и добрая.

А ЧТО ТАКОЕ КРАСОТА?

Поздняя осень. Несколько дней напролёт шёл проливной дождь. Печаль чувствовалась во всём: дачи опустели, ветер мотал ветви деревьев, срывал последние листья, шевелил поздние цветы. Им было зябко от холодного ненастья.

Страстного любителя природы Степана Алексеевича Синёва многие дачники считали странным. Ему всегда нравилась дождливая погода. Что-то невидимое, утешительное для себя находил он в серых осенних дождливых сумерках. Синёв с нескрываемым наслаждением мог и летом любоваться затяжным плачущим дождём предгрозового заката. В дожде Степан Алексеевич не только чувствовал, но и видел особую прелесть, которую трудно передать словами.

Долгими осенними вечерами Синёв нередко играл в шахматы со своим старым другом Николаем Андреевичем Мурзиным. Как водится, за шахматной доской мужчины вели разговоры о природе, о красоте, о женщинах, о любви. Степан Алексеевич частенько философствовал:

- Что такое красота? Никто не знает, но только стремится познать. Хотя красота - понятие условное... У каждого – своё. И всё-таки, на мой взгляд, печаль чище красоты, − заключал в таких случаях Синёв.

Спокойно-задумчивый, рассудительный Николай Андреевич однажды сказал другу, что вопрос о красоте волновал многие умы, над ним ломали голову даже именитые поэты и не всегда находили ответ. Вот что сказал по этому поводу один из них:

- Что есть красота и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?

ТАЙНАЯ ГРУСТЬ

В дачном посёлке к Валентину Егоровичу Ромашину жители всегда обращаются только по отчеству: Егорыч. Это добрый, отзывчивый, душевный старичок да к тому же интересный рассказчик. Все знают, что в трудную минуту он всегда поможет, придёт на выручку.

Валентину Егоровичу с юных лет нравилась поэзия. В студенческие годы он пробовал писать стихи о море, о любви. Была в его молодости безответная любовь, от которой у него осталась непреходящая тоска, щемящая грусть. Необъяснимая штука - душа. Никто не знает, где она находится, как выглядит, но все знают, как она болит.

По-настоящему его никто не любил. Все привязанности заканчивались обманом, разочарованием. И всё-таки в глубине его души, как исчезающий, неуловимый сон, жила надежда: может быть, он ёщё встретит ту самую Татьяну, подругу юности. Мало ли что случается в жизни…Человек всегда живёт надеждой. Если жить правильно, можно надеяться на добрые перемены в жизни. А Егорыч жил правильно…

И вот мечта сбылась. Они случайно встретились в парке.

Перед ним стояла обаятельная, какая-то домашняя, умудрённая жизнью женщина. Говорила она спокойно, сдержанно. Иногда на её щеках появлялся слабый румянец. Грустные, задумчивые глаза внимательно изучали его. В них застыли слёзы. Егорыч не узнавал Татьяну.

Куда же исчезла её былая надменность, то высокомерие, с которым она прежде относилась к нему?

И тайная радость, что Танюша, будто осознав свою давнюю вину, переменилась ради него, не покидала Валентина Егоровича.

Они ещё долго бродили по аллеям осеннего парка, наслаждались тёплыми волшебными мгновениями уходящего бабьего лета, говорили о жизни, вспоминали ушедшую юность…

И он, и она были несказанно рады случайной встрече. У Егорыча в ту минуту мелькнула мысль: «Эта долгожданная встреча может оказаться для нас судьбоносной».

В дальнейшем так и вышло. И теперь, когда они гуляют по улице, прохожие провожают их завистливыми взглядами, замечая, как лица пожилой пары светятся от счастья.

КОРАБЛИК

№4

«Парус» детям

АННА ВОРОНИНА

ВЕЖЛИВЫЙ СНЕЖОК

Очень вежливый снежок
Мне забрался в сапожок,
Сразу ноги промочил,
Заморозил, застудил.
Я чихаю снова-снова.
Он в ответ мне: «Будь здорова!»

БАТУТ

У стены стоит батут
И твердит: «Я тут, я тут!
Подходи ко мне, дружок –
Сделай первый свой прыжок,
Только прыгай высоко,
Даже если нелегко!
Выше, выше
Прыгай, выше,
Выше шкафа,
Выше крыши,
Выше неба,
Выше туч!
Посмотри, как я прыгуч!»

МУХА

К маленькому носику
Муха прилетела,
Покружила, покружила
Да на носик села.

ПОДУШКА

Спать легла вчера подушка.
Тут пришло к подушке ушко,
Щекотало-щекотало
И подушке спать мешало.

Наконец уснуло ушко,
Стала засыпать подушка.
Носик рядом засопел.
Это так он песни пел.

И заслушалась подушка,
Но на носик села мушка.
Тут ладошка прибежала,
Мушку вредную поймала.

По подушке «хлоп» ладошка:
«Будь помягче хоть немножко!»
Стали пальчики щипаться,
Под подушку забираться,

И локтям всё места мало.
Тут подушка застонала,
Застонала и вздохнула:
«Ни минутки не вздремнула».

Утро в доме наступило,
Глазки, носик разбудило.
Будут днём они играть,
А подушка – крепко спать.

ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА

ХОМЯКА КУПИЛА МАМА

Хомяка купила мама.
Просыпается он рано,
Будит он меня с утра,
Шум доносится − пора!

Собираться надо в школу,
Слышу писк его весёлый.
Хомяку вставать не лень.
Трудится всю ночь и день,

Копошится, носит в норку
То орешки, то морковку,
Чтоб зимою не страдать,
Надо пищу запасать.

Буду я, как он, трудиться,
На пятёрки лишь учиться,
Чтобы мамочка моя
Не краснела за меня.

СОЛНЫШКО ВЕСЕННЕЕ

Мне сегодня и Катюшке
Солнышко весеннее
Подарило конопушки −
Лучиков свечение.

Не поймут никак подружки,
Что у нас со щёчками?
Что случилось? То веснушки
Рыженькими точками!

БЕЛЫЙ БОК

Осень мимо проходила,
Ярким цветом удивила:
Перекрасила поля,
Пожелтели тополя.

Но кот Васька не в обиде,
В осени себя увидел:
Был он рыжим, как листок,
Лишь помечен белым бок.

Вот зима придёт, увидит
И котёнка не обидит,
Землю выкрасит, дома
Белой краскою сама.

НА ПАРАД

Вместе с дедом на парад
Я хожу весною.
Он волнуется и рад,
Что идёт со мною.

Грудь его вся в орденах,
Я горжусь, что с дедом:
На военных кораблях
Он ковал Победу.

Держит шаг, хоть тяжело.
Я стараюсь тоже.
Так на деда своего
Быть хочу похожим!

ТРУСИХА

Надо мной смеётся гусь,
Что я плавать с ним боюсь.
«Га-га-га» − кричит он лихо:
«Эта девочка трусиха!»

Всполошились все вокруг:
Гуси, лошади - весь луг.
Началась возня, шумиха:
Все согласны. Да, трусиха.

Не поймут они меня-
Не умею плавать я.
Гусь кричал, щипал за пятки −
Я бежала без оглядки!

СНЕГИРЬ

Сел снегирь мне на ладошку,
Угощался хлебной крошкой,
Подкрепился, осмелел,
Песню звонкую запел.

Я подсвистывала тоже −
На дуэт было похоже.
Вдруг он крыльями взмахнул,
В чащу леса упорхнул.

ПОМОЩНИЦА

Просыпаюсь на рассвете
Вместе с мамочкой моей.
Есть у нас петух, звать Петя,
Десять кур и пять гусей,

Наш Татошка – сторож верный,
Кот Василий - хитрый лис,
Есть бычок-характер скверный,
А зовут его Борис.

Я помощница у мамы:
Угощаю кур зерном,
Тошке смазываю раны:
Он подрался с петухом.

Я и мама - непоседы:
На лужок ведём бычка,
Ровным строем гуси следом
Под командой гусака.

А Татошка и Василий
Охраняют двор и дом,
Чтобы Петя наш красивый
Не увёл всех кур тайком

На засеянное поле,
Где пшеница и овёс.
Там, конечно, им раздолье,
Но нельзя – на страже пёс.

Кот уселся на заборе,
Петуху полёт закрыт.
Куры рядышком, все в сборе,
Грозно пёс на них рычит.

А над нами солнце светит.
Жарко очень. Полдень. Зной.
Спит за речкой свежий ветер,
Да и нам пора домой.

Белы гуси вслед за нами
Вперевалочку идут,
Все с набитыми зобами.
Дома нас давно все ждут.

ЛЕТО - ЭТО ПРАЗДНИК

Как много сладкой ваты
Сегодня в небесах.
Спешит она куда-то,
Не тает – чудеса!

Её украл когда-то
Разбойник Бармалей.
Теперь сбежала вата,
Летит в страну детей,

Спешит, спешит на праздник
Весёлой детворы.
Ей ветер помогает.
Дома видны, дворы.

Вот детям будет сладко -
Лети, лети скорей.
Пора уж на посадку.
Прощай, злой Бармалей.

От счастья пляшут дети,
От лета ждут чудес,
Тут сладенькая вата
Вдруг падает с небес.

Её мотает ветер
На лучик золотой
И раздаёт всем детям
Ком сладости большой!!

ВИТАЛИЙ СМАЛЬКОВ

СЛОН-ФУТБОЛИСТ

Шум и гам со всех сторон.
Все бегут на стадион.
К нам приехал чемпион,
Футболист известный - слон.

Слон - кудесник и трюкач.
Он ушами ловит мяч.
По мячу ногами бьёт,
Хоботом он пас даёт.
И при силе его, росте
Состязаться с ним непросто.

Если станет на ворота,
Вряд ли гол забьёт хоть кто-то.
Первый приз бы нам достался,
Если б жить у нас остался!

* * *

Наш сибирский белый кот
Больше ест, чем бегемот.
Удивляется народ:
Бегемот то или кот?

* * *

Бегал пёс наш по двору,
Да забрался в конуру:
Время подошло обеда,
Ждёт он косточку от деда.

* * *

Гуси подошли к пруду,
Прокатилися по льду.
Плавать негде, вот беда:
Заморожена вода.

* * *

Куры села на насест,
Словно конкурс был невест.
По двору ходил петух,
Чтоб мундир не портил пух.
«Ко-ко-ко, ко-ко-ко,
Что сидите высоко?

Сели бы пониже,
А то плохо вижу
С этого вот места,
Кто моя невеста?»

«Куд-кудах», − сказали куры, −
«У нас красивые фигуры.
Взять любую ты сумеешь,
Коль насест ты одолеешь».

ГРИБНИКИ

В воскресение, с утра
В лес собралась детвора.
Не будили папу, маму,
А собрались тихо сами:

Тёплая одёжка,
На ногах сапожки.
Лукошки взяли, туески,
Прихватили рюкзачки.

Вскоре подошёл и дед
По-походному одет,
С плетёною корзинкою
И молочной крынкою,
Да с горячим пирогом,
А начинка с творогом.
(Дед, он знает наперёд -
Аппетит в лесу растёт).

Разделились парами,
Старшие все с малыми.
Только льётся на слуху
Там и тут: «Ау, ау».

Растворились в лесу звуки,
Наступила тишина.
Лишь в траве мелькают руки,
Грибников спина видна.

Время близится к обеду,
Наступил условный час.
Подтянулись внуки к деду,
Что сзывал уже не раз.
Грибов полные лукошки,
Потолстели рюкзачки.
Притомились все немножко:
В лесу дорожки нелегки.

Оглядел со всех сторон
Дед ребячий «батальон».

ВЕРА ТАРАСЕНКО

* * *

Маша целый день играла
С куклой, мишкой и котом,
На машинке их катала,
Потом прыгала с мячом.
Наигралась. Всем игрушкам
Отдохнуть пришла пора.
Куклу, мишку и машинку
В шкаф убрала до утра.

* * *

Ночь пришла. И в доме тихо.
Мама, папа, дети спят.
Только мышкам не лежится,
В кухне бегают, шумят.

Вот один на стол забрался
И бумажками шуршит.
Это он нашёл конфеты,
Зовёт братьев, им пищит.

Всё с бумажками изгрызли,
Прыг на пол и в шкаф быстрей.
Там лежит кусочек сыру.
Налетай! Грызи скорей!

Оглянуться не успели -
Сыра нет. Пора в нору.
От хозяев убежали,
Чтобы не попасть в беду.

* * *

Мышата, сбирайтесь на праздник скорей,
Сегодня встречаем мы зимних гостей.
К нам северный ветер со стужей летит,
И следом за тучей позёмка шуршит.
Мы песенку с ними про зиму споём
И в тёплую норку скорей спать пойдём.

* * *

Братья − месяцы собрались
К новогоднему костру,
Лимонадом запивали
Речь задорную свою.

Спорят: кто же из них краше,
Кто сытнее, кто теплей?
Спрашивают человека:
− Дай ответ нам поскорей.
- Без утайки вам отвечу:
Все вы, братцы, хороши,
Если есть пирог горячий,
И огонь горит в печи.

* * *

Киска целый день гуляла,
Свои лапки замарала.
Надо тапочки ей сшить,
Чтобы лапки не грязнить.

Но не хочет Киска тапки
Надевать на свои лапки,
Всё гуляет босиком,
Потом моет язычком.

* * *

Заблудилася собачка.
Заскулила: «Где ж мой дом?
Там хозяин и хозяйка,
И любимый котик Том.

Я и кот играли в прятки,
В догонялки, а потом
Кот чего-то испугался,
Убежал, махнув хвостом».

Ночь пришла. Скулит собачка:
«Как найду я дом во тьме?»
Вдруг знакомый голос слышит:
«Тимочка, скорей ко мне!»

Радостно домой вернулись.
Их давно хозяйка ждёт,
Суп собачке наливает,
А кот косточку несёт.

РАССЕЯННЫЙ ПАПА

Март. Восьмое. Женский день.
Звон капели – динь, день, лень!
Папа в магазин с утра бежит,
Чтоб подарки нам купить:

Маме шарфик кружевной,
А мне бантик голубой.
Всё купил. Принёс домой.
Я открыла сумку − ой!
Вместо шарфика − замок,
Для меня - дверной звонок.
Что ты, папа, нам купил?
Шарфик, бантик где? Забыл?
Замахал папа руками:
«Деньги вот. Купите сами».
Мой подарок: подбежал,
Обнял нас, поцеловал.

ГАЛИНА СОЛОНОВА

ВОРОБЫШЕК

У края дорожки, что вела от калитки до крыльца дома, стоял ветвистый высокий куст сирени. Его облюбовали деревенские воробьи. Зимой и летом в погожие дни они собирались шумной компанией и весело распевали свои воробьиные песни.

Пятилетняя Лиза с бабушкой и дедушкой любили сидеть на крылечке и наблюдать за маленькими пичужками. Серые, юркие, словно мышки, они перелетали с ветки на ветку. В мае-июне у птичек много забот: из сухих стебельков, мха, листьев и мелких пёрышек строили гнёзда.

Однажды Лиза сыпала хлебные крошки в кормушку, что висела на нижней ветке сирени. Неожиданно она услышала жалобный писк. «Чирик, чи-ри-к, цви-и, цви-и, цирлю-ю», – доносилось из середины куста. «Словно плачет кто-то», – подумала девочка и оглянулась. На дорожке лежал птенчик-воробей. Лиза взяла его в ладошки: комочек серых пёрышек, глазки-бисеринки, лапки врозь. От жалости Лиза чуть не заплакала. Поднялся воробьиный гомон. «Сочувствуют пернатые воробьихе. Что же делать? Как спасти малыша?» – думала девочка. С воробейчиком в ладошках поспешила в сад к дедушке.

- Да-а, печальный случай. Где искать теперь его гнездо? – сказал он, подходя к сиреневому кусту.

- Может, среди веток сирени, – предположила внучка.

- Навредить можем: стряхнём случайно другие гнёзда. На липе, что стоит рядом с сиренью, вороны живут. Воробьи любят селиться под защитой гнёзд больших птиц. Неаккуратная ворона могла зацепить крылом маленькое соседское гнёздышко.

- Жалко воробьишку, – прослезилась Лиза.

В ответ птенчик задвигал лапками. Девочку словно осенило. Она побежала в дом. У окна на тумбочке стояла клетка с попугаем. «Пусть поживёт вместе с Кешей, – решила Лиза. Попугай важно сидел на перекладине и пел свою главную песенку. Подошла бабушка, увидела в ладошках у внучки птенчика и всё поняла.

- Открывай быстрее клетку, бабушка, – волновалась Лиза.

Девочка аккуратно опустила птичку на дно клетки. Воробейчик нахохлился, вздыбил пёрышки и замер. А Кеша сначала замолчал от недоумения, затем быстро-быстро что-то возмущённо заговорил и стал перепрыгивать через незваного гостя.

- Внученька, добрая твоя душа! Не уживутся эти два пернатых вместе. Пристрой пичужку где-нибудь ещё.

На дно небольшой корзины Лиза постелила свой старый свитер, поставила блюдце с водой, насыпала пшена и отправила туда птенчика. Но и там ему было некомфортно. Он трепетал крылышками, жалобно пищал.

- Ему страшно, маму зовёт, – совсем расстроилась Лиза.

- Он голоден. Родители кормят своих малышей мелкими мошками, – объяснила бабушка.

Лиза подхватила корзину и побежала в сад.

- Дедушка! Воробышек погибнет, если мы с тобой ему не поможем!

- Ах, бедолага, – посочувствовал дедушка. – Пойдём, внученька, к скворечнику. Туда подсадим пернатую кроху.

Всё получилось. Лиза наблюдала, как скворцы-родители часто летали за мошками, чтобы прокормить малышей. Иногда она видела и своего воробышка с раскрытым клювом. Он тоже ждал от своих приёмных родителей вкусных мошек.

ЕЛЕНА ШАДРИНА

ШУМОВОЙ ОРКЕСТР
для детей дошкольного и младшего школьного возраста

1.Колокольчик запоёт,
Всех на улицу зовёт.
Дили-дон и дили-дон,
Раздаётся всюду звон.

2.Бубен в руки мы возьмём
И играть сейчас начнём.
Раз, два, три и раз, два, три,
Бубен, весело звучи.

3.Маракас шумит, гремит,
Всех ребят он веселит.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будем весело играть.

4.Колокольчик дили-дон,
Раздаётся всюду звон.
Дили, дили, дили-дон,
Я услышу этот звон.

5.Бубен звонко потрясём,
Потанцуем и споём.
Тра-та-туш-ки, тра-та-та,
Вот резвится детвора.

6.Маракас так зазвенел,
Вместе с нами он запел.
Раз, два, три, четыре, пять,
Продолжаем мы играть.

МАТЕМАТИКА

Математика важна,
Математика нужна.
Будем вместе прибавлять,
И делить, и умножать.

Раз, два, три, четыре, пять -
Научились мы считать.
Раз, два, три, четыре, пять -
Будем знанья применять.

Треугольник, ромб, квадрат -
Рисовать их каждый рад.
Дальше будем мы решать
И примеры вычислять.

Напрягай свой ум скорей,
Стали мы чуть-чуть умней.
Математике – Ура!
Вмиг задача решена.

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

В детский сад с тобой идём,
Много в нём друзей найдём.
Будем вместе мы играть,
Никого не обижать.

Здесь научимся писать,
Песни петь и танцевать,
Рисовать, лепить, читать -
Путь в науку открывать.

Солнце светит нам с небес,
А вокруг полно чудес.
Удивляйся и мечтай,
Обо всём скорей узнай.

О ДРУЖБЕ

На нашей есть планете
Родная сторона.
Она добром согрета
И дружбою сильна.

Из кубиков мы строим
Красивый, светлый дом.
Любимые игрушки,
Живите дружно в нём.

С друзьями не скучаем,
И вместе день за днём
Все дружно мы мечтаем
И радостно живём.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В майский день пришла победа,
И закончилась война.
И теплом сердец согрета,
На парад спешит страна.

В день Победы вспоминаем
Всех погибших на войне,
Никогда не забываем
Об их доле и судьбе.

Пусть сияет ярко солнце
На просторе голубом!
Пусть щебечут звонко птицы,
Наполняя мир добром!

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

В зимний солнечный денёк
Нас зовёт к себе лесок.
Во лесочек мы пойдём,
Разных шишек соберём.

В зимний солнечный денёк
Нас зовёт к себе лесок.
А в лесочке серый Волк,
Он зубами щёлк-щёлк-щёлк.

В зимний солнечный денёк,

Нас зовёт к себе лесок,
А в лесочке том Лиса,
Шаловлива и хитра.

В зимний солнечный денёк,
Нас зовёт к себе лесок.
А в лесу том снегири,
С красной грудкою они.

Весенние попевки–распевки

ВЕСЁЛАЯ ТУЧКА

Весёлая тучка по небу плыла,
Весёлая тучка дождём полила.
Весёлая тучка исчезла вдали,
Весёлая тучка, дождём не шали.

ВЕСНА

В платочке зелёном пришла к нам весна
И в зелень одела поля и леса!

ПРИЛЕТЕЛИ ГРАЧИ

Прилетели грачи, зашумели ручьи.
Улыбнулась весна, и проснулась земля!

ЛЬДИНКА

Падают льдинки, тают снежинки.
Солнышко скачет, зимушка плачет!

СОЛНЦЕ

Небо радостью сияло, на нём солнышко играло,
На меня оно взглянуло и игриво подмигнуло.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Достижения участников детской творческой студии «Мастерская словесности» при детской библиотеке г. Сельцо (руководитель А.В. Воронина)

Екатерина Бут

Ученица 7Б класса МБОУ СОШ №1 имени героя Советского Союза В.А. Лягина г. Сельцо.

Победитель областного заочного конкурса учебно-исследовательских работ и сочинений на тему «Ф.И. Тютчев – певец природы и любви» (к 215-летию со дня рождения русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803 – 1873)).

Софья Воронина

Ученица 4 класса школы №3 г. Сельцо.

Призер (3 место) областного литературного фестиваля «Брянских книг желанные страницы» в номинации «С любовью к Брянщине от юных поколений».

Варвара Ежова

Ученица 4 класса школы №3 г. Сельцо.

Призёр (3 место) конкурса сочинения «Волшебный театр» от детского православного журнала «Саша и Даша» (г. Нижний Новгород).

Анна Миронова

Ученица 6 класса МБОУ СОШ №3 г. Сельцо.

Призер (2 место) областного литературного фестиваля «Брянских книг желанные страницы» в номинации «С любовью к Брянщине от юных поколений».

Всеволод Молчанов

Ученик 3б класса школы №4 г. Сельцо.

Серебряный призёр Международного конкурса «Дети читают Бориса Заходера»

Валерий Сёмин

Ученик 7 класса МБОУ СОШ №3 г. Сельцо.

Победитель областного заочного конкурса учебно-исследовательских работ и сочинений на тему «Ф.И. Тютчев – певец природы и любви» (к 215-летию со дня рождения русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803 – 1873)).

Софья Старовойтова

Ученица 7 класса МБОУ СОШ №3 г. Сельцо.

Победитель областного заочного конкурса учебно-исследовательских работ и сочинений на тему «Ф.И. Тютчев – певец природы и любви» (к 215-летию со дня рождения русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803 – 1873)).

Григорий Щипицын

Ученик 5 класса МБОУ СОШ №3 г. Сельцо.

Победитель (гран-при) Международного детского конкурса «Школьный патент − шаг в будущее!» (г. Санкт-Петербург) в номинации «Мастер слова».

НАШ ГОСТЬ

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВА

Александрова Людмила Юрьевна родилась в Сибири, в г. Кемерово. Окончила музыкальную школу, музыкальное училище, Новосибирскую государственную консерваторию. Работала по специальности в Новосибирске. Выйдя замуж, переехала в Киев, где проживала до 2014 г. Затем приняла решение переехать в Россию. Получила гражданство РФ. Живёт в г. Сельцо. Рассказ «Дядя Паша» её дебютная работа.

ДЯДЯ ПАША

Я с нескрываемой завистью смотрю на бессмертный полк. Как бы я хотела пройти в одной колонне с теми, кто горделиво шествует в День Победы по центральной улице города! Но портрета нет, и где его взять: родные живут в другой стране, а мой родной дядя Паша, участник войны, давно умер.

Он был гвардейцем-танкистом, дошёл до Берлина и вернулся живым. Внешне был цел и невредим, но вот внутреннее состояние… Тяжелейшие фронтовые годы не прошли для него даром, оставив в его сердце глубокие, кровоточащие раны. Дядя Паша надломился и гасил непреходящую боль алкоголем. По этой причине так и не смог создать семьи и устроить свой быт…

Дядя Паша был видным, красивым, сильным и доброжелательным, как все здоровяки. Его мать, моя бабушка, рассказывала, какие трогательные письма получала от сына с фронта. Он писал: «Мама, пишу тебе на броне танка. Завтра предстоит тяжёлый бой… Все ребята полны решимости бить врага беспощадно, не жалея себя. Обо мне не беспокойтесь – цел и невредим… » Получив такое письмо, бабушка не выдерживала, хваталась за свою седую голову, раскачивалась из стороны в сторону и стонала: «О-о-о… Господи,

смилуйся над моим любимым и единственным сыночком, убереги его от гибели, от тяжёлых ран…»

После войны я, маленькая, чистенькая, беленькая девчушка, выхоленная отцом и матерью, несколько избалованная общими усилиями нашей большой дружной семьи и в силу этого по-детски столь высокомерная, сколь и ограниченная, не любила дядю Пашу. Я замирала от ужаса и отвращения, когда он, большущий, тянущий ко мне руки, раскачиваясь и дыша хмельным перегаром, приближался, чтобы пожалеть, приласкать, погладить по голове хорошенькую милую племянницу - дочь своей младшей сестры Лидочки…

И с этим своим высокомерием я прожила довольно долго, а возможно прожила бы и всю оставшуюся жизнь, если бы не одно обстоятельство, которое невольно произвело переворот в моём сознании, причём совершенно неожиданно и почти мгновенно…

Российским Центром Науки и Культуры (РЦНК) в Киев к 9 мая (за несколько лет до Майдана) был приглашён известный кинорежиссёр Карен Шахназаров с тем, чтобы устроить показ своего нового военного фильма «Белый тигр». Фильм демонстрировался в одном из городских кинотеатров. На премьеру было приглашено всё российское сообщество столицы Украины, в том числе и я как основатель и руководитель «Клуба читателей» при РЦНК.

Первые же кадры фильма буквально потрясли меня своей простотой и убедительной достоверностью. На экране - поляна в глухом лесу, где расположился полевой военный госпиталь: измученные до предела медсёстры в марлевых косынках; на верёвках меж деревьев – стираные бинты, бывшие много раз в употреблении, а на хирургических столах в палатках стонущие от дикой боли раненые бойцы. Над ними склонились военврачи, а рядом с ними - сестрички, едва успевающие стирать кровь со столов и пот с лиц хирургов…

Вокруг палаток танки, целые и подбитые. Танкисты, кто в силах, сами выкарабкиваются из люков уцелевших танков. Других вытаскивают товарищи. Танкисты в своих выпуклых чёрных шлемах. Комбинезоны тоже чёрные, сплошь в блестящем мазуте, и лица настолько закопченные, что едва различимы глаза. А внутри сожжённых танков - сгоревшие целиком танкисты, чёрные обуглен-

ные тела… От танков, некогда грозных махин - груды развороченного металла…

Я редко плачу. Но тут что-то словно оборвалось в моей душе. И я взмолилась: «Дядя Паша, дорогой мой! Прости! Прости меня, девчонку легкомысленную! Я всё поняла, и я тебе всё простила! Как ты мог всё это пережить, такой нежный и открытый, глядя на своих сестёр, вполне благополучных, на цветущий сад, на меня, порхающую, словно мотылёк, под чарующие звуки семейного фортепиано?! Этим благополучием мы всецело обязаны тебе, твоему фронтовому подвигу! А ты, заслуживающий внимания и заботы, был такой несчастный, неустроенный в жизни…

Ты всё выдержал там, где металл не выдерживал. И только потом дал слабину, когда память мучила, не оставляла в покое ни на минуту, будоражила душу и днём, и ночью и вынуждала каждой клеточкой тела, чувствовать свою вину перед теми, кто не вернулся, кто сложил головы на полях сражений…

Ты выдержал! Преодолел все ужасы войны и дошёл до Берлина! Положил свои силы на алтарь Победы! И победил!

Слава тебе, мой дорогой дядя, Павел Григорьевич Сухарин! Твой подвиг и подвиг твоих товарищей-танкистов будет жить вечно в моём сердце и в сердцах благодарных потомков!

НАШ ГОСТЬ

ЕЛЕНА МИРОНОВА

Миронова Елена Александровна родилась в п. Сельцо. Окончила Минский электротехникум связи, служила в военно-транспортной авиации, в ГУВД Самарской области. В 2009 году уволена по выслуге лет с должности старшего оперуполномоченного. Во время службы начала писать короткие рассказы и сказки для стенгазеты. Увлекается фотографией, участвует в конкурсах и выставках. Член "Клуба путешественников" при Брянском художественном музее. Рассказы и очерки публиковались в "Брянском рабочем" и в "Сельцовском вестнике". В настоящее время – корреспондент газеты «Сельцовский вестник».

МИЛЕНА

У подъезда уже стоит такси. Подхватываю чемодан, спускаюсь вниз. Сегодня меня никто не провожает, чему я, собственно, рада. Долгие проводы - лишние слёзы. Закончился мой визит к родителям, я возвращаюсь домой, к любимому мужу. Решила поехать поездом для разнообразия. Путь неблизкий, зато без пересадок. Почти двое суток в дороге. Утомительно? Конечно, но... Если не повезёт с соседями по купе, значит, буду читать и смотреть фильмы. Всё-таки есть что-то хорошее в гаджетах. Никогда не пользуюсь их возможностями в общественном транспорте. Люблю смотреть в окно или по сторонам. Но вот по сторонам в последнее время – скучно, все сидят уткнувшись в телефоны или планшеты, ничего не замечая вокруг. Удивительно, как это люди сейчас умудряются знакомиться? Виртуально?

Мне предстоит длительная поездка, поэтому и гаджеты сойдут в этом случае. А пока таксист открыл багажник, пристроил чемодан, и мы отправились на вокзал. Водитель оказался молчаливым, к

счастью, и музыки в салоне не было. Часто мои музыкальные пристрастия не совпадают с мнением водителей, но в дороге приходится слушать... Пусть уж лучше будет тихо.

Без пробок на дорогах мы быстро доехали до железнодорожного вокзала. Хмурый водитель достал чемодан, и пожелал счастливого пути. Дай-то Бог не оказаться с таким соседом в купе. Никакие гаджеты не спасут. До прибытия поезда оставалось около двадцати минут, и я пошла на перрон.

Погода замечательная, тёплый августовский ветерок, светит солнце. Человек около двадцати стоят в ожидании поезда. Интересно, кто окажется моим попутчиком? Я почему-то была уверена, что в вагоне будет немного пассажиров, и вряд ли в купе уже кто-то есть. Несколько раз взгляд останавливался на стройной симпатичной женщине. Она была, как и я, без провожающих. Может быть, моё внимание привлёк цвет её волос? На солнце её стрижка просто полыхала... Огненно-рыжие, с каким-то невероятным блеском волосы. Не всем такой цвет подойдёт. Но эта была хороша!

Из-за поворота показался поезд. Люди засуетились, пошли навстречу приближающему составу. Ищу глазами свой вагон – вот он. Эта рыжая тоже остановилась рядом. Я уже была полностью уверена в том, что она моя соседка. Проводница опустила дополнительные ступеньки, протёрла влажной салфеткой поручни и начала проверять билеты и паспорта. Я поднялась в вагон, вот и моё купе. Точно, пока пустое. И тут же вошла она... Кто бы сомневался? Интуиция меня не подвела.

- Здравствуйте. Я смотрела на толпу и думала, с кем окажусь в купе? Почему-то выбрала вас, - улыбнулась она.

- Не поверите... Я тоже вас заметила. Интересно, а больше никто не войдёт?

Но все проходили мимо. Мы разместили свой багаж, переоделись в удобную в поездке одежду, познакомились. Её звали Милена. Довольно редко встречается это имя. Во всяком случае, у меня нет ни одной знакомой с таким именем. Замелькали за окном последние российские деревеньки. Скоро граница. Мы разговорились, и я поняла, что гаджеты мне вряд ли понадобятся. Милена оказалась интересной собеседницей и превосходной рассказчицей. Говорят, с попутчиком легко быть откровенным, можно многое рассказать. Выйдет на своей станции, и больше никогда не встретитесь.

Возможно, принимая во внимание это, Милена и поведала мне свою историю...

…Милена Михайловна вышла из поликлиники. Диагноз подтвердился, предстоит операция. Доктор утешил - операция несложная, исход самый благоприятный. Беспокоиться не о чем. Мысли роились... Как - не о чем? Мама стареет, сил с каждым годом всё меньше. Дочь учится в 7 классе, совсем еще ребенок. Её одноклассницы на голову выше Насти, и интересы у них совсем иные. И работа... Операция банальная, и пройдёт успешно, но есть одно «но». Крошечное, но очень весомое. Милена может лишиться голоса – достаточно одного неловкого движения хирурга. Жить будет долго и, быть может, счастливо, но говорить не сможет. А она педагог, завуч. Без голоса о любимой работе можно забыть. Кто-то ей не верит, кто-то сомневается в её психическом состоянии: как можно любить школу, сумасшедших учеников, неадекватных коллег? Всякое бывает. А она любила. Еще в детстве любила играть в школу. Рассаживала своих кукол и учила... А потом окончила школу, поступила в пединститут. Мечта обретала реальность. Она станет учителем!

Замелькали семестры, сессии. Когда занимаешься любимым делом, время летит незаметно. После третьего курса Милена влюбилась. Приехала на каникулы к маме. Отец давно оставил семью. Как говорят, седина в голову - бес в ребро. Встретил молодую разбитную официантку в офицерской столовой, и закрутилось. А в небольшом военном городке все на виду. Вскоре маме доброжелатели рассказали об увлечении Михаила. Маму всегда отличала бескомпромиссность. Милену она попросила съездить к бабушке под каким-то придуманным предлогом, и в тот же день расставила все точки. Собрала вещи мужа, и когда он вернулся домой, спокойно сказала: «Уходи». Милене объяснила причину и сказала, что впредь разговоры об отце в её присутствии неуместны. Встречаться с отцом Милена сможет, но только вне дома.

И вот, приехав домой, Милена рассказала маме о своей студенческой жизни, показала зачётку, где царило приятное однообразие - по всем предметам «отлично». Расспросила о жизни в гарнизоне и отправилась к однокласснице, которая тоже приехала на каникулы. Чем занять время в закрытом городке? Встречи, разговоры и Дом офицеров. Там и фильмы, и концерты, и дискотеки.

На первой же дискотеке, куда заглянули подруги, Милена увидела молодого человека, который выделялся из массы присутствующих мужчин. Модный кожаный пиджак, фирменные джинсы и длинные волосы. Модным прикидом удивить здесь было кого-то сложно - частые загранкомандировки давали возможность в то непростое время, когда в магазинах манекены красовались в такой одежде, что сами краснели от стыда, одеваться современно и модно. А вот прически у ребят, пришедших потанцевать, не отличались разнообразием - они были уставными.

Милена зачарованно смотрела на незнакомца. Парень, почувствовав на себе взгляд, осмотрелся и заметил, как смутилась девчонка. Он решил подойти к ней.

- Здравствуйте. Я вас здесь раньше не видел. Как вас зовут?

- Милена.

- Интересное имя. Меня зовут Александр. Давайте потанцуем, Милена?

Так всё и началось. В тот вечер они танцевали вдвоём, забыв об окружающих. Милена видела, что её подруга Татьяна тоже не стоит у стеночки, «платочек в руках теребя», а флиртует с симпатичным лейтенантом.

После дискотеки Саша пошёл провожать девушку, путь до её дома совсем короткий, поэтому они решили ещё немного погулять. Разговорам, казалось, не будет конца. Милена и в институте не была обделена вниманием, но с Сашей было всё иначе. Он оказался таким интересным рассказчиком, таким внимательным слушателем... просто очаровал собеседницу. Когда они подошли к подъезду Милены, и она подняла голову, посмотрев на окна своей квартиры, тотчас спохватилась. Уже давно время перевалило за полночь, мама не спит. Договорившись встретиться днём и попрощавшись с Сашей, Милена опрометью бросилась на пятый этаж. Мама открыла дверь и, увидев сияющие глаза дочери, сказала:

- Ну проходи на кухню, гулёна, рассказывай. Кто он?

- Мамочка, я, кажется, влюбилась. Он такой...

- Самый-самый? - мама улыбнулась.

- Мамочка, правда, Саша - самый-самый... ой, а какой он талантливый, мам. Ты знаешь, у него такой красивый пиджак из кожи, и, представь, он его сам сшил. Никогда бы не подумала, что мужчина может так шить.

- Ну, дочка, лучшими закройщиками и портными всегда были мужчины. А ещё у него какие таланты?

- Еще он играет на гитаре, фортепиано, и поёт. Игру, как ты понимаешь, я не слышала, а вот голос у него удивительный.

- Серенаду исполнил?

- Мама! Шутишь! Нет, он просто напел мне мою любимую песню. Так неожиданно, оказалось, что она ему тоже очень нравится.

- Ладно, дочь, поздно уже. Давай поешь, иначе не уснёшь, и спать!

- Кажется, я и так сегодня не усну.

- Ладно, родная, я пойду спать. У меня глаза уже сами закрываются, до подушки бы голову донести.

- Спокойной ночи, мамочка!

Так всё началось, и очень скоро Милена поняла, что не представляет себе жизнь без Саши. Тем же летом сыграли свадьбу. Семейная жизнь никак не повлияла на учёбу Милены. Она с красным дипломом окончила институт и вскоре родила дочь. Саша души не чаял в малышке, и как только она выросла из пелёнок, сшил ей комбинезон на зависть окружающим. А потом с удовольствием кроил и перекраивал, шил, шил для своей Настеньки. У него были золотые руки. Начал принимать заказы на пошив модных вещей. Помимо швейной машины не забывал и про музыку, играл в доме офицеров. Там собрался небольшой коллектив талантливых ребят, которые создали ансамбль. Выступали не только на танцах в городке, но и выезжали в окрестные райцентры.

В какой-то момент Милена поняла, что её тревожит: Саша стал выпивать. Сначала это случалось редко и не вызывало обеспокоенности, но с течением времени участились поводы, да и количество выпитого возросло. Разговоры, просьбы о прощении, обещания больше не пить - всё повторялось, пока однажды он не ввалился в квартиру в порванной грязной одежде, с наливающейся синевой под глазом... Милена вспылила, и муж, очевидно, не остывший от драки, ударил её. Милена ушла в комнату к дочери, закрылась. Слышала, как Саша продолжает ругаться, громыхать посудой, а потом всё стихло. Он уснул за кухонным столом, а Милена.... Милена собрала его вещи и утром сказала: «Уходи».

Мама вышла на пенсию, занялась внучкой, а Милена смогла выйти на работу. Так и жили, втроём. Годы мелькали, подрастала Настенька, Милена работала, мама занималась домашними делами. И вот операция. Как она пройдёт?

Проснувшись после наркоза, Милена вспомнила о своих опасениях и попробовала сказать что-нибудь. И у неё это не получилось. Рядом сидела мама. Она наклонилась к лицу дочери, погладила по волосам:

- Проснулась, доченька. - Увидев ужас в глазах дочери, успокоила. - Не волнуйся, всё будет хорошо, не торопись!

Милена попыталась улыбнуться матери, но улыбки не получилось, вместо этого на глаза навернулись слёзы.

- Ну- ну, солнышко моё, не плачь, что ты? Успокойся, всё будет хорошо! Сейчас я за доктором схожу....

Летело время, и опасения Милены оправдались. Ну за что ей? Ведь стольким людям делают такие операции, и у них всё хорошо? Может быть, не стоило думать о плохом накануне операции? Говорят, плохие мысли реализуются гораздо чаще и быстрее, чем хорошие… Больничный лист был закрыт, а о возвращении на работу думать не приходилось. Что это за учитель, если вместо голоса едва слышен шёпот? Милена написала заявление на увольнение и стала думать, как жить дальше. Ей предложили рабочую группу инвалидности с крошечной пенсией, но она отказалась. На мамину пенсию втроём не прожить. Надо искать выход.

Как-то Милена встретилась со старой знакомой, которая иногда приезжала к родителям погостить, а постоянно жила и работала в Италии уже немало лет. Она и подкинула идею. Пока не восстановился голос, можно найти работу, в которой нет необходимости разговаривать. Да и без знания языка... В анамнезе есть английский, но до совершенства ещё далеко. После непродолжительных колебаний Милена решилась на отъезд в Италию. Были соблюдены все необходимые формальности, и, оставив дочь на попечении мамы, Милена вылетела в Рим.

По контракту Милена устроилась в семью стареньких, но состоятельных итальянцев, которые нуждались в постоянном уходе. У детей свои семьи, живут далеко, и часто навещать родителей у них нет возможности. Пять лет... Ускоренные курсы итальянского, старческие капризы, работа с утра и до позднего вечера. На месяц

заботу о стариках брали на себя дети и внуки, и Милена летела домой. Дочь взрослела, превращаясь в хорошенькую девушку. У бабушки не было особых забот, Настя росла умницей. Хорошо училась в школе, легко поступила в институт. Скучала без мамы, но понимала: пока есть только такая возможность...

Старики ушли в мир иной один за другим. Прожили долгую и счастливую жизнь и умерли с разницей в месяц. Милене предстояло сменить работу, она заранее готовилась к этому. Поэтому после похорон уехала на юг Италии, где начала работать в кафе. Голос восстановился, язык стал вторым, проблем с общением не было.

У Милены, наконец, появилось свободное время. В выходные дни она начала совершать небольшие путешествия, ибо, проживая в стране уже столько лет, она её практически не знала. В одной из таких поездок Милена познакомилась с мужчиной, который был старше, но градус обаяния зашкаливал. Как оказалось, он давно овдовел, детей не было. Несмотря на солидный возраст, продолжал работать. Завязалась дружба, перешедшая в любовь. Марко окружил Милену заботой. Всё свободное время они проводили вместе. В очередной отпуск на родину Милена отправилась вместе с Марко. Он очень хотел познакомиться с матерью любимой женщины, думал просить у неё благословения. Милена, принимая его ухаживания, была против брака. Оставаться навсегда в Италии она не планировала, ибо знала, что наступит момент, когда ей придётся вернуться к матери. Возраст уже давал о себе знать, но пока с мамой была Настя. А так будет не всегда. Марко же не видел себя вне своей любимой Италии. Так зачем усложнять? Пока им хорошо вместе, нужно просто жить... Сложностей в жизни хватает, а официальные отношения не делают её счастливей и безоблачней. Штамп в паспорте у Милены уже был, но сколько тогда длилось счастье?

Обворожительной улыбки Марко хватило, чтобы завоевать расположение родных Милены. И её мама, и её дочь с первых минут почувствовали в спутнике Милены надёжного, милого человека. Мама пыталась убедить дочь в том, что если мужчина настаивает на браке, нужно принять его предложение. Жизнь не такая продолжительная, чтобы настаивать на поспешных решениях, имея в виду события, которые могут произойти когда-то... Милена оказалась непоколебимой. Она давно решила, что просто обязана скра-

сить жизнь мамы в старости. Ведь мама тоже посвятила свою жизнь дочери и внучке. Долг платежом красен...

…За разговорами дорога показалась не такой долгой, как можно было себе представить. Милена ехала в гости к своей школьной подруге, оставив дома маму на попечении подруги. Та будет присматривать за пожилой женщиной в течение двух недель, что Милена проведёт в гостях. Дочь уже вышла замуж и живёт в столице. А помимо встречи с подругой, с которой не виделись со студенческих лет, Милене предстояла и встреча с Марко. Он должен тоже приехать в город, где живёт подруга, а потом они вместе уедут на несколько дней на море.

Мы долго разговаривали, поздно уснули. Просыпались на границе, предъявляли паспорта, визы, и..., когда я проснулась, обнаружила на столе записку. Милена написала: «Не стала будить, ты так сладко спала. Счастливого пути и всего тебе самого доброго». Я умылась, попросила проводницу принести кофе. Мне оставалась пара часов пути, и я задумалась.

Как часто в жизни мы следуем неким заветам, канонам… Считаем, что поступаем правильно, руководствуясь сложившимися стереотипами поведения... Кто знает, что может случиться завтра? Может быть, правильным было бы стараться стать счастливым, возможно, вопреки неким канонам, и тогда счастливее станут те, кто рядом?..

ПАДЕНИЕ

- Тамара Марковна, здравствуйте! - подобострастный голос разбитной продавщицы из палатки раздался рядом, и Татьяна оглянулась вокруг. Мимо прошла ее бывшая одноклассница, а ныне, по слухам, преуспевающий врач районной СЭС. На приветствие та едва кивнула, царственно повернув голову. Татьяна показала глазами на удаляющуюся Никитину своему спутнику.

- В школе мы дружили, а потом она уехала в Москву, закончила там мединститут, удачно вышла замуж. Муж работал в банке, все складывалось замечательно, но он погиб в автомобильной катастрофе, и Томка с сыном вернулась к родителям. Я её до сегодняшнего дня не видела. Слышала, что благодаря связям родителей и

некоторому капиталу, оставшемуся от мужа, наша Никитина сейчас процветает.

- Как ты сказала? Никитина Тамара Марковна? - Лёва посмотрел на Таню.

- А чему ты так удивился?

- Насколько я помню, ее недавно задержали сотрудники БЭП во время получения взятки, и в отношении неё возбуждено уголовное дело.

Пришло время удивляться Татьяне.

- Ты что, вчера родился? Много ты вспомнишь случаев, когда взяточники понесли наказание? Кого-то посадили? Все отделываются лёгким испугом. Деньги делают всё, а большие деньги тем более... Ну понервничает Тамара, ну без лишней шубки останется... Лёва, ты что такой наивный?

Тот промолчал. В системе они работали не первый год, и Лев был полностью согласен с Татьяной. В последнее время борьба с коррупцией набирала обороты, оперативники чуть ли не за руку брали мздоимцев, но до суда дела, как правило, не доходили. А если и попадали туда, то подсудимые отделывались условным наказанием, и из зала суда удалялись счастливые и довольные: свобода. Взятка, на которой попались, была не единственной, деньги на безбедное существование есть, и даже если на прежнее «доходное» место сразу вернуться не получится - не страшно. Пройдёт немного времени, всё забудется, друзья есть везде, помогут устроиться.

Таня подумала о том, что было бы неплохо встретиться с Чабановой, та наверняка знает о случившемся с Никитиной. Марина Чабанова тоже была одноклассницей, но с Тамарой её связывала более тесная дружба. Таня предположила, что она должна быть в курсе...

Раньше они жили в одном дворе. После школы Чабанова вышла замуж и переехала к мужу. Родители Никитиной купили квартиру в центре города. Таня иногда встречала маму Марины, они обменивались новостями: кто из одноклассников женился, кто развелся, у кого родились дети. Изредка встречались с Мариной за «рюмкой чаю...» И вот сегодня Татьяна решила позвонить Марине. Вечером, вернувшись домой, Таня сказала маме о том, что видела Никитину.

- Мам, ты бы видела этот поворот головы, а осанка... Мимо прошла ну прям особа царских кровей.

- А что ты хочешь? Положение обязывает.

- Хочу позвонить Маринке, они, по-моему, продолжают общаться.

- Попробуй. Встретились бы, поболтали. Раньше ведь были подруги - не разлей вода. Вот и возобновили бы отношения.

- Были. Да сколько той воды утекло. У всех свои интересы, новые друзья. Ладно, сейчас попробую позвонить. Таня набрала знакомый номер.

- Алло, слушаю вас.

- Привет, Чабанова! - подруги частенько называли друг друга по фамилиям, как некогда воспитанницы Смольного.

- Смирнова? В лесу стало на одного медведя меньше или рак засвистел? Сто лет тебя не слышала. Что это ты вдруг решила вспомнить о моём существовании?

- Ты почти угадала, рак свистнул. Я сегодня Никитину видела.

- Новость... Звонила бы почаще, знала бы, что она сейчас моя соседка. Живет в соседнем подъезде. Каждый день ее вижу. Мы с Максимкой гуляем вечером, она как раз в это время возвращается с работы. Недавно новую тачку купила. Водить-то она ещё в школе научилась. Помнишь, сколько было слёз, когда она папину машину разбила? Говорила, что никогда за руль не сядет. Ничего, села. Слушай, Тань, а что я тебе по телефону буду рассказывать? Приезжай ко мне, и закатимся в гости к Томке, а? Я думаю, что она нам будет рада. Давай, не тяни время. Собирайся! Мой дома, с Максиком посидит, а я от них отдохну.

- Ладно, сейчас приеду.

Таня взглянула в зеркало. Сколько же лет они не встречались все вместе? Студенткой Тамара приезжала к родителям во время каникул, но это было, пожалуй, на первом и втором курсах. Потом замужество, своя семья. Почти пятнадцать лет прошло....

Слегка поправив макияж, Таня провела расчёской по непослушным волосам - готова к выходу в свет... На троллейбусе до нового жилого комплекса, где сейчас, как оказалось, обитали подруги, всего три остановки. Увы, получая милицейскую зарплату, думать о покупке своей машины Татьяне не приходилось. Хотя порой она

отчетливо представляла себя за рулем крошки – «Фольксвагена». Удобная женская машинка - сумка на колёсах...

Да... Комплекс имеет соответствующее название, усмехнулась Татьяна – «Царские хоромы». Правда, лифт от своих собратьев из домов, не имеющих громких имен, не отличался ни количеством надписей на стенках, ни запахом. Как избавиться от привычек, когда «хоромы царские», а замашки остаются холопскими?

Дверь открыла Марина и с ходу затараторила:

- Смирнова, я тебя умоляю, ни слова о неприятностях. Никитина влетела со взяткой, скоро суд. Сама понимаешь, родители помогут, всё замнут, но Томка переживает сильно. Поэтому помалкивай, ты ничего не знаешь. Просто идём в гости, я ей уже позвонила, она нас ждёт. Слушай, Смирнова, что это мы с тобой такие пухленькие? Наша Никитина одевается исключительно в дорогущих магазинах, и вещи, в которых появилась в свете несколько раз, отдает Светке - благо, комплекции одинаковые. Ладно, сейчас сама все увидишь…Любимый, мы упорхнули. Перед сном дай кефир Максику.

Подруги вышли из подъезда, и Марина не преминула напомнить – «о неприятностях ни слова». Встретившая их Тамара выглядела так, будто встречала не школьных подруг, а готовилась к великосветскому рауту - эффектная преуспевающая леди.

- Смирнова, сколько лет....Ты почти не изменилась. Слышала, что ты замуж так и не вышла? И правильно - перевелись мужики, обмельчал народ, пресмыкаются....

- Да уж кому, как не тебе, об этом говорить, - заметила Марина, - знаешь, Тань, я как-то оказалась с Тамарой на Набережной, хотели в кафе посидеть, а ей нужно было завизировать выход теплохода. Она меня с собой взяла. Ты бы видела, с каким почтением ждали на судне, пока Тамара Марковна поднимется на борт, соблаговолит осмотреть состояние точек общепита и качество продуктов. Естественно, нашлись и недостатки, куда ж без них? Какую «поляну» нам накрыли… - Марина зажмурилась, - ни на какую Набережную мы уже не пошли...

Тамара засмеялась:

- Ладно, хватит болтать, идёмте, отметим встречу.

В гостиной, которая производила впечатление размерами и красивой мебелью, был накрыт стол. На белоснежной скатерти ве-

дерко с шампанским, фрукты, сырная тарелка изысканных сортов....

- Мужчин нет, Чабанова, открывай бутылку. Ну что, девочки, за встречу? Рада вас видеть, - Тамара улыбнулась, - давно втроём не сидели. Сейчас мой Андрюшка придёт, я тебя, Тань, с сынулей познакомлю. У Тамары лицо озарилось улыбкой при упоминании о сыне: он у меня замечательный, сама увидишь.

- А как же насчёт того, что мужики перевелись?

- Из моего вырастет настоящий мужчина. Умный мальчик, в школе учится без напряга, преподы довольны. Я сама вижу, что ему интересно учиться, кругозор широкий – много читает, иностранными языками увлекается. Самостоятельно начал учить французский, репетитор помогает. Теннисом занимается. Ладно, что это я? Давайте ещё выпьем, что ли?

Таня заметила, что на лице и шее Тамары появились пунцовые пятна. Та перехватила взгляд и объяснила:

- Неприятности на работе были, вот на нервной почве. Ерунда, пройдёт. Идём, Смирнова, я тебе своё гнёздышко покажу.

С гордостью Тамара повела подругу по своим апартаментам. Со вкусом подобрана мебель, повсюду комнатные растения, чувствовалось, с какой любовью обустраивала всё хозяйка. В детской стоял не очень большой аквариум, но выглядел сказочно - красивые рыбки, водоросли, раковины, грот, всё было подсвечено и завораживало взгляд.

- Андрею подарили родители на Новый год. У меня терпения бы не хватило за ним ухаживать, а ему нравится. В прихожей хлопнула дверь. - А вот и он. Тамара вышла встретить сына.

- Татьяна, познакомься - мой Андрюша, - Тамара ласково обняла за плечи и подтолкнула к Тане сына, - каков, а? Мальчишка был, действительно, хорош. В свои двенадцать он выглядел несколько старше. Унаследовав черты матери, был весьма привлекателен.

- От девчонок отбоя нет, - засмеялась Марина. Андрей смутился и отправился к себе в комнату.

- Ну что, продолжим? - Тамара снова пригласила к столу.

Далеко за полночь Таня вернулась домой. Посиделки удались. Никитина сама, несколько расслабившись, рассказала о своих проблемах. Работая в СЭС, никогда не была ограничена в средствах.

Несли в конвертах, встречали в ресторанах, когда она заходила с проверкой. О том, что мелкие рынки, в последнее время появившиеся на бывших пустырях, также довольно прибыльны. Говорить не приходилось: любому продавцу можно предъявить претензии - было бы желание. Поэтому несли деньги, пакеты с продуктами. А учитывая, что на территории района, который обслуживала её СЭС, находится речной вокзал, и в её обязанности входит проверка судов перед выходом в рейс, для неё был решён вопрос приятного отдыха. Летом они с Андреем непременно посещали несколько городов, в которые организовывались туры.

Но полосы жизни чередуются, и вот не повезло. Во время получения очередного подношения в кабинет Тамары Марковны вошли крепкие ребята и предложили открыть ящик стола, куда только что она опустила конверт. И в конверте была «мелочь» за разрешение на право торговли... Составили в присутствии понятых протокол, и теперь Тамара живёт в ожидании суда. Адвокат пообещал, что всё закончится благополучно. «Иначе и быть не может, - подумала Таня. - Адвокат, родители, покровитель в лице главврача в обиду не дадут. Взятка - подумаешь, какие пустяки. Никитина сказала, что главный - довольно мерзкий старикашка, но даёт ей жить. Приходится делиться, и, увы, не только содержимым конвертов, но и личным временем… Но тут уж ничего не поделаешь. Хочешь жить - умей чем-то жертвовать. Так было, и так будет».

С утра Таня с тяжёлой головой отправилась на службу. И дело не в том, что выпили накануне, а в том, что мысли не давали уснуть. Долго размышляла об увиденном и услышанном.

- Лёв, я вчера была у Никитиной. Ты оказался прав, замели девочку, ну да ничего, отвертится. А живёт весьма и весьма недурно.

- Вот получит срок с конфискацией, как тогда заживёт?

- Рассмешил. Ты помнишь судебные решения с конфискацией? Если я не ошибаюсь, такой практики нет. Иначе кто-то мог бы задуматься о судьбе ближних после своего ареста. Увы, воруют, берут и процветают... А Томка отделается лёгким испугом, я тебе уже говорила.

- Посмотрим…

Служебные обязанности, домашние дела - повседневная жизнь... В этой текучке Татьяна как-то успела забыть о той встрече с подругами юности. Но однажды после работы Таня встретилась с

приятельницей, побродили по магазинам, зашли в кафе выпить по чашке горячего шоколада. Поговорили о пустяках, время пролетело незаметно, и когда Таня вернулась домой, все местные выпуски «Новостей» уже прошли. Мама выглянула из комнаты:

- Таня, «Новости» ты, конечно, не видела? Показывали твою Никитину, вчера состоялся суд. Выглядела удручённо, но всё закончилось для неё лёгким испугом. Адвокат нашёл какие-то нестыковки в деле, недостаёт каких-то подписей, что ли. То есть, приговор оправдательный, даже никакого штрафа. Можно сказать, пальчиком пригрозили Тамаре.

- А ты думала, её в последнем вагоне на Колыму отправят? Мамуля, не такие преступники на воле разгуливают. Ты же столько времени проводишь у телевизора, тебе ли этого не знать? А лояльность присяжных вообще не знает границ. Так о чём разговор? А Томка впредь будет осторожней, только и всего.

…Незаметно шло время. Встречаться со школьными подругами было как-то недосуг, и вдруг случилось то, что заставило Таню снова вспомнить о существовании Марины и позвонить ей. Как-то Таня встретила во дворе соседку, которая задала вопрос, повергший в шок:

- Тань, ты Никитину давно видела?

- Давно - это мягко сказано.

- Знаешь, я могла ошибиться, но, по-моему, это была она. У нее ведь «Субару» тёмно-синяя, да?

- Ну вроде такая раньше была, сейчас - не знаю.

- Мне кажется, что я видела за рулём Томку, а рядом с ней сидел никто иной, не поверишь... Нырок.

- Да ладно тебе, - отмахнулась Таня, - такого быть не может. Кто Никитина, и кто Нырок? Может, случайно подвозила?

Нырок тоже был из их класса. Мальчик из вполне благополучной семьи, после школы поступил в институт, откуда на первом же курсе был отчислен за систематические прогулы и фарцовку. Для родителей это был первый удар, а потом посыпались один за другим. И к настоящему времени у Нырка за плечами было три судимости: первая - за мелкое хулиганство, потом - кража и, наконец, убийство. Вроде по неосторожности, но вполне вероятно, сказалась помощь старшего брата, который в отличие от Илюхи был образцо-

вым семьянином, занимал весьма солидную милицейскую должность.

Как-то не вязалось, что у Никитиной могут быть общие интересы с Нырком. Этого просто не может быть! И Таня снова позвонила Марине.

- О Боже, Танюха, давай, приезжай. Здесь такое творится!.. Давай, я жду!

У Марины подрос сынишка, она вышла на работу, внешне нисколько не изменилась и так же, с порога затараторила:

- Тань, караул! Мир перевернулся. Никитина сошла с ума. Я не знаю, что делать.

- Можно чуть помедленнее и поподробнее?

- Можно. Тань, недели две назад ко мне пришёл Андрей. Мальчишка, чуть не со слезами на глазах, можешь себе представить, говорит: «Тёть Марин, меня мама домой не пускает. Дверь не открывает, ругается». Я просто в осадок выпала. Тамара не пускает сына домой? Я быстренько оделась, и мы пошли к ним. По дороге он рассказал, что у них уже несколько дней живёт дядя Илья, они с мамой пьют, дома кавардак. Он не знает, что делать. Знаешь, мне такое присниться могло разве что в кошмарном сне. Поднимаемся, вижу - Андрюшка в лице изменился. Звоню, а из-за двери отборный мат. Тамара отправляет незваных гостей туда, где Макар телят не пас.

- Марин, такое возможно? - Таня не могла поверить услышанному. Она помнила, с какой любовью говорила Тамара о своём сыне, с каким теплом она знакомила Таню с отпрыском. И теперь поверить в то, что та же Тамара не пускает сына домой, было выше её сил.

- Увы, оказалось, очень даже возможно. Знаешь, в критические моменты я могу действовать решительно, откуда что берётся. Решили поступить так - Андрей просит впустить его за диском, и он сразу же уйдёт. Никитина открыла на сей раз дверь, и, не дожидаясь, пока Андрей войдёт, удалилась на кухню. Меня она увидеть никак не ожидала. Тань, ты себе представить не можешь, что предстало перед моим взором... Какая это была квартира - ты видела. Сейчас кругом грязь, пустые бутылки, в гостиной на белом паласе разбитый цветочный горшок, грязные следы ведут в спальню. Мадам Никитина - с роскошным фингалом, подшофе. А в спальне из-

под одеяла торчат грязные пятки Нырка... Идиллия... Я не удержалась и, как следует, тряхнула Томку. Говорю: «Девочка, ты каким местом думаешь? И что ты делаешь? Посмотри на сына. Ты о нём забыла?» В общем, я сказала ей всё, что в тот момент о ней думала. Она мне: «Марин, я всё поняла, вы с Андреем спуститесь во двор, я сейчас выйду, решим, что делать». Спустились... Через полчаса из подъезда вылетела фурия и с ходу заявила: «Так, я не знаю, с чего ты взяла, что можешь вмешиваться в мою жизнь, я живу так, как хочу, и не смей мне давать советы. Илья - мой гражданский муж. А ты кто? Вот и не высовывайся. Со своим сыном я сама разберусь. А сейчас я иду за сигаретами. Пошли вон, вас видеть не хочу».

- Смотрю, - продолжала Марина, - у Андрюшки слёзы полились. Тань, ему почти пятнадцать лет... Позвала его к себе, звоню бабуле, а ты знаешь, что она меня ещё со школы не больно жаловала, но тут меня понесло. Я ей с ходу сообщаю, что у меня её внук, а её любимая дочь невменяема, и что делать с Андреем, я не знаю. В общем, приехала она, забрала Андрея к себе. Сказала, что заподозрила что-то неладное с Тамарой, но не придала этому серьёзного значения. Оказывается, у неё пропали фамильные драгоценности, но Томка ответила, что взяла их поносить. Как будто у самой брюликов мало. И девочка наша, оказывается, вылетела с работы два месяца назад. Там тёмная история, не знаю, насколько достоверна. Её главный должен был ей кругленькую сумму, но отдавать как-то не хотел, и Томусик решила старого припугнуть. Обратилась к крутым ребяткам за помощью. Не настолько крутыми оказались ребята, выбить долг не смогли, а с работы она вылетела в два счета. И тут появился Нырок. Две недели живёт у неё. Как тебе история?

Сказать, что Таня была в шоке - это ничего не сказать. Она не могла понять, что заставило Тамару найти такой выход из ситуации? Связаться с Нырком, забросить сына? Ну преследовали её неудачи, у кого их нет? Осталась без работы, но ведь не без средств к существованию. Потеряла доходное место, да. Ведь могла бы снова работать врачом. Отец - известный в городе хирург, неужели не помог бы? Привыкла видеть вокруг себя просящие взгляды, заискивающие? А каково видеть сейчас глаза Андрея? Или она уже не способна их видеть? Вопросов было гораздо больше, чем можно было найти ответов.

- Марин, я слышала, что Нырок подсел на наркотики?

- Я тоже слышала. Не знаю, может быть, и Томка составила ему компанию? Но, по-моему, она была просто пьяной. Мне страшно и за неё, и ужасно жаль Андрея. Как ей помочь, если она ничего не хочет слышать?

- Может, вместе к ней зайдём?

- Ага, и она нас встретит с распростёртыми объятиями. Даже если она дома - на порог не пустит. Они недавно закатились в «Золотой телёнок», откуда-то деньги, видно, появились. Томка там устроила скандал, разбила что-то и отказалась платить. Кричала: «Да вы не знаете, кто я? Да я не в таких ресторанах бывала и не с такой посуды едала», и начала об пол крушить благородный хрусталь. Вызвали наряд, и буйную парочку доставили в отдел. Там Нырок вспомнил про брата. Того вызвали из дома, он приехал, вытащил их, но Томке дал в глаз. Боже, вот это жизнь...

Подруги долго ещё сидели, рассуждая на вечные темы «Кто виноват?» и «Что делать?» У Андрея переходный возраст, сейчас особенно болезненно воспринимается все, а тут такое… Может сорваться и составить компанию любимой мамочке...

- Я на днях его встретила, сказал, что у бабки с дедом ему плохо. Ты же помнишь, какой деспотичный отец у Томки. И дома не жизнь. Говорит: «Тётя Марина, я, наверно, сбегу. Проживу как-нибудь». Я не нашлась, что ответить. Попросила не принимать скоропалительных решений.

Пока на уютной кухне у Марины обсуждались животрепещущие вопросы, Тамара за рулём своей, уже несколько побитой иномарки мчалась вместе с «гражданским мужем» за очередной дозой для любимого. Зима в этом году преподносила бесконечные сюрпризы. Утренний мороз к вечеру сменялся оттепелью, моросил дождь, - и наоборот. Дороги не успевали приводить в порядок. И сегодня был гололёд, ставший уже привычным. Резина на авто у нерадивой хозяйки стояла летняя, поменять времени и желания не было. Вылетев на мост, Тамара не справилась с управлением, врезалась в ажурную решётку и не успела ничего предпринять, о чём-то подумать - машина, пробивая лёд, рухнула в воду.

СОДЕРЖАНИЕ

Пётр КУЗНЕЦОВ. Согреваем добрым словом…… 3
Ольга БАГАЛЕЙША. Стихи…… 5
Анна ВОРОНИНА. Стихи…… 13
Наталья ГОРБАЧЁВА. Стихи…… 17
Ольга ДЕВЯТКА. Стихи…… 23
Григорий ДОЛГИНЦЕВ. Рассказы…… 29
Эдуард КИРЕЕВ Рассказы…… 35
Владимир КИСЕЛЁВ. Стихи…… 49
Николай КЛЁЦКИН. Стихи…… 62
Владимир КОРНЮШ. Рассказы…… 69
Альберт ЛЕВА. Стихи…… 82
Николай ЛЕСКОВ. Стихи…… 90
Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ. Рассказы…… 98
Елена ОСЕННЯЯ. Стихи…… 114
Юрий САЛЬНИКОВ. Стихи…… 124
Татьяна СКВОРЦОВА. Стихи…… 132
Виталий СМАЛЬКОВ. Стихи…… 148
Галина СОЛОНОВА. Рассказы…… 155
Вера ТАРАСЕНКО. Рассказы…… 167
Тамара ТЯБОКИНА. Стихи…… 181
Светлана ЧЕРНОВА. Стихи…… 187
Елена ШАДРИНА. Сказка…… 196
Антонина ЯКУНЕНКОВА. Миниатюры…… 201

КОРАБЛИК

Анна ВОРОНИНА…… 205
Татьяна СКВОРЦОВА…… 206
Виталий СМАЛЬКОВ…… 211
Вера ТАРАСЕНКО…… 213
Галина СОЛОНОВА…… 216
Елена ШАДРИНА…… 218
Лауреаты «Мастерской словесности»…… 222

НАШИ ГОСТИ

Людмила АЛЕКСАНДРОВА. Рассказ…… 224
Елена МИРОНОВА. Рассказы…… 227

Сельцовское городское литературное объединение «ПАРУС» скорбит по поводу смерти собрата по перу, участника литературного объединения КИРЕЕВА ЭДУАРДА ПАВЛОВИЧА